

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 4 (36) | 2024

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (36)

Киров
2024

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (36)

Kirov
2024

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Зубов Владимир Евгеньевич.* История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ). Часть I 9
- Орлов Максим Александрович.* Распространение ислама в Волго-Уральском регионе в середине XVIII – начале XX в. 18
- Ляпанов Артем Владимирович, Рагимханов Алексей Валентинович.* Город Владимир как центр зарождения российского монархизма (от Мономаха до Батыева нашествия – 1158–1238 гг.) 28
- Субботина Анна Михайловна.* Вятское губернское земство на страницах журнала «Пчеловодная жизнь» 41

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Осипов Евгений Александрович.* Признание Францией Народной Республики Ангола в 1976 г. По материалам архива МИД Франции 47
- Краева Татьяна Андреевна.* Антиимпериалистическая лига: репрезентация в прессе (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) 54
- Никитенко Сергей Дмитриевич.* Донесения военного агента А. П. Горлова о вооруженных силах США в 1871–1872 гг. 63
- Майоров Кирилл Владимирович.* Эпоха «джинового безумия» в Англии первой половины XVIII в. 70

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Марасанова Ольга Владимировна, Янковская Галина Александровна.* «Киберисториография»: технологическая история позднесоветского общества в российских исследованиях 78

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

- Шаманаев Андрей Васильевич.* Материалы к истории Трапезундской экспедиции 1917 г.: письма Н. К. Клуге к Л. А. Моисееву 88

АРХЕОЛОГИЯ

- Моряхина Кристина Викторовна.* Ремесленные и хозяйственные орудия Плесинского могильника 96

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Михайленко Елена Николаевна.* Образ пустоты в повести Дж. Конрада «Сердце тьмы» 105
- Марковенков Дмитрий Викторович.* Функции «взгляда» в рассказах Рэймонда Карвера 114

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Зотова Анна Сергеевна. Семиотика социальных медиа
в социокультурном ландшафте современного общества 121*

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Казанков Александр Игоревич. Молчальники и начальники
советской Белоруссии в 1937–1939 гг. 129*

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Вячеслава Алексеевича Поздеева..... 132

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

- Zubov Vladimir Evgenievich.* The history of public service in scientific publications 2011–2015 (based on the materials of the RSCI). Part I 9
- Orlov Maxim Alexandrovich.* The spread of Islam in the Volga-Ural region in the middle of the XVIII – early XX century 18
- Lyapanov Artem Vladimirovich, Ragimkhanov Alexey Valentinovich.* The city of Vladimir as the center of the origin of Russian monarchism (from Monomakh to the Batu invasion – 1158–1238) 28
- Subbotina Anna Mikhailovna.* Vyatka Provincial Zemstvo on the pages of the journal "Beekeeping Life" 41

GENERAL HISTORY

- Osipov Evgeny Aleksandrovich.* Recognition by France of the People's Republic of Angola in 1976 Based on the materials of the archive of the French Foreign Ministry 47
- Kraeva Tatyana Andreevna.* The Anti-Imperialist League: representation in the press (late 1920s – early 1930s) 54
- Nikitenko Sergey Dmitrievich.* Reports of military agent A. P. Gorlov on the US Armed Forces in 1871–1872 63
- Mayorov Kirill Vladimirovich.* The era of "gin madness" in England in the first half of the XVIII century 70

HISTORIOGRAPHY

- Marasanova Olga Vladimirovna, Yankovskaya Galina Alexandrovna.* "Cyberistoriography": the technological history of late Soviet society in Russian studies 78

HISTORY IN DOCUMENTS

- Shamanaev Andrey Vasilyevich.* Materials for the history of the Trebizond expedition of 1917: a letter from N. K. Kluge to L. A. Moiseev 88

ARCHEOLOGY

- Moryakhina Kristina Viktorovna.* Handicraft and household tools of the Plesinsk burial ground 96

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Mikhaylenko Elena Nikolaevna.* The image of emptiness in the story of J. Conrad "The Heart of Darkness" 105
- Markovnenkov Dmitry Viktorovich.* The functions of the "gaze" in Raymond Carver's short stories 114

CULTURAL STUDY

<i>Zotova Anna Sergeevna. The semiotics of social media in the socio-cultural landscape of modern Society</i>	121
---	-----

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

<i>Kazankov Alexander Igorevich. The Silent Men and the chiefs of Soviet Belarus in 1937–1939.....</i>	129
--	-----

PERSONALITIES

To the anniversary of Vyacheslav Alekseevich Pozdeev	132
--	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 35.08(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.053

История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ). Часть I

Зубов Владимир Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Россия, г. Новосибирск. ORCID: 0000-0001-9402-4414. AuthorID: 328442. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с резким ростом количества публикаций, что затрудняет анализ результатов, достигнутых в той или иной предметной области, делает невозможной их оценку и сопоставление результатов, полученных различными авторами. В статье изложена методика отбора материалов для исследования, анализируются современные научные публикации, посвященные истории государственной (гражданской) службы, изданные за период 2011–2015 гг. Для рассмотрения использованы материалы с открытым доступом к тексту в базе РИНЦ. Выявленные работы были разбиты на несколько групп в зависимости от их тематики. В рамках данной статьи рассматриваются только публикации, затрагивающие общеисторический и теоретический аспекты государственной службы в прошлом и современной государственной службы. Остальные тематические группы публикаций (история отдельных ведомств и службы в них, направления деятельности государства, служба в различных регионах Российской империи, история государственной службы в других странах, персоналии) будут анализироваться в других статьях. Работы, характеризующие военную и другие специализированные виды службы, не рассматривались. Сделан промежуточный вывод о недостаточном внимании авторов к общим вопросам организации государственной службы, что препятствует решению частных проблем. Недостаточно проработанными следует считать понимание природы государственной службы, отсутствие общепринятого ее определения, вопросы периодизации развития государственной службы в прошлом и настоящем. Отдельной проблемой для рассматриваемого периода, характерной, возможно, не только для исторической науки, становится нарушение формальных требований к оформлению результатов исследований.

Ключевые слова: государственная служба, история, историография, история государственной службы, гражданская служба.

Состояние науки в России вызывает в последние десятилетия серьезное беспокойство. Снижение качества подготовки выпускников вузов, нарушение процессов преемственности, «утечка мозгов» и т. д. дополняются новыми проблемами, возникшими в ходе проводимых в последние годы реформ. В области гуманитарных и общественных наук ситуация усугубляется отсутствием общей методологии, что затрудняет оценку и проверку полученных результатов. К сказанному следует добавить и резкое увеличение объемов научной информации, снижающее эффективность научной работы. Исследователи ведут ее, зачастую не зная о том, что уже сделано в конкретной предметной области. Историографическая часть публикаций даже монографического характера выглядит весьма усеченной, если не отсутствующей вообще. Полученные новые результаты не с чем сопоставить и, соответственно, сложно делать выводы относительно их достоверности. Происходит и неоправданное распыление сил – ученые обращаются к хорошо проработанным и, если можно так выразиться, «завершенным» темам, повторяют выводы, сделанные ранее.

В предлагаемой публикации предпринята попытка анализа современных научных работ в области истории государственной службы. Для исследования использована база Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – национальной информационно-аналитической системы, включающей «12 миллионов публикаций российских ученых, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов» [10]. Выбор

платформы обусловлен и тем, что значительная часть материалов (4800 российских журналов из 6000, обрабатываемых в РИНЦ) размещены в открытом доступе на платформе ELIBRARY.RU [10], что позволяет формировать репрезентативную выборку.

Понятно, что имеющаяся база не идеальна – РИНЦ неоднократно подвергался критике [19], но, думаем, также понятно и то, что система развивается, совершенствуется, в том числе и под влиянием замечаний научного сообщества.

Хронологические рамки публикации охватывают период с 2011 по 2015 гг. В качестве начальной даты выбран один из этапов развития РИНЦ: «С 2011 года авторы научных публикаций получили возможность зарегистрироваться и самостоятельно проверять и уточнять списки своих публикаций и цитирований в РИНЦ, на основании которых проводятся наукометрические расчеты. <...> зарегистрированный ученый получает уникальный идентификатор (SPIN-код), позволяющий в дальнейшем однозначно идентифицировать его как автора научных публикаций» [10]. Данное решение позволяет говорить о достижении достаточного уровня достоверности размещаемой информации и пригодности ее для анализа, тем более что, по словам разработчиков, «с момента открытия регистрации уже более 380 тысяч авторов воспользовались этой возможностью, что составляет примерно 90 % от общего количества публикующихся в настоящее время российских ученых» [10].

В качестве конечного рубежа выбран 2015 г. В этом году в РИНЦ также происходили важные изменения, одним из которых стало выделение ядра «лучших публикаций», что позволяет «делать оценки эффективности научных исследований на основании наиболее качественного сегмента научных работ российских ученых» [10]. Выбор конечной даты имеет и другие, не менее серьезные основания, связанные с публикацией на сайте ВАК паспорта «научной специальности "геология"» [11]. Данное решение и последовавшие за ним приказы Минобрнауки могут рассматриваться как рубеж в развитии гуманитарной науки в России, так как они фактически ликвидировали различия между наукой и не наукой и позволяют заявлять как научные публикации любые, в том числе не выдерживающие элементарной научной критики, работы¹. Соответственно, проведение анализа публикаций, появившихся после 2015 г., требует иных подходов и оценок.

Помимо выбора хронологических рамок потребовалось ввести ряд дополнительных ограничений на условия отбора работ. Поиск проводился только среди материалов, размещенных в открытом доступе и доступных нам. Круг поиска ограничен журнальными статьями и материалами конференций, поскольку включение в круг поиска книг, диссертаций, отчетов потребовало бы множества отдельных публикаций (рецензий). Определенные сложности возникли с определением содержательных критериев поиска. Выбор наиболее общих ключевых слов и словосочетаний («государственная служба») давал слишком большой набор результатов, не позволяющий рассмотреть все найденные работы в рамках журнальной статьи – указанное сочетание давало 4200 публикаций с учетом оговоренных выше критериев. Сочетание «гражданская служба» также оказалось избыточным – количество найденных публикаций 973 – оставалось чрезмерным. В итоге поле поиска первоначально было ограничено историческим аспектом гражданской службы (ключевые слова: «гражданская служба», «история»). При этом поиск велся с учетом морфологии в названии публикации, аннотации и ключевых словах. Результатом поиска стали 28 публикаций. Дальнейший отбор проводился вручную с учетом нашей научной специализации и темы исследования. При этом исключались публикации, написанные студентами, бакалаврами и магистрантами. Наблюдаемая практика широкого допуска обучающихся к публикации статей и участию в научных мероприятиях (конференциях, семинарах и т. д.), на наш взгляд, приводит не к повышению качества студенческих работ, а к снижению научной ценности публикуемых материалов. Думается, что целесообразно все-таки разводить студенческий и научный уровень сборников и мероприятий. Полностью отсеять студенческие работы нам, возможно, не удалось, так как в ряде случаев сведения об авторе в публикациях отсутствовали. В РИНЦ профиль автора также часто отсутствовал. С целью получения необходимых данных использовались поисковые системы Интернета, однако и они зачастую выдавали нулевой результат. В таких случаях статья считалась принадлежащей специалисту-исследователю (сомнения – в пользу лица), поэтому допускаем наличие в выборке отдельных студенческих работ.

¹ Поднять теологию до уровня науки невозможно в силу принципиальной несовместимости их оснований, но можно опустить науку до уровня теологии, подтверждением чему служит отказ Минобрнауки рассматривать апелляции ученых по поводу проведенных защит [6].

Отбирались работы только на русском языке, поскольку недостаточное знание того или иного языка могло привести к неправильной оценке положений работы [20, с. 87–97]. Не рассмотрены статьи, подготовленные нами или с нашим участием.

Вне поля рассмотрения оставались публикации, связанные с военной службой, МЧС, медициной и другими близкими к ним структурами, в связи с наличием четко выраженной специфики, отличающей их от общегосударственной службы [4, с. 63–67]. Не рассматривались и так называемые «иные виды государственной службы», поскольку требовали длительного анализа законодательства с целью их обнаружения.

Дополнительные ограничения сделали выборку нерепрезентативной и потребовали нового поиска, в котором задано ключевое слово «история государственной службы». В выборку попало 147 работ, использованных при подготовке статьи с теми же ограничениями, что и ранее. Включены отдельные публикации, найденные случайным образом или при обращении к профилю автора. Их число в общей массе невелико и составляет несколько единиц. Наличие таких работ свидетельствует о недостаточности выбранного метода поиска² – по ключевым словам, однако, мы считаем его применение оправданным, поскольку, являясь формальным, он позволяет легко воспроизвести полученные результаты и проверять их достоверность.

При проведении дальнейших исследований следует учитывать возможное несоответствие результатов поиска в связи с обновлением базы РИНЦ. Проверка актуальности поисковых результатов проводилась нами в начале декабря 2021 г. и в январе 2024 г. В первом случае результаты совпали с первоначальными, во втором – из поиска выпала одна статья (вместо 147 работ система обнаружила 146).

Обращаем внимание на отсутствие в некоторых электронных копиях статей нумерации страниц, из-за чего невозможно дать полноценную ссылку при цитировании.

Методологической основой исследования послужил диалектико-материалистический метод, предполагающий следование принципам материализма, историзма и диалектики. Данный метод требует рассматривать объект в развитии и взаимосвязи с другими объектами, что важно для восстановления преемственности исторического знания, нарушенного в последние годы, и сохранения истории как науки. С учетом выбранной методологии полученные результаты предполагается использовать в качестве базы для сопоставления с работами, опубликованными ранее и позднее выбранного периода. Их предполагается рассмотреть в следующих публикациях. Диалектическое понимание истории, в том числе и истории исторической науки, позволяет находить и проследивать связи и изменения во взглядах исследователей, объяснять причины происходящих в них изменений, обусловленные действиями объективных закономерностей, что также важно для восстановления статуса истории как науки. Наряду с общими использовались и специальные методы исследования – поиск по ключевым словам в базе данных, сравнительно-сопоставительный метод и др.

В ходе анализа все найденные публикации разделены на несколько групп, в зависимости от содержания работы и места в них исторического контекста гражданской (государственной службы).

Здесь рассматриваются статьи, посвященные общим вопросам истории гражданской службы в прошлом (советский и досоветский период) и «истории» современной государственной службы (с начала 90-х гг. XX в.).

Некоторые из рассмотренных работ представляют очевидный интерес, поскольку в них предпринимается попытка решения важных теоретических вопросов, необходимых для исследователей. Так, Г. А. Борщевский [1, с. 105–108] предлагает «новый методологический подход к исследованию истории реформирования государственной службы, суть которого состоит в описании ее динамики через последовательную смену так называемых исторических моделей», т. е. «совокупности характеристик, определяющих уникальную особенность государственной службы каждой страны в конкретную историческую эпоху» [1, с. 106]. Поиск новой методологии обусловлен, по мнению автора, статичностью используемых моделей и значительной ролью административного ресурса. В основу ее, по мнению Г. А. Борщевского, должен быть положен целый комплекс факторов, включающий ценности, приоритеты, организационно-правовые рамки, в которых строится государственная служба и др. [1, с. 106]. Объемы журнальной публикации, безусловно, недостаточны, чтобы получить полное представление о

² Возможны и другие причины, например, недостаточное внимание авторов к процедуре отбора ключевых слов для характеристики публикации.

предлагаемой методологии, но думается, что многие (если не все) ее элементы могут быть реализованы в рамках существующей диалектико-материалистической методологии, акцентирующей внимание именно на динамике и многообразии связей и факторов, определяющих черты и особенности функционирования исследуемого объекта, способствующих выделению из них ключевых и принципиально важных для его развития и функционирования. При этом она позволяет избежать нарушения преемственности развития, часто возникающей при использовании статичных моделей. Интересные возможности для дальнейшей работы просматриваются при сопоставлении результатов, полученных Г. А. Борщевским, с результатами других исследователей, например, Т. И. Метушевской [8, с. 187–206], статья которой также посвящена моделям государственной службы в России. Отметим, что эта статья хотя и соответствует заданным критериям, не попала в выборку и найдена случайным образом. В работе рассматривается модель государственной службы, сложившаяся в России в XVIII – первой половине XIX в. Исходным тезисом публикации послужило положение о существовании различных моделей государственной службы, приспособляемых к потребностям страны. В представленном виде данная мысль выглядит несколько спорной, поскольку из нее следует, что модель государственной службы формируется независимо от интересов ее субъектов, существует как некое автономное явление, которое власть адаптирует (приспосабливает) к своим интересам. Автор прямо подчеркивает, что «все остальное в государственной службе (ее структура, статус служащих, порядок прохождения) производно от этой модели» [8]. Слабость данного тезиса, нам видится в том, что он не объясняет, каким образом, на основе действия каких факторов возникает та или иная модель. Автор, возможно, недостаточно точно выразил свою мысль, поскольку в других местах работы она меняет систему приоритетов. Так, говоря о деятельности Петра I, указывает: «Именно благодаря его реформаторской деятельности в начале XVIII века складывается система принципов государственной службы, которые образуют «микросхему» государственно-административной модели данной структуры». Т. е. принципы государственной службы здесь выступают уже не производной от модели, а результатом деятельности власти, и в соответствии с этими принципами формируется модель государственной службы. Но далее происходит возврат к исходному тезису: «формулировка и установление законодателем принципов государственной службы зависит от избранной (функционирующей в стране) модели государственной службы». В итоге становится трудно понять, что первично, а что вторично: модель или принципы. Дополнительной аргументации требуют и некоторые другие положения работы.

Еще одна публикация Т. И. Метушевской также представляет несомненный научный интерес, хотя посвящена не самой дореволюционной государственной службе, а ее концепциям, сформировавшимся в российском правоведении XIX–XX века [7, с. 102–110]. Полностью разделяя основной вывод автора о динамичном характере государственной службы, ее изменении под влиянием внешних и внутренних факторов на том или ином этапе развития государства, позволим себе не согласиться с некоторыми сделанными оценками. Так, автор статьи считает, что «наиболее четко определил понятие государственной службы О. Эйхельман: <...> «исполнение лицом, по собственному его согласию и по назначению правительственной властью, постоянной должности, по штату или сверх штата, с определенными обязанностями в учреждениях государственного управления и служебной ответственностью, соединенное с получением жалованья, выслугой чинов, знаков отличия и пенсии» [7].

Проведенные нами исследования состава государственного аппарата в дореволюционный период дают основания утверждать, что такая детализация критериев только запутывает понимание природы и содержания государственной службы, поскольку в Российской империи существовали чиновники (работники государственных учреждений), не имеющие чинов, не занимающие постоянных должностей, без определенных занятий, без получения жалованья, без права выслуги чинов и пенсии. Тем не менее такие лица входили в состав государственных служащих и работников аппарата управления [5, с. 98–102]. На наш взгляд, наиболее адекватными представляются приводимые в статье Т. И. Метушевской определения А. Д. Градовского и Н. М. Коркунова. Требуют уточнения и выводы об изменении характера служебных отношений после издания Жалованной грамоты дворянству. Изменение природы государственной службы может быть признано справедливым только по отношению к дворянству. Но для некоторых иных категорий населения обязанность поступления на государственную службу и запрещение выбирать другой род деятельности сохранялись и в XIX в. Для отдельных социальных групп границы выбора лежали между поступлением на государствен-

ную (иногда даже только гражданскую) службу и запись в податное состояние. Вызывают вопросы и некоторые моменты, касающиеся государственной службы в советское время («В советский период отделить государственную службу от службы вообще почти невозможно»). Из текста статьи неясно, что следует понимать под «службой вообще». Для того времени известны два вида службы – государственная и негосударственная, т. е. служба в общественных, кооперативных организациях и др. (частной службы в советское время не было). Поэтому нам сложно представить содержательное наполнение использованного словосочетания. Но автор, видимо, прав, подчеркивая отсутствие собственного законодательства о гражданской службе. Оговорка «видимо» необходима, так как существуют свидетельства, в том числе – документальные, того, что в советское время предпринимались попытки создать гражданскую службу как особую сферу деятельности или выделить отдельные группы в общей массе государственных служащих. Данное предположение мы выдвигаем в качестве рабочей гипотезы, требующей проверки и дополнительных исследований. Тем не менее подавляющее большинство государственных служащих, занятых в гражданской сфере, являлись такими же трудящимися гражданами, как рабочие и крестьяне.

Интересен и анализ современных подходов к определению государственной службы, представленный в рассматриваемой статье. Мы, вслед за автором, готовы согласиться с позицией Г. В. Атаманчука, считающего, что государственная служба «не есть работа в буквальном смысле слова, поскольку она связана с властным целеполаганием, организацией и регулированием общественных процессов; в ней, скорее, представлены отношение долга, преданности, защиты интересов, начал, должного по отношению к обществу и отдельным людям» [7]. Выдвигаемые автором статьи положения, касающиеся истории возникновения государственной и гражданской службы, также достаточно хорошо обоснованы и аргументированы.

В число рассмотренных работ включена вторая часть статьи Н. И. Глазуновой [2, с. 267–272], посвященной такой актуальной общей проблеме организации государственной службы, как подготовка кадров. Публикация охватывает период реформ Петра I и Екатерины II, но сама проблема сохраняет свое значение и сегодня. Данная работа интересна главным образом тем, что в ней отразились недостатки, характерные для современных публикаций в области гуманитарных и общественных наук³, в частности – слабое знакомство с результатами предшественников. Рассматривая такие важные в плане развития государственной службы периоды, как реформы Петра I и Екатерины II, автор использует всего 5 (!) источников, из них 3 законодательных акта – «Табель о рангах» 24 января 1722 [12, с. 486–493]; «Инструкция сотскому с товарищи» 19 декабря 1774 [14, с. 1067–1081]; «Устав благочиния или полицейский» 8 апреля 1782 [15, с. 461–488]; и 2 (!) публикации, среди которых нет ни одной специальной работы, посвященной подготовке кадров. Оба издания относятся к дореволюционному периоду (Кавелин К. Д. Записка об освобождении крестьян в России; Юсти Г. «Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касавшихся до государственного благочиния» – вышла в 1772–1778 гг.). Мы не обсуждаем вопрос, насколько в указанных трудах раскрыты вопросы подготовки кадров. Возможно, что представленный список литературы не соответствует уровню освоения темы автором статьи, но тем большее удивление вызывают выдвинутые тезисы и сделанные выводы. К их числу можно отнести например, утверждение о разделении чина и должности в Табели о рангах (хотя еще дореволюционные исследователи справедливо отмечали, что разделение чина и должности произошло только в период правления Екатерины II и Павла I, т. е. в конце XVIII – начале XIX в.). Ни один из указов, связанных с таким отделением, Н. И. Глазунова не упоминает. Нежелание использовать специальные работы приводит к появлению других спорных и противоречивых утверждений. Так, выдвинутый тезис – «доступ к высшим должностям лиц, не принадлежащих к дворянскому сословию, преграждался почти совершенно» [2], подтверждается ссылкой на указ от 31 января 1724 г. [13, с. 226], который как раз и разрешал такое производство за заслуги, что было характерно для периода деятельности Петра I. Статьи указа, конечно, можно трактовать по-разному (это напоминает спор о том, пуст стакан наполовину или полон), для их оценки необходимо учитывать реальную практику. Даже беглое знакомство с последующими законами, не говоря о работах, исследующих состав государственных служащих,

³ Аналогичные ошибки мы наблюдали в ходе анализа публикаций, включенных в другие группы, не рассматриваемые в данной статье.

показывает, что утверждение автора ей не соответствует. Объем журнальной публикации не позволяет хотя бы бегло рассмотреть все тезисы Н. И. Глазуновой, однако следует признать крайне низкую научную ценность ее работы с точки зрения изучения истории государственной службы.

Ознакомиться с первой частью статьи нам не удалось, поскольку доступ к ней закрыт. Также недоступным оказался и текст статьи А. Ф. Поташева [16, с. 155–157], так как ссылка на сайт издательства «Грамота», где эта статья размещена в открытом доступе, оказалась нерабочей. Автор обращается к хорошо проработанной в исторической науке теме – роли петровской Табели о рангах в истории России. Возможно, что в статье содержатся какие-то новые данные, отсутствующие в ранее опубликованных фундаментальных исследованиях В. А. Евринова, С. М. Троицкого и других авторов.

Исторический аспект имиджа государственной службы рассмотрен в публикации И. Н. Шлеверды [17, с. 137–141]. Можно согласиться со многими положениями автора и других исследователей, приводимыми в статье. Например, выводом о связи уровня легитимности власти и отношением к государственным служащим, воспроизводимым со ссылкой на А. В. Оболенского: самодержавие, находящееся в глубоком кризисе, критиковало чиновников, «чтобы снять с себя ответственность за различные проводимые руководством страны непопулярные действия и мероприятия и продемонстрировать таким образом свою солидарность с народом». Такой тезис отражает реалии жизни. Примером может служить «античиновничья» кампания в СССР, развернутая во второй половине 80-х гг., когда бюрократия была объявлена главным элементом «механизма торможения». Однако следует учитывать, что в дореволюционной России критика бюрократии шла не только сверху, но и снизу. Не имея возможности критиковать непосредственно монарха, представители оппозиции направляли критику против его представителей, прежде всего министров, назначавшихся лично императором. И такая критика наблюдалась не только в кризисные, но и в «благополучные» периоды, на протяжении большей части XIX в.

В статье присутствуют и спорные положения, например, тезис о номенклатуре как особом слое (классе) советского общества. Он основан на публикациях М. Джиласа и М. Восленского, из которых, как минимум вторая, получила широкую популярность, хотя имеет низкую научную ценность, поскольку в ней произведена подмена тезиса. Вместо того, чтобы доказывать, что номенклатура является особым классом, М. Восленский использует это положение как изначально заданное и применяет в качестве ключевого аргумента для подтверждения других положений работы. Точно так же недостаточно обоснованными, на наш взгляд, выглядят и некоторые другие оценки, связанные с имиджем государственных служащих в СССР, например, оценки уровня коррупции.

Ряд публикаций посвящен современной гражданской службе и ее истории (90-е гг. XX в., 2000-е гг.). В них иногда присутствуют разделы, характеризующие предшествующие этапы развития гражданской службы (советский и досоветский), но в целом эти работы характеризуют современную гражданскую службу. Такого рода статьи часто создаются специалистами-правоведами, либо работниками аппарата управления. Ориентируясь на актуальные проблемы современной практики государственной службы, авторы обычно мало затрагивают историю вопроса, используя ее как фон для показа актуальной картины. В таких работах сравнительно редко присутствует новая информация по истории гражданской службы, в основном воспроизводятся общеизвестные выводы или цитируются специальные публикации (а иногда и учебные пособия). Соответственно, с точки зрения изучения истории государственной службы ценность таких работ невелика. Тем не менее они имеют смысл в плане изучения и упорядочивания информации о, если можно так выразиться, «постновой истории» государственной службы.

Например, Н. В. Дымова [3, с. 140–142] предлагает периодизацию современной реформы государственной службы и делает попытку сформулировать возникшие в ходе ее (реформы) проблемы. С учетом новых данных, полученных уже после выхода статьи, предложенная периодизация выглядит слишком дробной – второй этап (1997 г. – осень 1999 г.) и третий этап (зима 1999 г. – 2002 г.) вполне могут быть объединены в рамках одного этапа, тем более что и там и там происходит разработка концепции реформирования. Возможно, на разделение этапов повлияла смена фигур в руководстве страны (Б. Н. Ельцина на В. В. Путина), но поскольку это не изменило характера власти и проводимой политики, такая замена не может считаться достаточным основанием для выбора рубежа этапа.

Содержание статьи А. М. Федуковой [18, с. 71–73] также ориентировано на современную реформу, поэтому характеристика досоветской и советской государственной службы дается в самом общем виде. Единственное, на что, как нам кажется, следовало обратить внимание автору в части истории государственной службы, это характеристика статуса советских государственных служащих. Большая их часть не отличалась по своему положению от работников в других сферах общественной жизни и включала не только занятых в сфере управления, но и врачей, учителей, ученых, работников учреждений культуры и других специалистов. В этом плане, т. е. по широте охвата сфер жизни общества, государственная служба при социализме была ближе к дореволюционной, чем к современной. Возможно, также, что для этого периода имеет смысл использовать термин «публичная служба», однако в настоящее время он не получил широкого распространения в России.

Из ряда других работ выделяется публикация дневниковых записей М. Митюкова [9, с. 6–12], связанных с принятием Конституции 1993 г. Сохранение и публикация документальных материалов, связанных с развалом СССР и созданием Российской Федерации в ее современном виде, представляется крайне важной задачей, поскольку многие ключевые решения принимались без соответствующего оформления, в связи с чем сложно решать вопросы, касающиеся их причин и ответственности конкретных должностных и прочих лиц за последствия принятых решений.

В целом количество публикаций по данной тематике оказалось очень небольшим, что, на наш взгляд, объясняется заданными критериями поиска.

Подводя итоги подчеркнем, что сделанные нами выводы являются предварительными, окончательные выводы могут быть сделаны после рассмотрения всех выявленных материалов и сопоставления полученных результатов с публикациями, относящимися к другим временным периодам.

Общие и общетеоретические вопросы истории государственной службы сравнительно редко становятся объектом внимания исследователей. Вместе с тем, забегаая несколько вперед, отметим, что именно недостаточная разработка теоретических вопросов осложняет рассмотрение и решение других, частных проблем, касающихся государственной службы, что мы наблюдали при анализе публикаций, включенных в другие группы. Недостаточно проработанными следует считать понимание природы государственной службы, ее определение, точнее, отсутствие общепринятого в научной среде определения (мы не говорим о действующем законодательстве, так как содержащиеся в нем формулировки не всегда пригодны для научных исследований). Требуется проработки и такой вопрос, как периодизация процесса развития государственной службы в прошлом и настоящем. Серьезной проблемой представляется и нарушение требований, предъявляемых к научным работам, наблюдаемое в некоторых публикациях (отсутствие ссылок на источники, использование учебных работ и др.).

Список литературы

1. Борщевский Г. А. Методологические аспекты изучения истории государственной службы России // Государственная служба. 2013. № 4 (84). С. 105–108.
2. Глазунова Н. И. Из истории профессиональной подготовки к государственной службе: у истоков // Вестник университета. 2012. № 4. С. 267–272.
3. Дымова Н. В. История, современное состояние и перспектива развития законодательства о государственной гражданской службе Российской Федерации // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2015. № 11. С. 140–142.
4. Ермилина В. А., Безбородова Т. В. Военно-ветеринарная служба в годы Великой Отечественной войны / Л. М. Севастьянова, Н. И. Телегина // Наука и образование: новое время. 2015. № 3 (8). С. 63–67.
5. Зубов В. Е. К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–3 (60). С. 98–102.
6. Мельников А. Минобрнауки отклонило апелляцию ученых на защиту по теологии // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/faith/2017-09-08/100_teologia080917.html (дата обращения: 27.01.2024).
7. Метушевская Т. И. Генезис научных концепций государственной службы в трудах ученых XIX–XX вв. // Auditorium. 2014. № 2 (2). С. 102–110.
8. Метушевская Т. И. Модель государственной службы в России в XVIII – первой половине XIX в. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4–2. С. 187–206.
9. Митюков М. А. На пути к основному закону 1993 г. Из дневников // Государственная служба. 2013. № 4 (84). С. 6–12.
10. Научная электронная библиотека ELIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp (дата обращения: 27.01.2021).

11. Паспорт научной специальности «Теология» // PhD в России. Портал аспирантов и докторантов. URL: <https://phdru.com/admission/teology/> (дата обращения: 27.01.2024).
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 45 т. Т. 6. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1830. С. 486–493. № 3890.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 45 т. Т. 7. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1830. С. 226. № 4449.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 45 т. Т. 19. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1830. С. 1067–1081. № 14231.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 45 т. Т. 21. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1830. С. 461–488. № 15379.
16. *Поташев А. Ф.* «Табель о рангах» Петра I в истории России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–2 (15). С. 155–157.
17. *Шлеверда И. Н.* Политический имидж государственной службы: исторический аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 137–141.
18. *Федукова А. М.* История развития законодательства о государственной службе Российской Федерации // Транспортное дело России. 2012. № 6S. С. 71–73.
19. *Фрадков А.* РИНЦ продолжает врать // Троицкий вариант-Наука. 2015. № 187. С. 5. URL: <https://trv-science.ru/2015/09/risc-prodolzhaet-vrat/> (дата обращения: 19.11.2021).
20. *Zboina Ja., Pastuszka K.* The Importance of Conformity assessment for fire and Civil Protection // Bezpieczenstwo i Technika Pożarnicza. 2012. Т. 28. С. 87–97.

The history of public service in scientific publications 2011–2015 (based on the materials of the RSCI). Part I

Zubov Vladimir Evgenievich

PhD in Historical Sciences, associate professor, leading researcher, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. Russia, Novosibirsk.
ORCID: 0000-0001-9402-4414. AuthorID: 328442. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Abstract. The relevance of the research is associated with a sharp increase in the number of publications, which makes it difficult to analyze the results achieved in a particular subject area, makes it impossible to evaluate them and compare the results obtained by different authors. The article describes the methodology for selecting materials for research, analyzes modern scientific publications on the history of the state (civil) service, published during the period 2011–2015. Materials with open access to the text in the RSCI database were used for consideration. The identified works were divided into several groups depending on their subject matter. Within the framework of this article, only publications dealing with the general historical and theoretical aspects of public service in the past and modern public service are considered. The remaining thematic groups of publications (the history of individual departments and services in them, areas of state activity, service in various regions of the Russian Empire, the history of public service in other countries, personalities) will be analyzed in other articles. Works characterizing military and other specialized types of service were not considered. An intermediate conclusion is made about the insufficient attention of the authors to the general issues of the organization of public service, which prevents the solution of private problems. The understanding of the nature of public service, the lack of a generally accepted definition of it, and the issues of periodization of the development of public service in the past and present should be considered insufficiently elaborated. A separate problem for the period under consideration, characteristic, perhaps, not only for historical science, is the violation of formal requirements for the registration of research results.

Keywords: civil service, history, historiography, history of civil service, civil service.

References

1. *Borshchevskij G. A.* Metodologicheskie aspekty izucheniya istorii gosudarstvennoj sluzhby Rossii [Methodological aspects of studying the history of the civil service of Russia] // Gosudarstvennaya sluzhba – Civil service. 2013. No. 4 (84). Pp. 105–108.
2. *Glazunova N. I.* Iz istorii professional'noj podgotovki k gosudarstvennoj sluzhbe: u istokov [From the history of professional training for public service: at the origins] // Vestnik universiteta – Herald of the University. 2012. No. 4. Pp. 267–272.
3. *Dymova N. V.* Istorija, sovremennoe sostojanie i perspektiva razvitiya zakonodatel'stva o gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii [History, current state and prospects of development of legislation on the state civil service of the Russian Federation] // Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya – Actual problems of law, economics and management. 2015. No. 11. Pp. 140–142.

4. Ermilina V. A., Bezborodova T. V. *Voенно-veterinarnaya sluzhba v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Military veterinary service during the Great Patriotic War] / L. M. Sevastyanova, N. I. Telegina // *Nauka i obrazovanie: novoe vremya* – Science and education: new time. 2015. No. 3 (8). Pp. 63–67.
5. Zubov V. E. *K voprosu o chislennosti apparata upravleniya v dorevolucionnoy Rossii* [On the issue of the number of administrative staff in pre-revolutionary Russia] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* – News of Altay State University. 2008. No. 4–3 (60). Pp. 98–102.
6. Mel'nikov A. *Minobrnauki otklonilo apellyaciyu uchenyh na zashchitu po teologii* [The Ministry of Education and Science rejected the appeal of scientists for protection in theology] // *Nezavisimaya gazeta* – An independent newspaper. Available at: https://www.ng.ru/faith/2017-09-08/100_teologia080917.html (date accessed: 27.01.2024).
7. Metushevskaya T. I. *Genezis nauchnykh koncepcij gosudarstvennoj sluzhby v trudah uchenyh XIX–XX vv.* [The genesis of scientific concepts of public service in the works of scientists of the XIX–XX centuries] // *Auditorium* – Auditorium. 2014. No. 2 (2). Pp. 102–110.
8. Metushevskaya T. I. *Model' gosudarstvennoj sluzhby v Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [The model of public service in Russia in the XVIII – first half of the XIX century] // *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs* – Historical and legal problems: a new perspective. 2011. No. 4–2. Pp. 187–206.
9. Mityukov M. A. *Na puti k osnovnomu zakonu 1993 g. Iz dnevnikov* [On the way to the basic law of 1993. From the diaries] // *Gosudarstvennaya sluzhba* – Public service. 2013. No. 4 (84). Pp. 6–12.
10. Scientific electronic Library ELIBRARY.RU. Available at: https://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp (date accessed: 27.01.2021).
11. *Pasport nauchnoj special'nosti "Teologiya"* – Passport of the scientific specialty "Theology" // *PhD v Rossii. Portal aspirantov i doktorantov* – PhD in Russia. The portal of postgraduate students and doctoral students. Available at: <https://phdru.com/admission/teology/> (date accessed: 27.01.2024).
12. The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting. 1649–1825 : in 45 vols. Vol. 6. SPb. Type II of the Department of His Own Chancellery of His Imperial Majesty. 1830. Pp. 486–493. No. 3890. (in Russ.).
13. The Complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting. 1649–1825 : in 45 vols. Vol. 7. SPb. Type II of the Department of His Own Chancellery of His Imperial Majesty. 1830. P. 226. No. 4449. (in Russ.).
14. The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting. 1649–1825 : in 45 vols. Vol. 19. SPb. Type II of the Department of His Own Chancellery of His Imperial Majesty. 1830. Pp. 1067–1081. No. 14231. (in Russ.).
15. The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting. 1649–1825 : in 45 vols. Vol. 21. SPb. Type II of the Department of His Own Chancellery of His Imperial Majesty. 1830. Pp. 461–488. No. 15379. (in Russ.).
16. Potashev A. F. *"Tabel' o rangah" Petra I v istorii Rossii* ["Table of ranks" of Peter I in the history of Russia] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2012. No. 1–2 (15). Pp. 155–157.
17. Shleverda I. N. *Politicheskij imidzh gosudarstvennoj sluzhby: istoricheskij aspekt* [The political image of public service: a historical aspect] // *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* – Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2015. No. 9 (64). Pp. 137–141.
18. Fedukova A. M. *Istoriya razvitiya zakonodatel'stva o gosudarstvennoj sluzhbe Rossijskoj Federacii* [The history of the development of legislation on the civil service of the Russian Federation] // *Transportnoe delo Rossii* – Transport business of Russia. 2012. No. 6S. Pp. 71–73.
19. Fradkov A. *RINC prodolzhaet vrat'* [RINZ continues to lie] // *Troickij variant-Nauka* – Troitskiy variant-Nauka. 2015. No. 187. P. 5. Available at: <https://trv-science.ru/2015/09/risc-prodolzhaet-vrat/> (date accessed: 19.11.2021).
20. Zboina Ja., Pastuszka K. *The Importance of Conformity assessment for fire and Civil Protection* // *Bezpieczenstwo i Technika Pozarnicza*. 2012. Vol. 28. Pp. 87–97.

Распространение ислама в Волго-Уральском регионе в середине XVIII – начале XX в.

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к истории православной миссии в императорский период. Однако история прозелитизма иных конфессий Российской империи зачастую остается вне поля зрения исследователя. Изучение данного вопроса помогает лучше понять характер и особенности православного миссионерства, позицию властей по отношению к иноверной пропаганде. До издания указа о веротерпимости 17 апреля 1905 г. распространение ислама среди христиан и язычников Волго-Уральского региона было запрещено. Несмотря на это, исламский прозелитизм являлся существенным фактором в формировании конфессиональной структуры Волго-Уральского региона. Зачастую власти вынуждены были *de facto* признавать исламизацию местного населения. Некоторые губернаторы соглашались, что процесс «отступничества» невозможно удерживать только административными методами. Появилось понимание, что для противодействия исламизации «инородцев» требуется просветительская работа православного духовенства.

Распространение ислама осуществлялось различными способами: проповеднической деятельностью мусульманского духовенства, через религиозные школы (медресе и мектебе), посредством браков, аккультурации, а также паллиативными способами – угрозами, созданием тяжелых жизненных условий, вынуждавших принимать религию Корана. Ислам являлся конкурирующей религией господствовавшему вероисповеданию – православию. В связи с этим власти уделяли мусульманству повышенное внимание. Значимость ислама объяснялась ещё тем, что мусульмане Российской империи исповедовали религию, которая являлась господствующей в Османской империи. На рубеже XIX – XX вв. возникло движение под названием «панисламизм». Несмотря на то, что идеологи данного движения не оказали решающего влияния на российских мусульман, власти империи опасались смешения миссионерской деятельности мусульман с политическим аспектом.

Ключевые слова: православие, ислам, Волго-Уральский регион, муллы, медресе, мектебе.

В начале XX в. в структуре органов управления Российской империи были образованы «Особые совещания по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае». В ходе одного из заседаний был констатирован неожиданный факт: на протяжении предыдущих столетий власти упустили из виду мусульманский вопрос, ибо «устранили себя совершенно от этого предмета» [32, л. 30]. Оказалось, что огромная часть империи – «Приволжский край» – оказался под сильным влиянием татар-мусульман. Нельзя сказать, что до начала XX в. власти «забыли» про мусульман. Можно вспомнить активное миссионерство периода Новокрещенской конторы, особое внимание Екатерины II к татарам-мусульманам, учреждение миссий для удержания крещеных татар в лоне Церкви, наконец, систему Н. И. Ильминского. В действительности же на протяжении долгого времени заострение исламского вопроса было результатом усилий миссионеров и епархиального руководства. Вятский епископ Вениамин (Сахновский) не раз писал о татарах-мусульманах, что они препятствуют процессу христианизации язычников Вятской епархии [40, л. 1–2]. Позднее Пермский комитет Православного миссионерского общества с тревогой отмечал, что ислам – это религия «устойчивая и стремится к распространению» [4, л. 2 об.].

Если церковные круги видели в исламе конкурирующую за души людей религию, то гражданская власть, стремившаяся сохранить устойчивость империи, воспринимала мусульман как часть гражданского сообщества, хотя и как «инородное тело». Характерен следующий пример. При императоре Александре II возникла переписка между казанским архиепископом Антонием (Амфитеатовым) и Департаментом Духовных дел иностранных исповеданий. Поводом к переписке были массовые отпадения крещеных татар в мусульманство. Казанский архиерей предлагал сократить количество мечетей в губерниях России, ссылаясь на то, что правительство некогда закрывало православные монастыри. В Департаменте Духовных дел

рассудили, что увеличение мечетей не может являться непосредственной причиной отпадений, т. к. отпадения необходимо предотвращать другим – просветительской деятельностью православного духовенства. При этом гражданская власть указывала на то, что нормы Шариата требуют строительства молитвенных домов для мусульман. В связи с тем, что мусульмане являлись подданными «Его Императорского Величества», то правительство не могло пойти по пути религиозной дискриминации [36, л. 17, 47].

После покорения Казани и начала христианизации местного населения мусульмане стремились не только противодействовать православным миссионерам, но и обращать в свою веру анимистов и новокрещеных. Н. В. Никольский, основываясь на данных архива Нижегородской духовной консистории, относящихся к XVII в., отмечал: «мусульмане, все, как один человек, готовы были противодействовать каждому покушению на свою религиозную совесть. Тому, кто принял крещение, мусульмане угрожали смертью, – тем новокрещеным, которые способствовали крещению своего иноплеменника, совершенным истреблением» [25, с. 163].

В XVIII в. активность поволжских мусульман по распространению своей веры усилилась, что было вызвано активизацией православной миссии. Тобольский митрополит Сильвестр (Гловатский) в середине XVIII в. отмечал, что казанские абызы распространяют «магометанский закон» среди барабинских татар [30, л. 38]. Данный пример хорошо показывает, что активность казанских татар-мусульман в распространении своей веры была весьма высока и выходила за пределы Волго-Уральского региона. О широком размахе исламской пропаганды говорит и тот факт, что к середине XVIII в. некоторые народы Поволжья, хотя и оставались язычниками, но вместе с тем соблюдали исламские обряды. Академик Г. Ф. Миллер заметил, что некоторые марийцы «держат магометанский закон», празднуют пятницу, принимают обрезание [24, с. 99]. И. Г. Георги в своих «Описаниях» отмечал, что крещеные чувашки празднуют вместо воскресного дня пятницу, по примеру татар не едят свинины [3, с. 35]. Бесермяне, народ, родственник удмуртам, почти поголовно исповедовали религию Корана.

В связи с активностью мусульман власти стали чаще принимать административные меры, направленные на ограничение распространения ислама в России. В губернских канцеляриях рассматривались дела о мусульманах, распространявших свое учение среди язычников и новокрещеных. В 1755–1756 гг. Казанская губернская канцелярия рассматривала дело об оставшемся татарине Умете Абрамове. Он был судим за донос о чтении над женой новокрещеного Ивана Андреева «по своему магометанскому закону в книгу и волшебстве». Правда, за принятие крещения татарин Умет был освобожден от наказания [28, л. 1]. Другой формой ответа на исламскую пропаганду было ограничение строительства мечетей. При императрице Елизавете проводилась политика разрушения мечетей, расположенных вблизи жилищ новокрещеных, что было вызвано усиливавшейся мусульманской пропагандой.

Во второй половине XVIII в. деятельность мусульманских проповедников не ослабевала. Немалую роль в этом сыграла императрица Екатерина II, дозволившая мусульманам восстанавливать мечети и строить новые. Помимо этого, Екатерина II позволила печатать Коран, учредила «магометанские духовные собрания», даровала татарской знати право обладать правами российского дворянства. Все эти меры создавали условия, благоприятствовавшие распространению исламского учения среди народов России. Доказательством этому служит то, что в начале XIX в. крещеные татары Нижегородской губернии в массовом порядке подали прошения о переводе их из православного ведомства в мусульманское. Согласно сведениям, собранным в 1802 г. нижегородским епископом Вениамином, этому способствовали «абызы татарские», которые по нескольку раз в день навещали крещеных татар, говорили с ними на родном татарском языке и увещевали перейти в мусульманство [18, с. 23].

На продолжении всего XIX в. процесс исламизации народов Волго-Уральского региона продолжался. На это указывают следующие факты. В 1832 г. Малмыжский уездный суд рассматривал дело о тридцати удмуртах д. Маскары Малмыж, принявших ислам. Когда в эту деревню приехал специально посланный священник Степан Красноперов, то он убедился в факте полной исламизации удмуртов [21, с. 486]. В 1847 г. Казанское губернское правление возбудило уголовное дело о мулле Абдуле Гафурове, который обратил в ислам чувашина Тимофея Шитулова [7, л. 4]. Согласно донесению поданному миссионеру архимандриту Самуилу в 1849 г. в Казанскую духовную консисторию, причиной отпадений крещеных татар в мусульманство была тайная проповедь мулл [11, л. 100]. «Совратители» крещеных в ислам подвергались властями ссылке на каторжные работы и лишению «прав состояния» [8, л. 2–2 об.].

Прозелитизм мулл, которые «привлекают идолопоклонников к мусульманству», был выявлен в Оренбургской губернии [35, л. 31 об.]. Оренбургское губернское правление было озабочено тем, что пропагандисты исламского вероучения среди крещеных татар распространяли слухи, что «принявшие святое крещение, под предлогом недостаточного обучения христианской веры, могут быть обращены к прежним языческим и магометанским заблуждениям» [34, л. 3 об.]. Стоит заметить, что введение в заблуждение относительно установления в Российском государстве свободы вероисповедания, было одним из излюбленных способов привлечения крещеных татар в ислам. В ряде деревень Васильевского уезда Нижегородской губернии крестьянин Василий Естифьев рассказывал, что «якобы каким то новокрещеным же из татар, живущим в Казанской губернии позволено обратиться в магометанство». Естифьев убеждал сельчан, что вскоре такое позволение дано будет и здешним крестьянам [18, с. 23]. В Чистопольском уезде Казанской губернии несколько крестьян-мусульман заявляли, что крещеным татарам разрешено вернуться в магометанство, что «Государь даровал в своем государстве свободу веры» [36, л. 71].

Во второй половине XIX – начале XX вв. распространение ислама осуществлялось в новых исторических реалиях, связанных с формированием миссионерской системы Н. И. Ильминского. Новая педагогическая система, основанная на просветительских методах, стала давать крупные плоды только к концу жизни ее основателя. В первые годы царствования Александра II исламизация крещеных татар шла прежним ходом. В Казанской губернии из православия в ислам перешло более четырех тысяч крещеных татар [36, л. 22]. В Вятской губернии крещеные татары Елабужского уезда обращались также к исламу. В 1871 г. во время заседания вятского комитета Православного миссионерского общества была заслушана записка духовной консистории «об отступничестве от христианства в магометанство» крещеных татар четырех приходов Елабужского уезда «вследствие магометанской пропаганды» [42, л. 22].

С целью оградить мусульманскую проповедь среди новокрещеных, власти стремились не допустить совместного проживания мусульман и крещеных инородцев. Император Александр II поручил министру государственных имуществ осуществить меры по переселению крещеных татар из тех мест, где проживали мусульмане [36, л. 57]. В 1895 г. Вятская духовная консистория просила малмыжского уездного исправника запретить семье Трофима Герасимова, приехавших из Оренбургской губернии в Вятскую губернию, проживать среди крещеных татар [12, л. 25].

Как и прежде, решающее значение на исламскую пропаганду оказывали муллы. Это хорошо видно из отчета одного из студентов, посланных братством Св. Гурия в 1881 г. увещевать крещеных татар не уклоняться от православия. В дневнике описан следующий случай. В декабре 1880 г., незадолго до Рождества Христова, в деревню Казанлары приехал мулла и посреди улицы стал убеждать жителей перейти в мусульманство, предлагал книгу, чтобы записать в нее желающих отпасть от христианства, утверждал, что на это есть особый царский указ [13, л. 7]. В Пермской губернии мусульмане склоняли удмуртов к принятию своего закона. В Больше-Гондырской волости местная администрация обратила внимание на то, что «магометанские миссионеры», хорошо владея удмуртским языком, обращали их в свой закон. К концу XIX в. численность удмуртов-мусульман составляла 359 человек, хотя в действительности, как утверждали современники, их было намного больше [38, с. 5].

Несмотря на факты отпадений, интенсивность исламизации стала явно ослабевать под воздействием миссионерской системы Ильминского. Этому просветителю удалось построить систему обучения таким образом, что из крещенских школ выходили убежденные в евангельской истине татары, удмурты, марийцы и прочие народы Волго-Уралья. С. В. Чичерина, посетившая много новокрещенских селений Волго-Уральского региона, оставила воспоминания о функционировании системы Ильминского, так как она увидела своими глазами результаты работы Ильминского. Следующий пример вполне может служить типовым. В одном селе крещеные татары ходили наниматься на работы к татарам-мусульманам. Прежде чем приступить к работе, татары-мусульмане заставляли крещеных татар снимать кресты, и те выполняли это условие. Но когда появилась в селе школа, когда зазвучали христианские слова на татарском языке, тогда крещеные татары настолько укрепились в христианской вере, что соглашались приступать к работе только с крестом на шее. И татары-мусульмане уступали этому требованию, более того, вынуждены были допустить наемных работников к работе в пятницу, а в воскресный день отпустить их на отдых [15, л. 242].

После издания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) пропаганда ислама, по словам П. Знаменского, «усилилась до крайнего напряжения» [17, с. 50]. Указ предоставил право

распространять свои религиозные идеи многим конфессиям России, в том числе и исламу. П. В. Знаменский, современник тех событий, отмечал, что мусульманские миссионеры появлялись на базарах, в домах новокрещеных и внушали, что царь приказал всех «инородцев» приводить в мусульманство, заверяя, что и сам в него перейдет. В то же время православным миссионерам въезд в татарские селения был запрещен под угрозой лишения жизни. «Секим башка», – таков был ответ мусульман православным миссионерам [17, с. 50].

Таким образом, на протяжении всего имперского периода проповедь исламского учения не прекращалась. Возникает необходимость обратиться к выяснению причин исламизации народов Волго-Уральского региона. Исламское учение имело миссионерский характер, что определяло активность мусульманского духовенства в приобретении неофитов. Язычники Волго-Уралья в общем индифферентно относились к религиям других народов, считая, что у каждого народа должна быть своя вера. В 1842 г. чувашин Назар Фомин распространял среди крещеных одноплеменников, что ему в видении явился какой-то старик и приказал передать всем, чтобы чуваша держали свою веру, русские – «русскую веру», татары – «татарскую» [37, с. 84]. Мусульмане же не были столь индифферентны и стремились обратить в свою веру «иноверных». По свидетельству студента Казанской духовной академии Петра Троицкого, каждый татарин являлся «прозелитом пророка», при любом удобном случае предлагал немусульманам Коран и тюбетейку, получал значительную денежную сумму, если находил единомышленников [11, л. 247]. Другой студент отмечал, что исламская миссия ведется при участии «всех элементов мусульманства». «И администратор, и его подчиненный, и купец, и бедняк – все, как один, стремятся к достижению общей задачи – исламизации слабых народностей» [10, л. 201].

Существенную роль в распространении исламских идей играл процесс аккультурации. Наиболее рельефно это проявлялось в районах совместного проживания татар с нерусскими народностями. В 1834 г. Саратовское губернское правление рассматривало дело о чувашах, соблюдавших обряды исламской веры. Было выяснено, что в результате длительного проживания с мусульманами, чуваша «потеряли понятие о предках своих», совершали обряды по мусульманской вере [29, л. 6 об.]. Крещеные татары Мензелинской округи заявляли, что отпадают от православия в ислам, т. к. живут рядом с татарами, которые «одно с ними племя и языка», и в результате постоянных общений «так приобыкли к их вере, что не могут отстать от оной» [34, л. 6]. Викарий Казанской епархии епископ Мамадышский Андрей (Ухтомский) в письме на имя П. А. Столыпина указывал на то, что крещеные татары вынуждены наниматься на работы к татарам-мусульманам, «у которых они мало по-малу привыкают к их быту и возвращаются домой магометанами» [32, л. 1 об.]. Регулярные общения с представителями иной веры, причем такой, которая имеет миссионерский характер, не могли не сказаться на неоформленном религиозном мировоззрении, которое было характерно для большинства анимистов и новокрещеных.

Процессу аккультурации способствовали брачные союзы татар-мусульман с крещеными и язычниками. Р. Р. Исаков отмечал, что татары-мусульмане, несмотря на законодательное запрещение, тайно брали в жены девушек из семей крещеных, а детей воспитывали по правилам ислама [19, с. 57]. Эта мысль находит подтверждение в документах. В рапорте вятского епископа Неофита (Соснина) за 1839 г. отмечено, что новокрещеные татары Глазовского уезда д. Засковской «имеют купножителство с магометанскими женами своими без благословения Церкви», рожденные дети в таком браке содержат «магометанство» [31, л. 1]. Следующее дело показывает, насколько легко крещеные татары вступали в брак с мусульманами и после этого уже не считали себя христианами. В 1813 г. Сарапульский уездный суд (Вятская губерния) рассматривал дело о выходе крещеной татарки Евдокии Михайловой замуж за татарина Пасея Бикеева. В ходе следствия был допрошен приходской священник Авксентий Раборовский, который объявил, что позволение на бракосочетание давал он, но с условием, что татарин Абдул примет крещение. Татарин Пасей отрицал слова священника об обещании принять крещение. Родители татарки отозвались тем, что точных обстоятельств дела не знают. Сама Евдокия заявила, что татарин Пасей принуждения ко крещению «не чинил», но «она уже сама по довольном обращении с магометанами, а особливо по сожитии с мужем ее совершенно отвыкла от христианства и теперь содержит магометанское исповедание» [39, л. 2–5].

Российские власти неоднозначно решали вопрос о допустимости совершения браков мусульман с язычниками. В 1819 г. Министерство духовных дел и народного просвещения по делу о браке татарина Л. Павлова и «тепярки» Т. Тамирбаевне постановило: «магометане в

России не могут обращать в их веру никого из какой веры» [5, л. 255–255 об.]. Этим самым давалось понять, что браки мусульман и язычников, приводящие к принятию ислама язычниками, недопустимы. Однако в другое время власти признали допустимость таких браков. В 1851 г. министр внутренних дел в записке обер-прокурору Св. Синода отметил, что нет законных оснований запретить браки «идолопоклонников» с мусульманами. Также нет законных оснований запрещать многоженство, которое допускается по вероисповеданию язычников и мусульман [35, л. 36–36 об.].

Значимым фактором исламизации народов Волго-Уралья было активное строительство мусульманских молитвенных домов – мечетей. В Казанской губернии количество мечетей на душу населения было намного больше, чем православных храмов. В 1865 г. согласно данным казанского архиепископа в Казанской епархии православных насчитывалось 1 млн. 180 тыс. человек, которые были распределены на 485 церквей. Мусульман же значилось 447 тыс. человек, в то время как мечетей – 710 [36, л. 20 об.]. Нужно заметить, что пример Казанской губернии не был типичным, т. к. в таких губерниях, как Вятская и Пермская, перевес был на стороне православных храмов. Но и здесь необходимо сделать оговорку. Как правило, мусульманский приход – махалля – включал от 200 до 300 душ, а православные приходы насчитывали в среднем 800 – 1500 тыс. душ приходских людей. Совокупность всех этих фактов дает основание думать, что у мусульманского духовенства было намного больше времени работать с каждым отдельным прихожанином, чем у православного священника.

Другая причина исламизации коренилась в культурно-историческом феномене татарского народа. Б. М. Юзефович заметил в свое время, что прошлое татар «не лишено обаяния для некогда признававших над собою их владычество местных народов» [43, с. 20]. Финское население Поволжья и Приуралья видело в татарах более развитую нацию. В некоторых селениях можно было наблюдать тягу к «татарскому» образу жизни и быта, что вело за собой принятие ислама. В Бирском и Мензелинском уездах Оренбургской губернии многие марийцы перенимали от татар одежду, домашний быт, фольклор и язык. Современник заметил, что «отатариванием» следовало принятие марийцами исламской веры [16, с. 12].

В историографии, посвященной межконфессиональным отношениям в Волго-Уральском регионе, много внимания уделяется стеснительной политике правительства и церковной власти в отношении мусульман. Писать о «насильственной христианизации» стало едва ли не правилом хорошего тона, хотя упрощенное понимание этого процесса вряд ли основательно. Вместе с тем крайне осторожно обходится стороной вопрос о насильственной исламизации, создании таких условий, которые вынуждали обратиться в ислам. П. Знаменский отмечал, что влиятельные «магометане» создавали для православных тяжелые условия быта, всячески притесняли, «насмешками» и «придирками» вынуждали даже самых стойких перейти в ислам [17, с. 51]. Есть немало свидетельств, говорящих в пользу этих слов. В середине XVIII в. казанский епископ Лука (Канашевич) доносил, что татары-мусульмане срывали с крещеных татар кресты, держали в неволе, угрожали «переломать у них правые руки, чтоб им невозможно было молиться» [28, л. 39–39 об.]. В 1744 г. дворянин Данила Елагин доносил в Свияжскую провинциальную канцелярию о срывании креста с крещеного татарина Алексея Иванова и «в наругательстве христианской веры» [22, с. 79]. В 1748 г. Новокрещенская контора рассматривала дело о крещеной татарке Матрене Петровне, которая сама явилась к священнику и просила принять святое крещение. За этот поступок ее муж Аитка вместе с несколькими мусульманами увезли Матрену, заковали в колодки и били за то, что она приняла крещение. Руководство конторы напоминало губернаторам и воеводам, что согласно законам, запрещено склонять «ни под каким видом» в «магометанский закон» [22, с. 81–82].

Хотя законы империи ограждали православных от прозелитизма иных вер, но действительность зачастую выглядела иначе. Доказательством этому служат следственные дела XIX – начала XX вв. В д. Никифоровка Мамадышского уезда Казанской губернии двое крещеных татар из-за угроз матери «подпали в магометанство», хотя считали себя христианами [13, л. 12 об.]. В 1845 г. крещеная татарка Ксения жаловалась священнику, что ее муж «побоями склонял в магометанство» [6, л. 1 об.]. Нередко мусульмане смещали с должностей тех, кто придерживался православия [13, л. 13]. Если такие факты не считать насилем физическим, то, по крайней мере, следует признать их насилем психологическим. Такими действиями давалось понять, что не-мусульманину в мусульманской среде нельзя было занять достойного места, не изменив, вынужденно, своих религиозных взглядов. Были и иные подобные слу-

чаи. В чувашской деревне Шаймурдино на сельских сходах крещеные чуваша подвергались наказанию, если работали по пятницам, а если хотели судиться с кем-либо, то судьей обязательно выбирался кто-либо из мусульман [14, л. 13–14].

Конечно, нельзя все эти факты считать краугольными в процессе исламизации народов Волго-Уралья. Но, во всяком случае, нужно признать, что такой тривиальный способ распространения религии был одной из главных причин принятия ислама. Побывавший среди мусульман П. Ерусланов заметил, что общий настрой местных мусульман по отношению к «кяфирам» был непримиримый. Мусульмане ждали прихода в мир последнего пророка – Маади – и чаяли наступления джихада с «неверными». В разговорах говорили: «напрасно не делаешься мусульманином; подумай, ведь погибнешь от наших рук; жалко знакомого человека убивать, но таков будет закон, неверному один конец – мечь» [16, с. 27–28].

Благоприятным условием распространения ислама можно считать относительную терпимость гражданской власти в отношении мусульман. Н. В. Никольский заметил, что в XVII в. «гражданские власти мало заботились об интересах христианства», вопреки царским указам позволяли строить мечети в недозволенных местах [25, с. 57]. При Екатерине II православные миссионеры были ограничены в возможности проповедовать среди мусульман, к концу правления императрицы миссионерам вовсе было запрещено проповедовать среди «иноверцев». При Александре II местные чиновники в Казанской губернии мало обращали внимания на открытие муллами учебных заведений, несмотря на то, что с 1874 г. они обязаны были осуществлять контроль за учебным процессом в мусульманских учебных заведениях [15, л. 142–143]. В целом нужно отметить, что Российское государство не стремилось установить полный контроль над мусульманским обществом. Это было не только бессмысленно ввиду неизбежности сепаратистских настроений, но и невозможно технически в силу слабого развития коммуникаций и незначительного числа чиновников относительно большого населения империи. Р. Круз указывал на то, что внутри царской элиты в дискуссиях об оценке ислама победу одерживала та «партия», которая отстаивала положительное влияние ислама на стабильность империи [20, с. 28].

Существует точка зрения, что переход в ислам зачастую осуществлялся не в результате прозелитизма татар или «особой привлекательности» ислама как учения, а как протест против насильственной христианизации и русификации [26, с. 118; 37, с. 86]. Это был уход от имперского давления, в ту сферу, которая не охватывалась властями. Вместе с тем не стоит абсолютизировать данное явление, предполагать, что империя всегда выглядела силой ужасающей. Такой взгляд характерен для историографии «малых» народов России, является отголоском их борьбы за национальную автономию и независимость. Исследования последних лет, посвященные имперской проблематике, показывают, что частым явлением в жизни народов Российской империи было сотрудничество национальных элит с властями, приспособлением государственного аппарата и законов под свои нужды, если угодно, одомашниванием царской бюрократии [2, с. 66; 20, с. 10; 24, с. 11; 44, р. 386].

Татары-мусульмане не имели государственной поддержки, не могли обещать правовые льготы неофитам. Но именно это давало некое обаяние, представляло мусульман как свободных миссионеров. В этом смысле можно согласиться с выражением о «татарской народной миссии» [19, с. 188].

Переходя к недостаткам русской православной миссии как фактору, способствовавшему исламизации народов Волго-Уралья, считаем необходимым обратиться к сравнительному анализу христианизации славян и финно-угорских народов. Успехи христианизации восточных славян в XI – XII вв. во многом были обеспечены обилием христианской литературы, появившейся в IX–X вв. на славянском языке. Несмотря на то, что в массе сохранялись языческие пережитки, появился слой книжников, проповедников, культивировавших христианские идеи своему народу. Христианизация народов Волго-Уралья в XVIII – первой половине XIX в. носила принципиально иной характер. Принятие православия финскими и тюркскими народами не сопровождалась переводом богослужения и литературы на местные языки. Не был сформирован культурный слой «инородческой» интеллигенции, которая могла бы обеспечить трансляцию новой веры своим собратьям. За эти полтора столетия из-за непонимания православного вероучения сформировалось сознание чуждости новой веры.

Не стоит думать, что это было поголовное непонимание христианской веры. Нередко появлялись подвижники благочестия, которые осознавали истину христианской веры. Новокрещеный чувашин Трофим Мозяк строго соблюдал пост, ежегодно причащался, вносил свои средства на роспись иконостаса, призывал в дом священников [9, л. 3]. В 1794 г. крещеная бе-

сермянка Кабиба Эшмурзина направила благодарственное письмо вятскому архиерею, в котором благодарила за дар веры «во истинного Бога Иисуса Христа» [41, л. 3–3 об.]. Таких примеров на самом деле немало. Но это были именно примеры, исключение, своего рода «малое стадо». Масса новокрещеных не понимала и не принимала ортодоксального варианта православия именно вследствие отсутствия переводов богослужения и христианских книг на местные языки. Этот фактор значительно способствовал успеху исламизации местного населения.

В заключении необходимо указать на обстоятельства, которые задерживали распространение ислама. Несмотря на то, что гражданская власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь мусульманских подданных, давала свободно развиваться религиозным школам (медресе и мектебе), она, тем не менее, применяла строгие административные меры в отношении «совратителей» и «сверженных», чиновники не должны были допускать исламскую пропаганду среди православного населения.

Другим фактором, сдерживавшим исламизацию народов Волго-Уральского региона, было неприязненное отношение к татарам со стороны финно-угорских народов. В отчете вятского губернатора о состоянии губернии за 1837 г. указано, что удмурты не любят как русских, так и татар, и «как бы помня утеснения, которые терпели от этих пришельцев их предки, всегда стараются удалиться от них и избегать всякого с ними общения» [33, л. 3]. П. Н. Луппов писал, что татары могли бы успешнее распространять свою веру, если бы не их недоброжелательное отношение к удмуртам. Однако татары «сильно эксплуатировали и вообще притесняли их... Поэтому теперь во многих местах мы видим недоброжелательное отношение вотяков к татарам» [21, с. 487]. Ярким подтверждением этого является тот факт, что удмурты некоторых приходов Вятской и Казанской губерний представляли злое божество в виде татарина в тубетейке [1, с. 5].

Русификация, сближение русских с народами Волго-Уральского региона также являлась сдерживающим фактором исламизации. В тех местностях, где русские принимались в качестве соседей, как правило, вместе с русской речью, костюмом и обычаями укоренялось и православие. П. Н. Луппов писал: «Русская девица, выйдя замуж за вотяка, естественно не могла разделять тех поверий, той преданности языческим богам, какая наблюдалась еще у вотяков, и не могла воспитывать в ней своих детей» [21, с. 481].

В Российской империи ислам являлся важной составляющей конфессиональной структуры государства. Мусульмане Волго-Уральского региона являлись ведущим звеном, своего рода авангардом исламского движения в России. Этот потенциал лидеры мусульманского движения направляли на дело распространения своего вероисповедания среди народов Волго-Уралья. На протяжении более чем двух веков часть финского населения региона восприняла исламскую культуру, от поверхностно-мифологического уровня до понимания основ Корана. Исламизация наталкивалась на противодействие гражданской власти, православных миссионеров, части нерусского населения, не желавшего воспринимать культуру и быт татар-мусульман. Исламизация, как и христианизация, оказали значительное влияние на формирование культуры и традиций народов Волго-Уральского региона.

Список литературы

1. *Васильев Иоанн, свящ.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань : Тип. Казан. имп. ун-та, 1906. 88 с.
2. *Верт П.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М. : Новое изд-во, 2005. С. 48–83.
3. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть первая. О народах финского племени, известных в истории Российской под общим именем Руссов. СПб. : Имп. Акад. наук. 76 с.
4. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 199. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАПК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 35.
6. ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 2. Оп. 9. Д. 321.
7. ГАРТ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 687.
8. ГАРТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1484.
9. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 57. Д. 22.
10. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1341.
11. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1383.
12. ГАРТ. Ф. 169. Оп. 1. Д. 21.

13. ГАРТ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8.
14. ГАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 41.
15. ГАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 201.
16. *Ерусланов П.* Магометанская пропаганда среди черемис Уфимской губернии. М. : Печятня А. И. Снегиревой, 1885. 60 с.
17. *Знаменский П.* Казанские татары. Казань : Типография Императорского Университета, 1910. 67 с.
18. *Ильминский Н. И.* Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Материал для истории православного русского миссионерства. Казань : Тип. ун-та, 1883. 356 с.
19. *Исхаков Р. Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань : Тат. кн. изд-во, 2011. 221 с.
20. *Круз Р.* За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 475 с.
21. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губ. тип., 1911. 568 с.
22. *Малов Е.* О Новокрещенской канторе. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III.
23. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 316 с.
24. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб. : Изданием Имп. Акад. Наук, 1791. 99 с.
25. *Никольский Н. В.* Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI–XVIII веках : исторический очерк. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
26. *Ногманов А. И.* Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань : Татарское кн. изд-во, 2005. 213 с.
27. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 407. Оп. 1. Д. 72.
28. РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 107.
29. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 383. Оп. 7. Д. 6109 б.
30. РГИА. Ф. 796. Оп. 31. Д. 205.
31. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 1243.
32. РГИА. Ф. 796. Оп. 191. Д. 163.
33. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 20785.
34. РГИА. Ф. 797. Оп. 15. Д. 35650.
35. РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Д. 41173.
36. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 743.
37. *Таймасов Л. А.* Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века. Чебоксары : Изд-во Чуваш. Госуниверситета, 1992. 144 с.
38. *Тезяков Н.* Вотяки Больше-Гондырской волости (медико-статистический и антропологический очерк). Чернигов : журн. "Зем. врач", 1892. 87 с.
39. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 18. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–5.
40. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 127.
41. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 999.
42. ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 13.
43. *Юзефович Б. М.* Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. СПб.: Тип. А. Траншея, 1883. 64 с.
44. *Werth W. Paul.* Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s–1890s. // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. Pp. 385–415.

The spread of Islam in the Volga-Ural region in the middle of the XVIII – early XX century

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443.

E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. Currently, there is a steady interest in the history of the Orthodox mission during the imperial period. However, the history of proselytism of other confessions of the Russian Empire often remains out of the researcher's field of view. Studying this issue helps to better understand the nature and features of Orthodox missionary work, the position of the authorities in relation to non-Orthodox propaganda. Before the decree on religious tolerance was issued on April 17, 1905, the spread of Islam among Christians and pagans of the Volga-

Ural region was prohibited. Despite this, Islamic proselytism was an essential factor in the formation of the confessional structure of the Volga-Ural region. Often, the authorities were forced to de facto recognize the Islamization of the local population. Some governors recognized that the process of "apostasy" could not be contained only by administrative methods. There was an understanding that in order to counteract the Islamization of "foreigners", the educational work of the Orthodox clergy is required.

The spread of Islam was carried out in various ways: through the preaching activities of the Muslim clergy, through religious schools (madrasahs and mektebe), through marriages, acculturation, as well as palliative methods – threats, the creation of difficult living conditions that forced them to accept the religion of the Koran. Islam was a rival religion to the dominant religion, Orthodoxy. In this regard, the authorities paid increased attention to Islam. The importance of Islam was also explained by the fact that the Muslims of the Russian Empire professed a religion that was dominant in the Ottoman Empire. At the turn of the XIX – XX centuries, a movement called "pan-Islamism" arose. Despite the fact that the ideologists of this movement did not have a decisive influence on Russian Muslims, the imperial authorities were afraid of mixing the missionary activity of Muslims with a political aspect.

Keywords: Orthodoxy, Islam, Volga-Ural region, mullahs, madrasahs, mektebe.

References

1. Vasiliev John, the priest. *Obozrenie yazycheskih obryadov, sueverij i verovaniy votyakov Kazanskoj i Vyatskoj gubernij* [An overview of pagan rituals, superstitions and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces]. Kazan. Typ. of Kazan Imp. University, 1906. 88 p.
2. Vert P. Ot "soprotivleniya" k "podryvnoj deyatel'nosti": vlast' imperii, protivostoyanie mestnogo naseleniya i ih vzaimozavisimost' [From "resistance" to "subversion": the power of the Empire, the confrontation of the local population and their interdependence] // *Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let : antologiya* – The Russian Empire in Foreign Historiography. Works of recent years : an anthology / comp. P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller. M. New Edition, 2005. Pp. 48–83.
3. Georgi I. G. *Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. Chast' pervaya. O narodah finskogo plemeni, izvestnyh v istorii Rossijskoj pod obshchim imenem Russov* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorabilia. Part one. About the peoples of the Finnish tribe, known in the history of Russia under the common name Russov]. SPb. Imp. Academy of Sciences. 76 p.
4. SAPR (State Archive of the Perm region). F. 199. Inv. 1. File 37.
5. SAPR. F. 353. Inv. 1. File 35.
6. SART (State Archive of the Republic of Tatarstan). F. 2. Inv. 9. File 321.
7. SART. F. 2 Inv. 9. File 687.
8. SART. F. 2. Inv. 12. File 1484.
9. SART. F. 4. Inv. 57. File 22.
10. SART. F. 10. Inv. 2. File 1341.
11. SART. F. 10. Inv. 2. File 1383.
12. SART. F. 169. Inv. 1. File 21.
13. SART. F. 967. Inv. 1. File 8.
14. SART. F. 968. Inv. 1. File 41.
15. SART. F. 968. Inv. 1. File 201.
16. Eruslanov P. *Magometanskaya propaganda sredi cheremis Ufimskoj gubernii* [Mohammedan propaganda among the cheremis of the Ufa province]. M. Printing house of A. I. Snegireva, 1885. 60 p.
17. Znamenskij P. *Kazanskije tatarj* [Kazan Tatars]. Kazan. Printing House of the Imperial University, 1910. 67 p.
18. Il'minskij N. I. *Opyty perelozheniya hristianskih verouchitel'nyh knig na tatarskij i drugie inorodcheskie jazyki v nachale tekushchego stoletiya. Material dlya istorii pravoslavnogo russkogo missionerstva* [Experiments of translating Christian doctrinal books into Tatar and other foreign languages at the beginning of this century. Material for the history of Orthodox Russian missionary work]. Kazan. Typ. of university, 1883. 356 p.
19. Iskhakov R. R. *Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Missionary work and Muslims of the Volga region (the last third of the XVIII – early XX century)]. Kazan. Tat. book publishing house, 2011. 221 p.
20. Cruz R. *Za proroka i carya. Islam i imperiya v Rossii i Central'noj Azii* [For the prophet and the king. Islam and the Empire in Russia and Central Asia]. M. New Literary Review, 2020. 475 p.
21. Luppov P. N. *Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century]. Vyatka. Gubernia typ., 1911. 568 p.
22. Malov E. *O Novokreshchenskoj kantore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom godichnom sobranii kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [About the Novokreschenskaya cantora. A speech delivered at the solemn annual meeting of the Kazan Theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik* – Orthodox interlocutor. 1878. Part III.

23. Miller A. I. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm : esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism : essays on the methodology of historical research]. M. New Literary Review, 2010. 316 p.
24. Miller G. F. *Opisanie zhivushchih v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of pagan peoples living in the Kazan province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks]. SPb. Dependent on Imp. Acad. of Sciences, 1791. 99 p.
25. Nikol'skij N. V. *Hristianstvo sredi chuvash srednego Povolzh'ya v XVI-XVIII vekah : istoricheskij ocherk* [Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the XVI-XVIII centuries : a historical essay]. Kazan. Typo-lit. of Imp. university, 1912. 416 p.
26. Nogmanov A. I. *Samoderzhavie i tatary. Ocherki istorii zakonodatel'noj politiki vtoroj poloviny XVI-XVIII vekov* [Autocracy and Tatars. Essays on the history of legislative policy in the second half of the XVI-XVIII centuries]. Kazan. Tatar Publishing House, 2005. 213 p.
27. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 407. Inv. 1. File 72.
28. RSAAA. F. 407. Inv. 1. File 107.
29. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 383. Inv. 7. File 6109 b.
30. RSHA. F. 796. Inv. 31. File 205.
31. RSHA. F. 796. Inv. 121. File 1243.
32. RSHA. F. 796. Inv. 191. File 163.
33. RSHA. F. 797. Inv. 5. File 20785.
34. RSHA. F. 797. Inv. 15. File 35650.
35. RSHA. F. 797. Inv. 18. File 41173.
36. RSHA. F. 821. Inv. 8. File 743.
37. Taimasov L. A. *Hristianizaciya chuvashskogo naroda v pervoj polovine XIX veka* [Christianization of the Chuvash people in the first half of the XIX century]. Cheboksary. Chuvash Publishing House. State University, 1992. 144 p.
38. Tezyakov N. *Votyaki Bol'she-Gondyrskoj volosti (mediko-statisticheskij i antropologicheskij ocherk)* [Votyaks of Bolshe-Gondyrskaya volost (medical, statistical and anthropological essay)]. Chernihiv. Journal. "Earth. the doctor", 1892. 87 p.
39. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 18. Inv. 1. File 67. L. 2-5.
40. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 127.
41. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 999.
42. CSAKR. F. 811. Inv. 1. File 13.
43. Yuzefovich B. M. *Hristianstvo, magometanstvo i yazychestvo v vostochnyh guberniyah Rossii* [Christianity, Mohammedanism and paganism in the eastern provinces of Russia]. SPb. Typ. of A. Transhel, 1883. 64 p.
44. Werth W. Paul. *Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s-1890s. // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. Pp. 385-415.*

Город Владимир как центр зарождения российского монархизма (от Мономаха до Батыева нашествия – 1158–1238 гг.)

Ляпанов Артем Владимирович¹, Рагимханов Алексей Валентинович²

¹кандидат исторических наук, заведующий кафедрой частноправовых дисциплин,
Владимирский юридический институт ФСИН России; доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Россия, г. Владимир. E-mail: Lyapanov@mail.ru

²студент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Россия, г. Владимир. E-mail: welci@mail.ru

Аннотация. Цель работы – доказать, что древний город Владимир является местом зарождения идеи российского монархизма, связанной с опорой на православную церковь и исторические параллели самовластия, местом сложения отечественной позднесредневековой политики. Идея земного единовластия, напрямую происходящая из библейского текста, явилась наивысшим чаянием суздальских князей второй половины XII столетия, эпохи, сопряженной с Крестовыми походами и «опасными» датами церковного Предания. Образы царя Давида и «христианизированного» Александра Македонского, размещенные на стенах строившихся в те годы соборов, как нельзя лучше оправдывали властные притязания местных правителей. Придание Владимиру черт Иерусалима, центра Земли в христианской средневековой топографии, дополнительно усиливало значение персон суздальских князей в глазах их подданных. Библейский взгляд на единоличную власть словно поселился на берегах реки Клязьмы, уйдя через полтора столетия в государственную перспективу Москвы, где трудами владетельных потомков Всеволода Большое Гнездо приобрел свои окончательные формы: русского царства и последовавшей за ним Российской империи. Так исторически сложилось, что основную роль в отечественной истории город Владимир сыграл в начальный период своего существования, особенно в промежутке между 1158–1238 годами, именно поэтому данному отрезку времени имеет смысл уделить особое внимание, дать дополнительные обзор и междисциплинарное осмысление.

С точки зрения методологии исследования привлечение исключительно летописных сведений той эпохи недостаточно, а подчас и невозможно ввиду отсутствия источников, для формирования целостной картины жизни домонгольского города. На помощь исследователю приходят современные данные археологии, наработки лингвистики и антропологии. Все это позволяет точнее увидеть жизнь средневекового Владимира, уйти от некоторых косных выводов прошлого, а значит, точнее узнать процесс зарождения и происхождения российской государственности.

Ключевые слова: средневековый Владимир, Андрей Боголюбский, Золотые ворота, Успенский собор, Дмитриевский собор.

Введение. На территории исторической России найдется не так много городов, которые самим фактом своего существования сыграли ведущую роль в становлении базовых основ отечественной государственности и задали тот культурный код, который будет служить ее задачам из поколения в поколение. Безусловно, это Новгород Великий, связанный с приглашенным местным обществом легендарным варягом Рюриком, происходящим, словами летописца, «от рода русского», прародителем будущей династии, давшей имя России. Это Киев – город, впервые на самом высшем уровне воспринявший на территории Восточно-Европейской равнины христианскую религию со всем ее греко-римским интеллектуальным наследием. И это Владимир-на-Клязьме – место зарождения идеи российского монархизма, связанной с опорой на православную церковь и исторические параллели самовластия.

Владимир в данном списке, безусловно, явился итоговым местом сложения отечественной позднесредневековой политики, что можно увидеть в непрерывном наследовании титула «великий князь владимирский» от создателя русского централизованного государства Ивана III до Николая II¹. Из этого же города происходит главная национальная святыня России – Богоматерь Владимирская, в последний раз использовавшаяся в политической жизни летом 1917 г. при выборах Патриарха Российской церкви, и как всем видимое выражение уxo-

дящих в перспективу политических устремлений местных князей – белокаменная архитектура домонгольского Владимира, задавшая тот характерный тон, который будет внешним парадным обликом нашей страны от XII до XXI вв.

Таким образом, средневековый Владимир как явление не только урбанистическое, но в первую очередь духовно-идеологическое, представляет для исследователя большой интерес. А именно: каким образом на территории Суздальской земли, значительно удаленной от тогдашних центров мировой христианской цивилизации, мог появиться пункт-точка отсчета страны, занимавшей и занимающей значительное место на международной арене. Являясь в современности не только абстрактной темой для исследователя, но и местом с рядом сохранившихся памятников Всемирного наследия, которое ежегодно посещают миллионы туристов, Владимир играет не исключительно ретроспективную, но и прикладную роль по ознакомлению российского общества с истоками его исторического пути.

В рамках данной работы рассматривается первоначальный этап существования города: от предпосылок его появления, основания и становления как крупного духовно-политического центра до нашествия Батыевой орды. Подобные вопросы поднимались в науке неоднократно, однако в историографии зачастую продолжают господствовать выводы профессора Н. Н. Воронина, высказанные еще в середине XX в. в первом томе фундаментальной монографии «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков» [7, с. 39–44, 128–131]. Археологическая наука за прошедшее время шагнула далеко вперед, был накоплен богатый археологический материал. Современность требует нового осмысления данного предмета.

Историография. Первые попытки изучения домонгольского Владимира относятся к эпохе становления истории как науки в России. Обратившись к труду Ивана Дмитриевского [14], изданному в 1802 г. и, несомненно, отражающему взгляды, сложившиеся к рубежу столетий, можно обнаружить некий итог исканий ранних авторов, суть которого состояла в не критическом обращении к русскому летописанию с целью систематизации дат и имен, связанных с первоначальным городом. Особенно занимала авторов дата основания Владимира и имя князя-основателя, поэтому ввиду отсутствия прямых сведений в письменных источниках не было согласия по данным вопросам и в ученой среде. К примеру, историки М. М. Щербатов и Ф. А. Эмин [14, с. 4] однозначно относили начало города к 992 г., а его основателем считали киевского князя Владимира Святославича, крестителя Руси, что, в свою очередь, находило подтверждение в отдельных летописях [30, с. 113–114; 32, с. 109]. Им оппонировал В. Н. Татищев [43, с. 242], утверждавший в своих сочинениях, что в 992 г. был основан Владимир на Волыни, а Владимир на Клязьме сооружен князем Юрием Долгоруким в 1152 г. На рубеже XIX–XX вв. ранней даты закладки города придерживался историк В. В. Косаткин [17, с. 5]. Свое мнение на этот счет имел и Н. М. Карамзин, относивший факт первоначальной постройки города к интервалу 1110–1116 гг., а основателем считавший переяславского князя Владимира Мономаха [16, с. 134]. Исследователь второй половины XIX в. А. И. Бунин впервые выводит дату 1108 г. [6, с. 179–189], также считая основателем Мономаха.

В XX в. в исторической науке господствовало мнение Н. Н. Воронина [7, с. 39], полностью согласное с последним из упоминаемых авторов, которое, однако, было пересмотрено в начале 1990-х гг. в пользу более ранней даты основания (О. М. Рапов [38, с. 288–302], С. В. Заграевский [15, с. 12–16], Т. П. Тимофеева [44, с. 3–4]). Им оппонировал современный исследователь А. В. Сиринов, не выводящий конкретную дату, но относящий основание Владимира к началу XII столетия [42, с. 182–183].

Столь же неясным в трудах историков представляется и место постройки первой крепости. А. И. Бунин помещает его в районе впадения в реку Клязьму реки Лыбеди [5, с. 39–54] вблизи валов так называемого Ветшаного города. Н. Н. Воронин в своей фундаментальной монографии «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков» [7, с. 39–44, 128–131] однозначно говорит о начальном Владимире как Печернем (Среднем) городе, считая все остальные его исторические локации (Ветшаный город и Новый город) итогами деятельности князя Андрея Боголюбского. А. В. Сиринов размещает изначальную точку основания в районе Георгиевской церкви [42, с. 182–183], что соответствует летописному Новому городу.

К сожалению, еще меньше внимания уделяют историки вопросу о причинах основания Владимира. Подробно данная тема была разработана А. И. Буниным в упоминаемой выше статье [6, с. 179–189] и однозначно связывалась с необходимостью дополнительной охраны Ростово-Суздальской земли от посягательств внутренних противников (иных представителей династии Рюриковичей). О. М. Рапов в указанном сочинении называет причиной устройства

крепости необходимость защиты интересов киевского князя (Владимира Святославича) в отдаленном регионе Киевской Руси [38, с. 288–302]. Ю. А. Лимонов дополнительно связывает строительство новых укреплений с набегами волжских болгар, тревоживших местное население на протяжении XI–XII вв. [19, с. 20–21].

Так как основным источником сведений авторов, повествующих о первоначальном Владимире, являются русские летописи, которые не вполне в данном вопросе согласуются друг с другом и содержат недостаточное количество конкретных фактов, в историографии поднятой темы неизбежно множество допущений, догадок и домыслов. Постараемся разобраться.

Причина основания, основатель, дата основания. Исторический контекст Руси, в котором впервые появляется город Владимир, представлял из себя конгломерат независимых политий, возглавляемых, за исключением Полоцка, потомками киевского князя Ярослава Мудрого. Причем Ростовская земля была закреплена за его сыном Всеволодом, а Черниговская (с входящим в нее Муромом) – за Святославом. При этом наследование осуществлялось не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему (лестничная система), что создавало серьезное напряжение в межкняжеских отношениях. В 1194–1197 гг. между двоюродными братьями князьями Владимиром Мономахом (родоначальник Мономашичей) и Олегом Святославичем (родоначальник Ольговичей) началась усобная война, главной целью которой было желание последнего отвоевать волости, ранее платившие дань его покойному отцу. Летом 1096 г. Олег Святославич разбил под Муромом войско сына Мономаха князя Изяслава и занял главные города Залесья: Суздаль и Ростов [24, с. 237]. Однако 27 февраля 1097 г. под Суздалем он сам был побежден старшим сыном Мономаха Мстиславом, что в конечном итоге привело к встрече противоборствующих князей в Любече и мирному договору, по которому каждый из правителей оставлял за собой волости своих отцов [24, с. 257].

Угроза Ростовской земле от Ольговичей со стороны Мурома, а также активизация в конце XI – начале XII в. войн с половцами и волжскими болгарями заставила князя Владимира Мономаха обратиться к укреплению своей северо-восточной волости, для чего была принята целевая строительная программа. В ходе нее была расширена крепость в Суздале, где также был построен из плинфы первый капитальный собор на Ростовской земле – Успенский, по примеру киевского Печерского [7, с. 27–31], и, предположительно, основаны города Мстиславль (ныне село Городище Юрьев-Польского района Владимирской области) и Владимир.

При всем том летописи не упоминают напрямую место и дату основания города, сообщая лишь косвенные подробности, которые не могут быть истолкованы однозначно [27, с. 467; 32, с. 103]. Ввиду того, что согласно ранним источникам название крепости звучит как Володимерь [25, с. 348; 35, с. 128], что морфологически есть склонение притяжательное [23, с. 41–42], то следует полагать, что город был основан непосредственно Владимиром (Володимером) Мономахом в один из его приездов на Ростовскую землю [21, с. 5]. Наиболее подробно данный вопрос разбирает А. И. Бунин в указанном выше сочинении [6, с. 179–189].

Следует отметить, что рассмотрение даты основания Владимира концом X в. не является в данный момент актуальным, так как в пределах валов городища XII–XIII вв. не обнаружен культурный слой даже XI столетия, что, в свою очередь, отодвигает вопрос на неопределенный срок, несмотря на наличие ранней датировки в ряде поздних летописных источников.

Сам город был построен на безымянном холме над рекой Клязьмой, которая, в свою очередь, впадает в реку Оку и через нее включается в международный Волжский торговый путь. Упомянутые гидронимы имеют балтское происхождение [47, с. 104–127], что само по себе ввиду отсутствия археологических памятников балтов во Владимирской области требует отдельного осмысления. Наиболее высокой точкой исторического центра Владимира – около 160 м над уровнем моря – является площадка, расположенная в районе церкви Спаса (1164 г., 1778 г.), неподалеку от которой, в сторону к Георгиевской церкви, археолог В. П. Глазов в 70-е гг. XX в. обнаружил подошву срытого вала [10]. Южнее от данного холма, на территории Патриаршего сада, размещенного на крутом склоне в направлении реки, в 2017 г. было обнаружено захоронение жителей города XII столетия, перекрытое валом домонгольской эпохи [1; 2], что невольно наводит на ассоциацию с ранними киевскими укрепленной Горой и неукрепленным Подолом (подобную ассоциацию проводит М. Н. Тихомиров в своем сочинении [45, с. 406]). Несмотря на упоминаемое в летописном источнике [32, с. 103] строительство Владимиром Мономахом церкви Спаса во Владимире, в районе нынешнего храма с тем же именем никаких остатков капитальных построек начала XII в. не обнаружено, что, в свою очередь, А. В. Сиренов объясняет фактической ошибкой средневекового автора [42, с. 182–183].

Остается открытым и вопрос о первоначальном населении города. Антропологические исследования, проведенные в последние годы [11], говорят о характерных чертах жителей Владимира, присущих обитателям не местной округи (Суздальской земли), а выходцам из верхнего Поднепровья (Смоленская земля). Впрочем, данная выборка имеет отношение скорее к первой трети XIII столетия, нежели к временам князя Владимира Мономаха.

Эпоха Юрия Долгорукого. Начало белокаменного строительства. Благодаря расположению в регионе Волги на пути «из варяг в арабы», удаленная от Киева Ростовская земля имела все возможности для процветания ввиду наличия крупного торгового транзита. Несмотря на скудные земли с лесными серыми почвами и примитивную агрокультуру, близость Волжской Болгарии, главного коммерческого контрагента Ростова и Суздаля, с ее черноземами давала возможность относительно благополучно переживать неурожайные годы. Все это послужило во времена правления сына Владимира Мономаха – ростовского князя Юрия Владимировича Долгорукого (с 1113 г.) – расцвету торговых и ремесленных отношений, росту населения и, как следствие, увеличению количества городов. Действительно, редкий князь Руси XII столетия может похвалиться таким обширным созидательным списком: Москва, Звенигород, Кострома, Дмитров, Стародуб, Кснятин, Городец, Перемышль, Кидекша, Дубна, Юрьев, Переяславль [41].

Дальнейшее развитие получают и уже имеющиеся в наличии городские центры, среди которых и пока еще «пригород» Суздаля – Владимир. Важность последнего подчеркивается постройкой в нем на рубеже 40–50-х гг. XII столетия одного из пяти белокаменных храмов региона. Сам выбор материала свидетельствует о центробежных (от Киева) не только политических, но и культурных тенденциях, о поиске своего оригинального стиля, маркирующего Ростово-Суздальскую землю как некую независимую данность, как особый мир в рамках православной Руси. Казалось бы, Владимир, прежде незначительный город (летописная крепость) на южных рубежах волости князя Юрия, становится важным торговым, культурным и религиозным центром, что без всяких сомнений и обозначает наличие в нем каменного храма. С другой стороны, из пяти документально и фактически известных построек, выполненных, по всей вероятности, приглашенной малопольской артелью на рубеже 40–50-х гг. XII столетия [7, с. 108–109; 47, с. 431–432], три находятся в городах, Юрием Долгоруким основанных: в Переяславле-Залесском, Кидекше, Юрьеве-Польском. Князь, ведомый мотивами, несомненно, христианскими, словно строил свою Святую Русь в регионе, наиболее дальнем от «матери городов русских» – Киева, при этом не опираясь исключительно на Ростов и Суздаль – местные центры с политически активной городской общиной.

Церковь святого Георгия во Владимире располагается в летописном Новом городе и является старейшей из домонгольских построек, дошедших до нашего времени. Дата ее закладки (а равно как и завершения) не может быть установлена точно, тем не менее есть основания считать, что в первой половине 50-х гг. XII в. она уже стояла на своем месте [34, с. 77]. До современности дошли лишь ее фундаменты, на которых стоит нынешний храм конца XVIII столетия, однако, по аналогии с постройками той же вероятной малопольской артели в Переяславле и Кидекше, можно представить ее первоначальный облик в наиболее характерных чертах: это был четырехстолпный крестово-купольный трехапсидный храм с хорами, украшенный поясками аркатуры и разделенный по фасаду лопатками (пилястрами). Внутри помещения в северной и южной стенах с западной стороны были устроены ниши – аркасолии – для последующих погребений членов княжеской семьи.

С учетом убранства и манеры полубутовой кладки из ровно отесанных квадров известняка-ракушечника, подобный храм становился уникальным явлением в строительной истории Древней Руси – по меткому замечанию исследователя архитектуры С. А. Шарова-Делоне, общекультурным примером «романо-ромейского» мира [47, с. 857–858], новаторски проработанной эклектикой восточной греческой планировки и итало-немецких приемов строительства и отделки, свидетельствующей об отсутствии в XII в. «пропасти» между европейскими Востоком и Западом. Впервые появившийся на Ростовской земле во времена Юрия Долгорукого храм таких форм надолго станет излюбленной моделью для последующего белокаменного (и не только) русского архитектурного творчества [47, с. 13–24].

Иным важным аспектом капитального церковного строения является его относительная сопротивляемость пожарам, что было актуально в преимущественно деревянных городах Руси. Христианство есть религия книжности, поэтому всякая его проповедь невозможна без скриптории, библиотеки и школы, деятельность которых в Средние века сосредотачивалась

при церковной институции, при храме. Несмотря на то, что нет никаких непосредственных свидетельств подобных учреждений при церкви святого Георгия во Владимире, было бы неправильно сомневаться, что они отсутствовали, принимая во внимание колоссальную стоимость для княжеского бюджета постройки [7, с. 325–327] и поддержания самого здания. Косвенным подтверждением подобной образовательной деятельности являются находки археологами в культурном слое домонгольского Владимира достаточного количества *писал*, что наводит на мысль об обширной грамотности населения, а это само по себе маркирует город и, более конкретно, городские храмы как центры обучения, а через это и как важные точки распространения христианства среди населения, подвластного местным князьям династии «от рода русского».

Эпоха Андрея Боголюбского. Владимир как образ нового Иерусалима. Летом 1155 г. из Вышгорода, что под Киевом, на Ростово-Суздальскую землю прибывает князь Андрей Юрьевич, на тот момент старший сын Юрия Долгорукого. Отъезд был совершен втайне от отца (ссылка) и сопровождался «чудесными знаменами» [3, с. 219–225], то есть был подан для окружающих как «воля Царицы Небесной». С собой княжич взял Ее образ, святыню Моноашичей, прибывший некогда из Константинополя с иной весьма чтимой иконой – Богородицей Пирогощей [35, с. 128]. Остановился Андрей в месте слияния рек Нерли и Клязьмы, важного отворота Волжского торгового пути, в месте, которое он утвердил впоследствии городом Боголюбым (современное село Боголюбово Суздальского района Владимирской области).

В 1157 г. в Киеве при невыясненных обстоятельствах умирает князь всея Руси Юрий Владимирович Долгорукий [26, с. 489], после чего по его завещанию Ростово-Суздальская земля должна была отойти младшим сыновьям Михалке и Всеволоду, а общерусскую столицу должен был наследовать старший Андрей. Последний на юг не поехал, был «настолован» вечерними сходами Ростова и Суздаля, как их князь [35, с. 129], младших единокровных братьев до наследства не допустил, а отцовскую дружину из своей волости изгнал. Человек Средневековья, глубоко верующий (канонизирован церковью в 1702 г.) и образованный в рамках христианской книжности, Андрей Юрьевич жил во времена столкновения католичества и ислама, зримо освобождения христианских святынь Палестины, особых мировых чаяний второго Христова пришествия. Ко всему прочему, на ранний этап правления ростово-суздальского князя выпадает лето 6666 от сотворения мира, согласно тогдашнему летоисчислению (1158 год н. э.). Очевидно опасное число христианской эсхатологии, прописанное в Апокалипсисе Иоанна Богослова [4, с. 1337], и не случайно, что старт обширной строительной программы Андрея Боголюбского, центром которой становится город, основанный на реке Клязьме его дедом, приходится на указанную выше дату.

В 1158 г. на соседнем к востоку от крепости холме, расположенном через овраг и соединенным с нею мостом [20, с. 26], закладывается грандиозный Успенский собор [25, с. 348], в этот же год, по всей видимости, начинается возведение парадных Золотых ворот [44, с. 16], увеличиваются укрепления Владимира, формируя территорию летописного Нового города [25, с. 463]. Владимиру придаются одновременно номинальные черты Иерусалима [40, с. 553–556], центра Земли в средневековом европейском миропонимании, Константинополя – столицы императора Нового Рима, царя для всех верующих православных, и Киева – митрополии (греч. *μητρόπολις* – «мать городов») и отправной точки христианской Руси. Действительно, во всех этих городах есть Золотые ворота и особо почитаемый соборный храм, посвященный Иисусу Христу [4, с. 1245]. Сама же планировка крепости получила форму креста по сторонам размещения новых ворот – запад (Золотые), восток (Серебряные), север (Медные), юг (Волжские).

Названия рек в окрестностях Владимира – Лыбедь, (И)рпень, Почайна – также намекают на общерусскую столицу [36, с. 255–261], а место возведения Успенского собора названо в источнике Печерным городом [25, с. 463], по примеру Киева, где церковь того же именованья находится за пределами городских укреплений в районе Печеры (следует отметить, что загородные церковные единицы с омонимом «печеры» имелись/имеются в Суздале, и в Нижнем Новгороде, и в Пскове).

Примечательны и политические амбиции князя Андрея Юрьевича, желавшего устроить при новом храме митрополию [29, с. 222], отдельную от киевской, для чего он активно и не всегда рационально вмешивался в дела церкви. Хотя сама идея не оригинальная, разделить Русь на три митрополии желали еще сыновья Ярослава Мудрого. Впрочем, икона, привезенная из Вышгорода в 1155 г., волею исторического процесса так и останется вековым симво-

лом нового города и местных Юрьевичей, приняв имя Богоматери Владимирской. Саму же крепость над рекой Клязьмой князь мыслил как «великое княжение и главу всем» [29, с. 222], себя определяя «самовластцем», что является не более чем славянской калькой с греческого титула монархов Нового Рима – αὐτοκράτωρ. В этой связи важным уже иерусалимским мотивом является сознательное размещение фигуры библейского царя Давида вверху центральных прясел созидаемых церковей – этим, наравне с пророческой отсылкой к его потомку царю Небесного Иерусалима Христу, в умах утверждалась и идея местного, вполне себе земного правителя, полномочия которого делегированы не только традиционными собраниями городских общин (вечем), но и в первую очередь Господом Богом.

Отдельно стоит упомянуть, что непосредственно строительством каменных сооружений занимались мастера «из всех земель» [7, с. 329–331; 47, с. 440–448], то есть некая интернациональная артель, изначально происходящая, несомненно, из Западной Европы. Используя метод сравнения (профилей цоколей, окон, карнизов и т. п.), примерными регионами ее происхождения принято считать итальянские области Эмилию-Романью или Ломбардию. При всем том артель строила с опорой на изучение предыдущих белокаменных сооружений (времен княжения Юрия Долгорукого), сохраняя в основных формах новых построек их творческие решения и обогащая их своими опытом и талантом. Именно эти мастера впервые использовали для украшения церковных зданий на Ростово-Суздальской земле круглую скульптуру, популярную в те годы на христианском Западе, и они же ввели в убранство фасадов аркатурно-колончатый пояс, который затем будут использовать русские архитекторы в своих оригинальных проектах на протяжении столетий.

Кроме обозначенных построек, упомянутая артель на протяжении периода с 1158 по 1165 гг. возвела во Владимире Серебряные ворота [26, с. 582] и церковь Спаса-Преображения (оба объекта не сохранились) [25, с. 351], а также работала в Боголюбове и Ростове Великом. Так сложилось, что из девяти дошедших до современности в России строений, относимых к домонгольской белокаменной архитектуре, четыре принадлежат именно ее работе, являясь одновременно памятниками Всемирного наследия.

Эпоха Всеволода Большое Гнездо. Окончательное сложение архитектурного облика города. В ночь 12 июля (н. с.) 1174 г. в Боголюбове был убит князь Андрей Юрьевич, в результате чего Ростово-Суздальская земля на почти три года вошла в период усобиц. После ряда успешных военных столкновений с соперниками и дипломатических шагов к власти пришел Всеволод, самый младший сын Юрия Долгорукого, которому некогда и была отдана по завещанию последнего северо-восточная волость Руси. К тому времени суздальские князья фактически не находились в самом Суздале, выбирая другие укрепленные места для своего пребывания: Юрию Долгорукому в историографии традиционно приписывают Кидекшу как место проживания, Андрей Юрьевич жил в Боголюбове (отсюда и прозвище), а пришедший сразу после его убийства к власти племянник Ярополк Ростиславич впервые избрал как резиденцию город Владимир, что сделало последний столицей – городом, где находится княжеский трон («столь»), то есть местом пребывания военно-политического администратора.

Тому же последовал и князь Всеволод Юрьевич, устроивший свой двор к востоку от возведенного братом Успенского собора, на территории летописного Печерного города. Интересно отметить, что с началом его правления источники впервые упоминают о пожарах во Владимире, которые подчас принимали катастрофический размах. Так, например, в 1185 г. огонь уничтожил практически весь город, пострадал и каменный Успенский собор [25, с. 392; 28, с. 97]. При всем том следует отметить, что практически каждый из крупных пожаров приводил в итоге к капитальному строительству разных масштабов и целей. Упомянутое выше бедствие подтолкнуло князя к приглашению во Владимир строительной артели из Западной Европы, которая украсила город рядом превосходных в эстетическом отношении белокаменных зданий [47, с. 481–448].

В 1185–1189 гг. призванные каменщики перестроили погоревший Успенский собор [25, с. 407], обнеся его с запада, севера и юга рядами высоких галерей и завершив их малыми башнями (световыми барабанами). Впервые на северо-востоке Руси появляется пятиглавая конструкция храма, которая будет повторяться в будущем российскими архитекторами вплоть до современной эпохи. Эта же артель в 1192 г. начинает строительство монастырского собора Рождества Богородицы в крайней юго-восточной точке Печерного города. Тогда же в начале 90-х гг. XII в. стартует возведение грандиозного по своему скульптурному убранству Дмитриевского собора – центральной части княжеского двора Всеволода Большое Гнездо, бывшего в

крещении Дмитрием. Несложно заметить, что рассматриваемая строительная эпоха практически полностью сосредоточилась на территории Печерного города, которую начали осваивать с середины XII столетия [21, с. 143–150; 39, с. 37–41]. Итогом оформления данной крепости, по всей видимости, была закладка в 1194 г. князем Всеволодом детинца [25, с. 411], периметр которого и составляет бесосновательно, ввиду отсутствия источников, введенный в научный оборот т. н. «город Мономаха». Постройке детинца предшествовал пожар 1193 г. [25, с. 409; 28, с. 102], называемый напрямую в отдельных летописях «великим».

Последней работой упоминаемой артели был храм Зачатия праведной Анны (Иоакима и Анны), возведенный епископом Иоанном в 1196 г. на воротах комплекса Успенского собора [25, с. 412]. При этом остаются открытыми многие вопросы о формировании данного ансамбля: этапах создания, строителях и структуре, очевидно, включавшей в себя каменные ворота, стены, владычный дворец и разнообразные хозяйственные службы (поварня, конюшня, погреб и прочее).

Политическая идея князя Всеволода была не нова, по своей сути это было продолжение курса Андрея Боголюбского на усиление княжеской власти в контексте христианского верования. В центральных закомарах Дмитриевского собора все так же восседает царь Давид, знаменующий собой Христа [47, с. 782–786], сам же собор являет из себя каменную икону Небесного Иерусалима [37, с. 243–251]. Имеется и изображение «Вознесения Александра Македонского», впервые размещенное еще на Успенском соборе времен Андрея Боголюбского [7, с. 173–174] и повествующее собой возвышенный, небесный, богоданный характер политической власти монарха [9, с. 959–965]. Сам же собор лежит на одном векторе с аркой Золотых ворот, что при входе в пространство города, одноэтажного в своей массовой застройке, сразу приводило взгляд человека к вещественному олицетворению местного правителя.

Новым в символике будет скульптурный образ князя с маленьким Константином, старшим сыном, на руках [18, с. 5–6] и коленопреклоненной знатью, очевидно отражающий чуждое тогдашним властным обычаям желание передать свой трон первенцу в обход лествичного права бесконечных дядьев и братьев. Впрочем, значение данной композиции, лишенной конкретной подписи, не столь однозначно [9, с. 110–115], а при сравнении с отдельными раннесредневековыми изображениями подобного плана (Василия Болгаробойцы, Оттона III) появляется мысль об имперских притязаниях владимирского правителя.

Важным мотивом политической деятельности Всеволода Большое Гнездо явилось налаживание добрых взаимоотношений с церковью. Именно с последней четверти XII в. во Владимире постоянно пребывают ростовские епископы, вначале Лука, затем Иоанн. «Мизинный» город Суздальской земли становится военно-политическим и духовным центром северо-восточной Руси со сформированной в монархическом ключе идеей власти, а потому не зря этот князь уже при жизни будет именоваться современниками «Великим» [3, с. 262], несмотря на то, что прежде такого титула могли быть удостоены разве что скончавшиеся правители.

Последней ремаркой в его строительной деятельности будет основание для жены в 1200 г. Успенского Княгинина монастыря. Соборный храм обители 1202 г. постройки станет единственным сооружением князя в Новом городе (его северо-западном углу), но возводить его будут уже русские мастера, приглашенные из Киева. Постройка была выполнена из плинфы (при этом кирпич был разных форм, в зависимости от необходимости), что делает ее в своем роде единственной во Владимире. Не обошлось и без белокаменных элементов: порталы собора, по всей видимости, были профилированными и выполненными из известняка, что придавало зданию дополнительные элементы нарядности [7, с. 445]. В дальнейшем подобное сочетание разных по своим свойствам строительных материалов будет наличествовать в домонгольской архитектуре Ярославля [8, с. 110–112], а в позднесредневековом зодчестве Руси станет излюбленным приемом для украшения церковных и светских построек.

Эпоха Константина и Георгия Всеволодовичей. Последней фазой домонгольской градостроительной истории Владимира является период с 1212 по 1237 гг., когда у власти после смерти отца были попеременно старшие сыновья князя Всеволода – Константин и Георгий. Усобица между ними, завершившаяся битвой на реке Липица в 1216 г., очевидно, не способствовала экономическому процветанию города. Разрушительным был и пожар 1213 г., отдельно отмеченный летописцем [28, с. 134]. Тем не менее уже в 1218 г. на Торговище, расположенном в западной части Печерного города, князем Константином Всеволодовичем возводится каменный храм Воздвижения Креста [25, с. 441]. К слову, постройка, достоявшая до второй половины XVIII в., не найдена даже в виде фундаментов, а потому вопрос о материале,

из которого она была сооружена (плинфа, известняк, сочетание того и другого), остается открытым. Впрочем, имеет смысл предположить, что во Владимире на Константина работали те же мастера, что прежде в Ростове и Ярославле, с их характерным упоминаемым выше сочетанием различных материалов (известняк, плинфа), и по происхождению они были выходцами из одной из земель тогдашней Руси.

Наличие же торгового центра именно в этой части города является дополнительным аргументом того, что первоначально, то есть до постройки детинца (1194 г.), данная территория не была укреплена, не являлась частью городской застройки, так как площадки, отводимые под рынки, располагались в описываемую эпоху вне пределов крепостей [45, с. 248].

В 1219 г. Константин умер и к власти уже по лестничному праву вновь пришел его брат Георгий, отметившийся строительством нового собора в городе Суздале (1222–1225 гг.) [25, с. 445, 447], резьба с которого стилистически схожа со скульптурным убранством разобранных в XIX в. галерей и башен Дмитриевского собора. Это позволяет предположить, что здание времен князя Всеволода было обнесено той же артелью дополнительными конструктивными элементами, очевидно, после упомянутого в летописи пожара 1227 года [25, с. 449; 28, с. 134]. Интересно отметить и схожий почерк в оформлении обоих упоминаемых выше памятников с резьбой собора Рождества Богородицы во Владимире, который был по неизвестной причине заново освящен в 1219 г. [25, с. 444], то есть мог быть расширен примерно в те же годы притворами.

Еще две городские постройки времен сыновей Всеволода не могут быть локализованы: это церковь Михаила Архангела на дворе Константина [28, с. 134] и церковь Благовещения, упоминаемая в контексте женитьбы его сына Василько [25, с. 450]. Впрочем, по мнению Н. Н. Воронина, последняя, вероятно, являлась приделом собора Княгинина монастыря [7, с. 443].

Все это, при частом отсутствии прямых летописных свидетельств и достаточных археологических данных, делает монументальную архитектуру времен Константина и Георгия во Владимире одной из самых малоизученных, несмотря на, казалось бы, обширный историографический материал.

Завершением ранней (домонгольской) градостроительной истории Владимира является создание самой восточной части крепости, т. н. Ветшаного города. Археологически датированная временем непосредственно перед нашествием Батыевой орды [13, с. 92–103], данная часть укреплений выполняла свои функции достаточно недолго, а в настоящее время от нее сохранился лишь тридцатиметровый вал, именуемый по некогда бывшему рядом монастырю – Зачатьевским.

Заключение. Таким образом, рассмотренная выше ранняя градостроительная история Владимира в некотором роде становится ключом к пониманию становления древнерусской государственности в ее монархическом варианте. Зона экстенсивного земледелия, прибавочный продукт которого в неурожайные годы компенсировался наличием Волжского торгового пути, территория, удаленная от основных мировых центров цивилизации и культуры, что нивелировалось мудрой политикой ростовских и суздальских князей, в первую очередь Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского.

Последний, сделавший ставку на автократию в пику старым вечевым традициям, оправдавший свои притязания «благословением Неба», ушел с арены истории, оставив в наследие не только главную святыню страны – икону Владимирской Богоматери, вокруг которой будет собрана вся Русь в дальнейшем, но и зримый образ Небесного Иерусалима, существующего в ожидании второго Христова пришествия, прихода Царя будущего мира. Важным было и соотнесение города с тогдашними Константинополем и Киевом.

Создавшие культурный код новой русской политики – княжения Владимирского – неизвестные архитекторы, призываемые князьями с Запада, неизбежно в своих творческих формах выражали европейский путь развития Ростово-Суздальской земли – основы будущего централизованного государства Ивана III и империи Петра Великого. За выстроенным ими монументальным образом Владимира окончательно будет выхолощена из умов первая «мать городов русских» – древний Киев, покинутый митрополитом Максимом в 1299 г. в пользу белокаменного города на Залесье.

А следом уже Москва, поднявшая свою голову с вокняжением Калитичей, прямых потомков Юрия Долгорукого и Всеволода Великого, заберет первенство у Владимира, причем, став не оригинальным в культурно-политическом отношении явлением, а как бы последним, но «переехавшим на 200 км западнее» с иконой, белокаменной архитектурой и местной монархической идеей, сложившейся в XII–XIII вв. в пределах Нового, Печерного и «Ветшаного» городов на крутых холмах, осеняющих реку Клязьму.

Список литературы

1. Архив ИА РАН (Архив Института археологии Российской академии наук). Ф-1. Р-1. № 53826-53 828. Д. А. Кабаев Отчет об археологических раскопках на территории комплекса «Патриаршие сады» по ул. Козлов Вал в городе Владимире (раскоп 1 и раскоп 2). 2016 г.
2. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 60332-60336. С. В. Очеретина Отчет об археологических раскопках в зоне реконструкции комплекса «Патриаршие сады» по ул. Козлов Вал в городе Владимире в 2017 г.
3. Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 4. СПб. : Наука, 1997.
4. Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 1988.
5. Бунин А. И. К исторической топографии города Владимира на Клязьме // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. II. Владимир, 1900.
6. Бунин А. И. О времени основания города Владимира на Клязьме // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. М., 1898. № 5-6.
7. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV в. : в 2 т. Т. 1: XII столетие. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961.
8. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. : в 2 т. Т. 2: XIII-XV столетия. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962.
9. Гладкая М. С. Каталог белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: барабан, резьба четверика (регистр прясел над аркатурой). Владимир : Владимирская областная научная библиотека, 2019.
10. Глазов В. П. В лето 6616-е (к топографии Владимира) // О крае родном. Люди, история, жизнь, природа земли Владимирской. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1978.
11. Глазов В. П. Микротопография Владимира на Клязьме XII-XIII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов научно-практической конференции. Вып. 2. Псков, 1988.
12. Гончарова Н. Н., Кабаев Д. А. Анализ антропологического материала из санитарного захоронения города Владимира XIII века // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 2. 2022.
13. Григорьев Д. Н. Раскоп 2007 г. на Нижегородской ул. г. Владимира // Археология Владимирско-Суздальской земли : мат-лы научного семинара. Вып. 2. М. : ИА РАН, 2007.
14. Дмитриевский И. Ф. О начале Владимира, что над Клязьмой. СПб. : Изд-во Императорской Академии Наук, 1802.
15. Заграевский С. В. Историческая топография домонгольского Владимира. М. : Руспринт, 2016.
16. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. Т. 2: Примечания. Изд. 2-е, испр. СПб. : Тип. Н. Греча, 1818.
17. Косаткин В. В. Очерк истории города Владимира на Клязьме. Владимир, 1881.
18. Косаткин В. В. Дмитриевский собор в губ. гор. Владимире. Владимир : Издание Владимирской Ученой Архивной Комиссии: Типография губернского правления, 1914.
19. Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь : очерки социально-политической истории. Л. : Наука, 1987.
20. Маслов В. М. Археологическое изучение Владимира и Боголюбова с 30-х гг. XIX века до настоящего времени // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983.
21. Маслов В. М. Владимир-Залесский в XII в. // Вопросы социально-экономической истории Владимирского края периода феодализма. Владимир, 1979.
22. Милованов С. И. Исследования Ивановского вала Печерного города Владимира на Клязьме: стратиграфия и хронология // Новые материалы и методы археологического исследования : мат-лы II Международной конференции молодых ученых. М. : ИА РАН, 2013.
23. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М. : Наука, 1983.
24. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л. : Изд-во АН СССР, 1926.
25. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись. Изд. 2-е. Л. : Изд-во АН СССР, 1927.
26. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908.
27. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
28. ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
29. ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М. : Языки русской культуры, 2000.
30. ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
31. ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.
32. ПСРЛ. Т. 20: Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910.
33. ПСРЛ. Т. 21: Степенная книга царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.
34. ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Петроград, 1921.
35. ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л. : Наука, 1989.
36. Рагимханов А. В. Иеротопия и топонимия домонгольского Владимира и его округа как отражение ранней русской истории // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование : мат-лы междунар. конф. 11-12 мая 2022 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. С. 255-261.

37. Рагимханов А. В. Дмитриевский собор как каменная икона Небесного Иерусалима // Развитие региональной художественной культуры: традиции, опыт, инновации : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Владимир, 31 мая 2023 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; Пед. ин-т, Каф. дизайна, изобр. искусства и реставрации. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023.

38. Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М. : Высшая школа, 1988.

39. Седов В. В. Из полевых исследований 1961 г. К изучению оборонительных сооружений Владимира // Краткие сообщения Института Археологии АН СССР. Вып. № 96. Исследования памятников средневековья. М., 1963.

40. Седов В. В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Индрик, 2009.

41. Селезнёв Ф. А. О городах, построенных Юрием Долгоруким: новые методы и подходы // Проблемы исторического регионоведения : сб. научных статей. Вып. 4 / отв. ред. И. В. Меркулов, А. А. Мещенина. СПб., 2017.

42. Сиренов А. В. О времени основания города Владимира на Клязьме // Комплексный подход в изучении Древней Руси : мат-лы X Международной научной конференции 9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия. М., 2019.

43. Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. Т. IV: История Российская. Ч. 2. Репринт с изд. 1964 г. М. : Ладомир, 1995.

44. Тимофеева Т. П. Золотые ворота во Владимире. М., 2002.

45. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Государственное издательство политической литературы, 1956.

46. Федченко О. Д. Балтская гидронимия центральной России // Теоретическая и прикладная лингвистика: научный журнал. 2020. № 4 (6).

47. Шаров-Делоне С. А. Люди и камни Северо-восточной Руси. XII век. Изд. 2-е, испр и доп. М. : Добросвет : МЦНМО, 2017.

The city of Vladimir as the center of the origin of Russian monarchism (from Monomakh to the Batu invasion – 1158–1238)

Lyapanov Artem Vladimirovich¹, Ragimkhanov Alexey Valentinovich²

¹PhD in Historical Sciences, Head of the Department of Private Law Disciplines,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; associate professor
of the Department of Russian History, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletovs.
Russia, Vladimir. E-mail: Lyapanov@mail.ru

²student, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletovs. Russia, Vladimir. E-mail: welci@mail.ru

Abstract. The purpose of the work is to prove that the ancient city of Vladimir is the birthplace of the idea of Russian monarchism, associated with reliance on the Orthodox Church and historical parallels of autocracy, the place of formation of the Russian late medieval politics. The idea of earthly monarchy, directly derived from the biblical text, was the highest aspiration of the Suzdal princes of the second half of the XII century, an era associated with Crusades and "dangerous" dates of church Tradition. The images of King David and the "Christianized" Alexander the Great, placed on the walls of cathedrals built in those years, justified the imperious claims of local rulers in the best possible way. Giving Vladimir the features of Jerusalem, the center of the Earth in Christian medieval topography, further enhanced the importance of the personages of the Suzdal princes in the eyes of their subjects. The biblical view of sole power seemed to settle on the banks of the Klyazma River, leaving a century and a half later into the state perspective of Moscow, where, through the labors of the sovereign descendants of Vsevolod, the Big Nest acquired its final forms: the Russian kingdom and the Russian Empire that followed it. Historically, the city of Vladimir played the main role in the national history in the initial period of its existence, especially in the period between 1158–1238, which is why it makes sense to pay special attention to this period of time, to give additional overview and interdisciplinary understanding.

From the point of view of the research methodology, attracting exclusively chronicle information of that era is not enough, and sometimes impossible due to the lack of sources, to form a holistic picture of the life of a pre-Mongolian city. Modern archaeological data, linguistic and anthropological developments come to the researcher's aid. All this allows us to see the life of medieval Vladimir more accurately, to get away from some of the stagnant conclusions of the past, and therefore, to learn more about the process of the origin and origin of Russian statehood.

Keywords: medieval Vladimir, Andrei Bogolyubsky, Golden Gate, Assumption Cathedral, Dmitrievsky Cathedral.

References

1. Archive of IA RAS (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). F-1. P-1. No. 53826-53828. D. A. Kabaev *Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh na territorii kompleksa "Patriarskie sady" po ul. Kozlov Val v gorode Vladimire (raskop 1 i raskop 2)* [Report on archaeological excavations on the territory of the Patriarchal Gardens complex on Kozlov Val Street in Vladimir (excavation 1 and excavation 2)]. 2016.
2. Archive of IA RAS. F-1. P-1. No. 60332-60336. S. V. Ocheretina *Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v zone rekonstrukcii kompleksa "Patriarskie sady" po ul. Kozlov Val v gorode Vladimire v 2017 g.* [Report on archaeological excavations in the reconstruction area of the Patriarchal Gardens complex on Kozlov Val Street in Vladimir in 2017].
3. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi : v 20 t. T. 4* – Library of literature of Ancient Russia : in 20 vols. Vol. 4. SPb. Nauka (Science), 1997.
4. *Bibliya: knigi svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta* – The Bible: books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. M. 1988.
5. Bunin A. I. *K istoricheskoy topografii goroda Vladimira na Klyaz'me* [To the historical topography of the city of Vladimir on Klyazma] // *Trudy Vladimirskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Proceedings of the Vladimir Scientific Archival Commission. Book II. Vladimir. 1900.
6. Bunin A. I. *O vremeni osnovaniya goroda Vladimira na Klyaz'me* [On the time of the foundation of the city of Vladimir on the Klyazma] // *Arheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye Moskovskim arheologicheskim obshchestvom* – Archaeological news and notes published by the Moscow Archaeological Society. M. 1898. No. 5–6.
7. Voronin N. N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi XII–XV v. : v 2 t. T. 1: XII stoletie* [Architecture of North-eastern Russia XII–XV century : in 2 vols. Vol. 1: XII century]. M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.
8. Voronin N. N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi XII–XV vv. : v 2 t. T. 2: XIII–XV stoletiya* [Architecture of Northeastern Russia of the XII–XV centuries : in 2 vols. Vol. 2: XIII–XV centuries]. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962.
9. Gladkaya M. S. *Katalog belokamennoj rez'by Dmitrievskogo sobora vo Vladimire: baraban, rez'ba chetverika (registr pryasel nad arkaturaj)* [Catalog of white stone carvings of the Dmitrievsky Cathedral in Vladimir: drum, carving of the four (register of spinning wheels above an arcature)]. Vladimir. Vladimir Regional Scientific Library, 2019.
10. Glazov V. P. *V leto 6616-e (k topografii Vladimira)* [In the summer of the 6616th (to the topography of Vladimir)] // *O krae rodnom. Lyudi, istoriya, zhizn', priroda zemli Vladimirskoj* – About the native land. People, history, life, nature of the Vladimir land. Yaroslavl. Verh.Volzhsy Publishing House, 1978.
11. Glazov V. P. *Mikrotopografiya Vladimira na Klyaz'me XII–XIII vv.* [Microtopography of Vladimir on the Klyazma of the XII–XIII centuries] // *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Kratkie tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferencii* – Archeology and history of Pskov and Pskov land. Brief abstracts of scientific and practical conference reports. Is. 2. Pskov. 1988.
12. Goncharova N. N., Kabaev D. A. *Analiz antropologicheskogo materiala iz sanitarnogo zahoroneniya goroda Vladimira XIII veka* [Analysis of anthropological material from the sanitary burial of the city of Vladimir of the XIII century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* – Herald of Moscow University. Series XXIII. Anthropology. No. 2. 2022.
13. Grigor'ev D. N. *Raskop 2007 g. na Nizhegorodskoj ul. g. Vladimira* [Excavation 2007 on Nizhny Novgorod St. of the city of Vladimir] // *Arheologiya Vladimiro-Suzdal'skoj zemli : mat-ly nauchnogo seminar* – Archeology of the Vladimir-Suzdal land : materials of the scientific seminar. Is. 2. M. IA RAS, 2007.
14. Dmitrievskij I. F. *O nachale Vladimira, chto nad Klyaz'moj* [About the beginning of Vladimir, what is above the Klyazma]. SPb. Publishing House of the Imperial Academy of Sciences, 1802.
15. Zagraevskij S. V. *Istoricheskaya topografiya domongol'skogo Vladimira* [Historical topography of pre-Mongol Vladimir]. M. Rusprint, 2016.
16. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo : v 12 t. T. 2: Primechaniya. Izd. 2-e, ispr.* [History of the Russian state : in 12 vols. 2: Notes. Ed. 2nd, corr.] SPb. Typ. of N. Grech, 1818.
17. Kosatkin V. V. *Ocherk istorii goroda Vladimira na Klyaz'me* [An essay on the history of the city of Vladimir on the Klyazma]. Vladimir. 1881.
18. Kosatkin V. V. *Dmitrievskij sobor v gub. gor. Vladimire* [Dmitrievsky Cathedral in the province of mountains. Vladimir]. Vladimir. Publication of the Vladimir Scientific Archival Commission: Printing house of the provincial government, 1914.
19. Limonov Yu. A. *Vladimiro-Suzdal'skaya Rus' : ocherki social'no-politicheskoy istorii* [Vladimir-Suzdal Rus : essays on socio-political history]. L. Nauka (Science), 1987.
20. Maslov V. M. *Arheologicheskoe izuchenie Vladimira i Bogolyubova s 30-h gg. XIX veka do nastoyashchego vremeni* [Archaeological study of Vladimir and Bogolyubov from the 30s of the XIX century to the present] // *Pamyatniki istorii i kul'tury* – Monuments of History and culture. Is. 2. Yaroslavl. 1983.
21. Maslov V. M. *Vladimir-Zalesskij v XII v.* [Vladimir-Zalessky in the XII century] // *Voprosy social'no-ekonomicheskoy istorii Vladimirskogo kraja perioda feodalizma* – Questions of the socio-economic history of the Vladimir region of the period of feudalism. Vladimir. 1979.

22. Milovanov S. I. *Issledovaniya Ivanovskogo vala Pechernego goroda Vladimira na Klyaz'me: stratigrafiya i hronologiya* [Studies of the Ivanovo shaft of the Pecherny city of Vladimir on the Klyazma: stratigraphy and chronology] // *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya : mat-ly II Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh* – New materials and methods of archaeological research : materials of the II International Conference of Young Scientists. M. IA RAS, 2013.
23. *Neroznak V. P. Nazvaniya drevnerusskikh gorodov* [Names of ancient Russian cities]. M. Nauka (Science), 1983.
24. CCRC (The Complete Collection of Russian Chronicles). *T. 1: Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennykh let* – Vol. 1: The Laurentian Chronicle. Is. 1: The Tale of Bygone Years. Ed. 2nd. L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1926.
25. CCRC. *T. 1: Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. 2: Suzdal'skaya letopis'* – Vol. 1: The Laurentian Chronicle. Is. 2: Suzdal Chronicle. Ed. 2nd. L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1927.
26. CCRC. *T. 2: Ipat'evskaya letopis'* – Vol. 2: Ipatiev Chronicle. Ed. 2nd SPb. 1908.
27. CCRC. *T. 3: Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov* – Vol. 3: Novgorod first Chronicle of the elder and younger izvodov. L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950.
28. CCRC. *T. 7: Letopis' po Voskresenskomu spisku* – Vol. 7: Chronicle of the Resurrection list. St. Petersburg, 1856.
29. CCRC. *T. 9: Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu* – Vol. 9: Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle. M. Languages of Russian culture, 2000.
30. CCRC. *T. 15: Letopisnyj sbornik, imenuemyj Tverskoj letopis'yu* – Vol. 15: Chronicle collection, called the Tver Chronicle. SPb. 1863.
31. CCRC. *T. 16: Letopisnyj sbornik, imenuemyj letopis'yu Avraamki* – Vol. 16: Chronicle collection, called the chronicle The Abrahams. SPb. 1889.
32. CCRC. *T. 20: Pervaya polovina. L'vovskaya letopis'* – Vol. 20: The first half. Lviv Chronicle. Part 1. SPb. 1910.
33. CCRC. *T. 21: Stepennaya kniga carskogo rodosloviya* – Vol. 21: The Power book of the royal genealogy. Part 1. SPb. 1908.
34. CCRC. *T. 24: Tipografskaya letopis'* – Vol. 24: Typographic chronicle. Petrograd. 1921.
35. CCRC. *T. 38: Radzivillovskaya letopis'* – Vol. 38: Radziwill Chronicle. L. Nauka (Science), 1989.
36. Ragimhanov A. V. *Ierotopiya i toponimiya domongol'skogo Vladimira i ego okruzi kak otrazhenie rannej russkoj istorii* [Hierotopia and toponymy of pre-Mongolian Vladimir and his districts as a reflection of early Russian history] // *Cerkov', gosudarstvo i obshchestvo v istorii Rossii i pravoslavnykh stran: religiya, nauka i obrazovanie : mat-ly mezhdunar. konf. 11–12 maya 2022 g.* – Church, state and society in the history of Russia and Orthodox countries: religion, science and education: mat-International Conference on May 11–12, 2022 / Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov. Vladimir. VISU Publishing House, 2022. Pp. 255–261.
37. Ragimhanov A. V. *Dmitrievskij sobor kak kamennaya ikona Nebesnogo Ierusalima* [Dmitrievsky Cathedral as a stone icon of Heavenly Jerusalem] // *Razvitie regional'noj hudozhestvennoj kul'tury: tradicii, opyt, innovacii : mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. Vladimir, 31 maya 2023 g.* – Development of regional artistic culture: traditions, experience, innovations : materials of the All-Russian scientific and practical conference. Vladimir, May 31, 2023 / Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov; Pedagogical Institute, Department of Design, invention. art and restoration. Vladimir. Publishing House of the All-Russian State University, 2023.
38. *Rapov O. M. Russkaya cerkov' v IX – pervoj treti XII vv. Prinyatie hristianstva* [The Russian Church in the IX – first third of the XII centuries. The adoption of Christianity]. M. Vysshaya Shkola (Higher School). 1988.
39. *Sedov V. V. Iz polevyh issledovanij 1961 g. K izucheniyu oboronitel'nyh sooruzhenij Vladimira* [From field research in 1961. To study the defensive structures of Vladimir] // *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii AN SSSR. Vyp. No. 96. Issledovaniya pamyatnikov srednevekov'ya* – Brief reports of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences. Is. 96. Studies of medieval monuments. M. 1963.
40. *Sedov V. V. Novyj Ierusalim v nadvratnyh hramah Vizantii i Drevnej Rusi* [New Jerusalem in the gate temples of Byzantium and Ancient Russia] // *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* – New Jerusalem. Hierotopia and iconography of sacred spaces / ed.-comp. A. M. Lidov. M. Indrik, 2009.
41. *Seleznyov F. A. O gorodah, postroennykh Yuriem Dolgorukim: novye metody i podhody* [About the cities built by Yuri Dolgoruky: new methods and approaches] // *Problemy istoricheskogo regionovedeniya : sb. nauchnykh statej. Vyp. 4* – Problems of historical regional studies: collection of scientific articles. Is. 4 / ed. I. V. Merkulov, A. A. Meshchenina. SPb. 2017.
42. *Sirenov A. V. O vremeni osnovaniya goroda Vladimira na Klyaz'me* [On the time of the founding of the city of Vladimir on the Klyazma] // *Kompleksnyj podhod v izuchenii Drevnej Rusi : mat-ly X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 9–13 sentyabrya 2019 goda, Moskva, Rossiya* – An integrated approach to the study of Ancient Russia : materials of the X International Scientific Conference on September 9–13, 2019, Moscow, Russia. M. 2019
43. *Tatishchev V. N. Sobranie sochinenij : v 8 t. T. IV: Istoriya Rossijskaya. Ch. 2. Reprint s izd. 1964 g.* [Collected works : in 8 vols. Vol. IV: Russian History. Part 2. Reprint from the 1964 edition]. M. Ladomir, 1995.
44. *Timofeeva T. P. Zolotyje vorota vo Vladimire* [Golden Gate in Vladimir]. M. 2002.

45. Tihomirov M. N. *Drevnerusskie goroda. Izd. 2-e, pererab. i dop.* [Ancient Russian cities. 2nd ed., reprinted and add.] M. State Publishing House of Political Literature, 1956.

46. Fedchenko O. D. *Bal'tskaya gidronimiya central'noj Rossii* [Baltic hydronymy of Central Russia] // *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika: nauchnyj zhurnal* – Theoretical and Applied Linguistics: a scientific journal. 2020. No. 4 (6).

47. Sharov-Delauney S. A. *Lyudi i kamni Severo-vostochnoj Rusi. XII vek. Izd. 2-e, ispr i dop.* [People and stones of Northeastern Russia. XII century. 2nd ed., corr. and add.] M. Dobrosvet : ICNMO, 2017.

Вятское губернское земство на страницах журнала «Пчеловодная жизнь»

Субботина Анна Михайловна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исторических исследований,
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук. Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0002-3152-5884. E-mail: annnamisu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются публикации журнала «Пчеловодная жизнь» 1907–1911 гг. о деятельности Вятского губернского земства и губернского земского пчеловода С. К. Красноперова в контексте формирования определенного общественного мнения. Особое внимание уделяется развернувшейся на страницах «Пчеловодной жизни» и других журналов полемики между редактором М. А. Дерновым и С. К. Красноперовым. Резкая критика деятельности вятского губернского земского пчеловода не соответствовала положительной оценке современниками достижений земств Вятской губернии в области пчеловодства. Редактор «Пчеловодной жизни» М. А. Дернов был хорошо знаком с состоянием дел, поскольку состоял на службе Вятского губернского земства и был председателем Вятского общества пчеловодов. Автор делает вывод о том, что М. А. Дернов с помощью критических материалов стремился стимулировать обсуждение проблем вятского пчеловодства и сделать журнал более популярным среди заинтересованной аудитории. Критика деятельности С. К. Красноперова совпала с периодом спада активности Вятского губернского земства в сфере пчеловодства в условиях ограничения роста земских бюджетов. Журнал «Пчеловодная жизнь» участвовал в формировании мнения общественности о потребностях развития пчеловодства в крае и по-своему способствовал оживлению деятельности земства в 1910-е гг. Принятые во внимание земством решения Первого съезда пчеловодов Вятской губернии 1911 г. во многом совпадали с мнением М. А. Дернова о том, какие изменения были необходимы.

Ключевые слова: пчеловодство, Вятская губерния, вятский губернский пчеловод, М. А. Дернов, С. К. Красноперов.

В условиях сложных политических и социально-экономических процессов начала XX в. отечественная журналистика стремилась активно воздействовать на общественное мнение в разных областях жизни. Журнал «Пчеловодная жизнь» представляет собой яркий пример такого стремления. Его редактор М. А. Дернов, связанный с городом Вяткой по роду своей профессиональной деятельности, публиковал материалы о местном земстве и губернском земском пчеловоде, высказывая собственную точку зрения на развитие пчеловодства в крае. Изучение этих публикаций позволяет лучше понять, как общественность и отдельные ее представители могли влиять на работу земства.

Периодическим изданиям пчеловодческой тематики второй половины XIX – начала XX в. пока не уделялось серьезного внимания со стороны ученых как в масштабах России, так и на уровне Вятской губернии. Отдельные аспекты затрагиваются в работах, посвященных развитию пчеловодства этого периода и сельскохозяйственным печатным изданиям. В общероссийских исследованиях представлены некоторые статистические данные [2], а также моменты истории журналов, связанных с такими известными подвижниками пчеловодного дела в стране, как А. М. Бутлеров («Русский пчеловодный листок»), Г. П. Кондратьев («Вестник иностранной литературы пчеловодства»), А. Е. Титов («Пчеловодный мир») и др. [20]. Большинство работ по истории пчеловодства на территории Вятской губернии [3; 13] обращаются к профильным периодическим изданиям («Пчеловодство», «Вятское пчеловодство» и др.) только как к источнику получения сведений об изучаемом периоде. Можно выделить статью С. Д. Смирновой [18], в которой рассматриваются примеры публикаций в газете «Вятские губернские ведомости» о развитии пчеловодства в крае в 1889–1903 гг. В исследованиях, посвященных региональной печати [1; 15], из изданий сельскохозяйственной тематики упоминается только «Вятская газета», но ничего не пишется о специальном пчеловодческом разделе в ней. Между тем в начале XX в. в Вятской губернии издавалось сразу несколько профильных журналов: «Пчеловодство» (издатель и редактор С. К. Красноперов), «Пчеловодная жизнь» (редактор-издатель М. А. Дернов), «Яранское пчеловодство» (издание Яранского пчеловодного общества), «Известия Вятского общества пчеловодства» (с 1912 г. «Вятское пчеловодство»).

Источниковую базу исследования составляют номера журнала «Пчеловодная жизнь» за 1907–1911 гг. [4; 6; 7; 8; 9; 12; 16; 17; 19], а также журналы земских собраний с докладами управ [10; 11]. Обращение к ним позволяет сопоставить работу земств Вятской губернии с ее отражением на страницах журнала «Пчеловодная жизнь».

Деятельность Вятского губернского земства в области пчеловодства получила высокую оценку современников. В Вятке уже в 1893 г. впервые в стране была введена должность губернского земского пчеловода (заведующего пчеловодной частью), на которую был назначен известный в пчеловодческих кругах того времени И. Е. Шавров. Именно он заложил основные направления земских усилий в области развития рационального пчеловодства в крае. Наибольшее внимание земства привлекали изготовление и распространение пчеловодческого инвентаря, демонстрация современных методов ухода за пчелами на земских пасеках и выставках, обучение пчеловодству на курсах, статистическое обследование отрасли и наблюдение за текущим состоянием, профилактика и лечение заболеваний пчел, консультативная помощь пчеловодам и др. Продаваемые через склады Вятского губернского и уездных земств ульи и другие предметы получили широкое распространение далеко за пределами губернии и способствовали снижению цен. Низкие цены, в свою очередь, обеспечивали популярность продаваемых товаров у пчеловодов. Улей, сделанный вятскими кустарями, в 1893 г. стоил 3,5 руб., что было более чем в два раза дешевле импортных аналогов [10, с. 22]. На курсы при Вятской, Юськинской и Епифаньевской земских пасеках приезжали учиться не только жители края, но и соседних регионов. Благодаря им Вятское губернное и уездные земства обеспечили себя специалистами в области пчеловодства. По данным 1898 г., в губернии, помимо заведующего пчеловодной частью Вятского губернского земства, на службе состояли десять разъездных пчеловодов, два заведующих земскими пасеками, один инструктор, получавший жалованье от правительства [11, с. 15]. Все, за исключением двух, получили свою должность благодаря пройденному на курсах при земских пасеках обучению.

Несмотря на достигнутые успехи в области развития рационального пчеловодства, Вятское губернное земство не избежало критики современников. Достаточно резкие материалы публиковал в своем журнале «Пчеловодная жизнь» известный пчеловод, издатель, заведующий Вятской земской сельскохозяйственной опытной станцией в 1907–1912 гг., активный член и председатель Вятского общества пчеловодства М. А. Дернов. Пчеловодством он заинтересовался благодаря своей будущей жене А. В. Княгиной, с которой познакомился во время военной службы в Вятке. Она окончила Бурашевскую школу пчеловодства Императорского вольного экономического общества и в 1889 г. основала пасеку недалеко от Вятки. Позже М. А. Дернов совместно с женой открыл пасеку вблизи г. Мамадыша Казанской губернии. Его знания и практические навыки нашли продолжение в публикации пособий для пчеловодов. Одна из самых популярных его книг называлась «Главные пасечные работы». В 1906 г. М. А. Дернов начал издавать журнал «Пчеловодная жизнь», в 1910 – «Пчеловод».

Журнал «Пчеловодная жизнь» ориентировался на общероссийскую аудиторию, выходил два раза в месяц. Первоначально местом издания была Москва. В 1907 г. после поступления своего редактора М. А. Дернова на службу в Вятское губернное земство «Пчеловодная жизнь» переехала в Вятку. Позже в связи с переездом М. А. Дернова издание было перенесено в Санкт-Петербург. В подзаголовке журнала было указано «Иллюстрированный журнал прогрессивного пчеловодства». С журналом сотрудничали известные в пчеловодческих кругах ученые и практики: заведующий первой в стране Тульской пчеловодческой опытной станции А. С. Буткевич, исследователь болезней пчел К. А. Горбачев, химик и председатель отделения пчеловодства Императорского русского общества акклиматизации животных и растений И. А. Каблуков, исследователь биологии пчел Г. А. Кожевников, пропагандист промышленного пчеловодства в России А. Е. Титов и др. Стремясь, чтобы отечественные пчеловоды рассматривали издание «как свой собственный орган» и «ему доверяли все, что может быть полезно для родного пчеловодства» [6, с. 3], журнал регулярно публиковал письма и сообщения с мест. Программа журнала была достаточно обширной. В нем публиковались хроника основных событий в стране и за рубежом, статьи научного и прикладного характера, советы и ответы на вопросы пчеловодов, обзоры отечественных и зарубежных тематических изданий, сообщения о деятельности пасек, пчеловодческих обществ, земских учреждений и др.

Девизом журнала были «благо и польза родного пчеловодства» [6, с. 2]. Следуя ему, М. А. Дернов публиковал материалы как о «светлых явлениях», так и о проблемах отрасли. Увлечение критическими и даже скандальными статьями среди некоторых читателей и авто-

ров вызывало неодобрение. А. А. Рихтер в статье «Привет», написанной к пятилетнему юбилею журнала, в качестве пожелания писал: «Но пусть далеки будут от нас взаимные перекоры; поверьте, только тяжелое впечатление оставляет номер журнала, в котором из 6 статей – 3 (половина) посвящена полемике, с обвинениями противника в фальсификации и прочих соответствующих достоинствах...» [17, с. 11]. Г. А. Кожевников указывал, что редактор использовал фактические материалы опубликованной в журнале его статьи для «энергичного порицания» отделения пчеловодства Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, с чем сам автор был не согласен [12, с. 511–515]. М. А. Дернов отвечал, что «все это далеко от «упреков» или «порицаний», и «каждый из нас должен по мере сил своих и способностей участвовать в общей работе» [7, с. 505].

Материалы журнала о деятельности в области пчеловодства земств Вятской губернии носили разный характер. Это были информационные сообщения, часто перепечатаваемые из других изданий, о состоянии пасек, работе пчеловодного склада, губернского пчеловода, решениях земских собраний, статистических обследованиях и др. Во втором номере «Пчеловодной жизни» за 1907 г. была опубликована заметка о Вятской земской губернской пасеке. В нем критике подверглась работа пасеки и ее заведующего – губернского земского пчеловода С. К. Красноперова. По мнению анонимного автора, подписавшегося как «бывший практикант», несмотря на существенные расходы в 100–150 руб. на каждого обучающегося на курсах при пасеке, знакомят их «с очень немногим». В числе замечаний указывались следующие: отсутствие экспериментальной работы, недостаточное количество бесед с практикантами (40–50 на протяжении 6 месяцев), неаккуратное посещение губернским пчеловодом пасеки, плохое состояние инструментов в столярной мастерской, недостаточный уровень столярного мастерства у заведующего пасекой как обучавшегося ему здесь же, отказ в выдаче практикантам книги М. А. Дернова «Главные пасечные работы» на основании того, что «она никуда не годится». В качестве своего комментария к этой заметке редактор журнала также подтвердил плохое состояние Вятской пасеки и существенное сокращение деятельности губернского пчеловода по сравнению с занимавшим эту должность в 1893–1896 гг. И. Е. Шавровым. Он отметил, что в губернии не ведутся ни выставки, ни передвижные курсы, ни статистические обследования [4, с. 43–44].

Нужно отметить, что деятельность Вятского земства в области пчеловодства в начале XX в. переживала некоторый спад по сравнению с 1890-ми гг. Губернское земство перестало выделять на постоянной основе средства на земских пчеловодов в уездах, передав эти расходы уездным земствам. Для некоторых уездов это имело негативные последствия. Глазовское и Елабужское земства отказались от своих пчеловодов, а ходатайства перед губернским земством о финансировании хотя бы на летние месяцы далеко не всегда удовлетворялись. В этот период не проводились выставки и беседы по пчеловодству. Статистические обследования отрасли имели место только в первые годы обращения Вятского земства к развитию пчеловодства и касались изучения распространения в губернии заболеваний пчел, в частности, гнильца. В 1900-е гг. губернское земство сосредоточилось на содержании Вятской земской пасеки и практикантов на курсах при ней по одному от каждого из 11 уездов, выплате жалования губернскому пчеловоду и заведующему Юськинской пасекой в Сарапульском уезде, пособий пчеловодческим обществам. Отдельной статьей шли операции по распространению пчеловодных принадлежностей через земские склады.

Как ответ на критическую заметку в журнале «Пчеловодная жизнь» можно рассмотреть публикацию в тринадцатом номере за 1907 г. постановлений Вятского губернского земского собрания чрезвычайной сессии от 4 мая, перепечатанных из журнала «Пчеловодство», редактором которого был С. К. Красноперов. Одно из постановлений непосредственно касалось губернского пчеловода С. К. Красноперова, много лет проработавшего на земской службе и заявившего о желании оставить должность и переехать в южные уезды губернии. Вятское губернское земское собрание постановило выдать ему вознаграждение в размере 100 руб. и ходатайствовать «перед правительством о предоставлении ему почетной награды» [16, с. 392–393]. С. К. Красноперов внес существенный вклад популяризации рационального пчеловодства в крае. Он увлекся разведением пчел еще в годы работы школьным учителем. В 1896 г. был принят на должность вятского губернского земского пчеловода. Выпустил несколько работ по пчеловодству [14], за что получил различные награды.

Публикация критических материалов в адрес самого С. К. Красноперова и деятельности Вятского земства продолжилась и после поступления М. А. Дернова на должность заведующе-

го Вятской земской сельскохозяйственной опытной станцией в 1907 г. С. К. Красноперов ответил резкой статьей в своем журнале «Пчеловодство». Развернувшаяся на страницах журналов полемика между двумя уважаемыми в крае и стране деятелями с взаимными обвинениями привела к судебному разбирательству после обращения М. А. Дернова. Вятский окружной суд в октябре 1908 г. признал факт клеветы со стороны С. К. Красноперова и приговорил его к «аресту на две недели при тюрьме» [19, с. 680]. Впоследствии С. К. Красноперов работал сотрудником по пчеловодству Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия, занимался организацией лекций и других мероприятий в Вятской губернии. На выражение сочувствия С. К. Красноперову и обвинения в некорректности поведения по отношению к нему и предложенной им кандидатуре нового губернского земского пчеловода со стороны коллег, в частности, редактора журнала «Пчела» М. К. Новосельского, М. А. Дернов весьма эмоционально ответил в первом номере «Пчеловодной жизни» за 1909 г.: «А мы думаем, что когда вопрос идет о судьбе пчеловодства целого края, то если и было бы «неудобно», то думать именно о чьей-либо карьере...» [9, с. 9]. Критический тон публикаций в адрес С. К. Красноперова и Вятского губернского земства журнал сохранил и в дальнейшем. Номер 19–20 за 1911 г. был посвящен Первому съезду пчеловодов Вятской губернии, состоявшемуся 28 августа – 1 сентября по инициативе местного земства. В обращении редактора к читателям М. А. Дернов, сам активно участвовавший в работе съезда, отметил, что «за срок почти 20-тилетнего существования пчеловодной помощи местному населению, это первый съезд пчеловодов, что служит хорошей характеристикой деятельности лиц, или вернее – лица, которому были доверены судьбы вятского пчеловодства», и пожелал Вятскому губернскому земству отнестись к решениям съезда «с должным вниманием» [8, с. 675]. Это пожелание было реализовано. После съезда деятельность земств губернии в сфере пчеловодства пережила новый подъем. Это проявилось в интересе к статистическим исследованиям, увеличении количества специалистов, мероприятиях по обучению и просвещению пчеловодов и др.

Критическая направленность материалов «Пчеловодной жизни» о работе Вятского губернского земства в целом отражала публикационную политику журнала. Таким способом редактор М. А. Дернов стремился привлечь внимание общественности как к проблемам в пчеловодстве края, так и к самому изданию. Журнал существовал на средства от подписки среди читателей и должен был поддерживать их интерес. Острая полемика вызывала волну публикаций в самой «Пчеловодной жизни» и в других изданиях. Несмотря на справедливость некоторых высказанных в журнале замечаний в адрес деятельности вятского губернского земского пчеловода в начале XX в., ответственность лежала не столько на нем, сколько на земстве. В условиях ограничения со стороны правительства роста земских бюджетов Вятское губернское земство стремилось экономить и сокращало расходы по некоторым направлениям деятельности. Новый всплеск активности в сфере развития в крае пчеловодства в 1910-е гг. стал реакцией на общественную инициативу, что показал Первый съезд пчеловодов Вятской губернии. Журнал «Пчеловодная жизнь» и его редактор М. А. Дернов продемонстрировали умение формировать определенное мнение в среде заинтересованной аудитории.

Список литературы

1. Вахрушев А. А. «Вятская газета» – первая российская крестьянская газета (системная характеристика) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 119–123.
2. Волгирева Г. П. Общероссийская сельскохозяйственная печать и «Пермский вестник землеустройства» // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 2 (14). С. 74–81.
3. Волкова Л. А. О становлении рационального пчеловодства на севере Удмуртии // Пчела и мед в народной культуре. Ижевск : УдмФИЦ УрО РАН, 2023. С. 97–116.
4. Вятская «учебная» земская пасека // Пчеловодная жизнь. 1907. № 2. С. 43–44.
5. Дернов М. А. Главные пасечные работы. Изд. 3-е. СПб. : А. Ф. Девриен, 1912. X, 257 с.
6. Дернов М. А. К читателям // Пчеловодная жизнь. 1907. № 1. С. 1–3.
7. Дернов М. А. К читателям // Пчеловодная жизнь. 1911. № 15. С. 505–506.
8. Дернов М. А. К читателям // Пчеловодная жизнь. 1911. № 19–20. С. 675–678.
9. Дернов М. А. По личному делу // Пчеловодная жизнь. 1909. № 1. С. 6–11.
10. Доклад Вятской губернской земской управы в Вятское губернское земское собрание мартовской экстренной сессии 1893 года о развитии пчеловодства в губернии // Журналы Вятского губернского земского собрания чрезвычайной (мартовской) сессии (3–7 марта 1893 года) с приложениями. Вятка : Тип. Маишеева, бывшая Куклина и Красовского, 1893. С. 19–24.

11. Доклад о мероприятиях по пчеловодству в Вятской губернии (№ 91) // Журналы Вятского губернского земского собрания XXXI-й очередной сессии и приложения к ним (заседаний с 3 по 22 декабря 1898 г.). Вятка : тип. и хромолит. Маишеева, бывшая Куклина и Красовского, 1899. Прил. 72. С. 12–18.
12. Кожевников Г. Департамент земледелия и русское пчеловодство // Пчеловодная жизнь. 1911. № 15. С. 511–515.
13. Колбина Л. М. Вятский губернский пчеловод // Пчеловодство. 2024. № 2. С. 60–61.
14. Красноперов С. К. Про пчел, их жилища и уход за ними по правилам пчеловодной науки. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1898. 89, II с.
15. Наумов М. В. История издательского дела на Вятке в XIX – начале XX вв. // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 439.
16. Постановления Вятского губернского земского собрания от 4 мая // Пчеловодная жизнь. 1907. № 13. С. 392–393.
17. Рихтер А. Привет // Пчеловодная жизнь. 1911. № 1. С. 9–12.
18. Смирнова С. Д. «Пчеловодное дело». По страницам «Вятских губернских ведомостей» (1889–1903) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 103-5. С. 166–171. DOI: 10.18411/trnio-11-2023-301.
19. Хроника // Пчеловодная жизнь. 1908. № 21. С. 680–681.
20. Шабаршов И. А. Русское пчеловодство. М. : Агропромиздат, 1990. 511 с.

Vyatka Provincial Zemstvo on the pages of the journal "Beekeeping Life"

Subbotina Anna Mikhailovna

PhD in Historical Sciences, associate professor, senior researcher at the Department of Historical Research, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Izhevsk.
ORCID: 0000-0002-3152-5884. E-mail: annnamisu@gmail.com

Abstract. The article examines the publications of the journal "Beekeeping Life" 1907–1911 on the activities of the Vyatka provincial zemstvo and the provincial zemsky beekeeper S. K. Krasnoperov in the context of the formation of a certain public opinion. Special attention is paid to the controversy between the editor M. A. Dernov and S. K. Krasnoperov, which unfolded on the pages of Beekeeping Life and other magazines. The harsh criticism of the activities of the Vyatka provincial zemsky beekeeper did not correspond to the positive assessment by contemporaries of the achievements of the zemstvos of the Vyatka province in the field of beekeeping. The editor of Beekeeping Life, M. A. Dernov, was well acquainted with the state of affairs, since he was in the service of the Vyatka provincial Zemstvo and was chairman of the Vyatka Society of Beekeepers. The author concludes that M. A. Dernov, with the help of critical materials, sought to stimulate discussion of the problems of Vyatka beekeeping and make the magazine more popular among the interested audience. Criticism of S. K. Krasnoperov's activities coincided with a period of decline in the activity of the Vyatka provincial Zemstvo in the field of beekeeping in conditions of limited growth of zemstvo budgets. The journal "Beekeeping Life" participated in shaping public opinion about the needs of beekeeping development in the region and in its own way contributed to the revitalization of the zemstvo in the 1910s. The decisions taken into account by the Zemstvo of the First Congress of Beekeepers of the Vyatka province in 1911 largely coincided with the opinion of M. A. Dernov about what changes were necessary.

Keywords: beekeeping, Vyatka province, Vyatka provincial beekeeper, M. A. Dernov, S. K. Krasnoperov.

References

1. Vahrushev A. A. "Vyatskaya gazeta" – pervaya rossijskaya krest'yanskaya gazeta (sistemnaya harakteristika) ["Vyatka Newspaper" – the first Russian peasant newspaper (system characteristic)] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Herald of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2011. No. 1. Pp. 119–123.
2. Volgireva G. P. Obshcherossijskaya sel'skohozyajstvennaya pechat' i "Permskij vestnik zemleustrojstva" [All-Russian agricultural press and "Perm herald of land management"] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Herald of Perm University. History. 2010. Is. 2 (14). Pp. 74–81.
3. Volkova L. A. O stanovlenii racional'nogo pchelovodstva na severe Udmurtii [On the formation of rational beekeeping in the north of Udmurtia] // Pchela i med v narodnoj kul'ture – Bee and honey in folk culture. Izhevsk. UdmFIC UrO RAS, 2023. Pp. 97–116.
4. Vyatskaya "uchebnaya" zemskaya paseka – Vyatka "educational" zemsky apiary // Pchelovodnaya zhizn' – Beekeeping life. 1907. No. 2. Pp. 43–44.

5. Dernov M. A. *Glavnye pasechnye raboty. Izd. 3-e* [Main apiary works. Ed. 3rd.]. SPb. A. F. Devrien, 1912. X, 257 p.
6. Dernov M. A. *K chitatelyam* [To the readers] // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1907. No. 1. Pp. 1–3.
7. Dernov M. A. *K chitatelyam* [To the readers] // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1911. No. 15. Pp. 505–506.
8. Dernov M. A. *K chitatelyam* [To the readers] // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1911. No. 19–20. Pp. 675–678.
9. Dernov M. A. *Po lichnomu delu* [On a personal matter] // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1909. No. 1. Pp. 6–11.
10. *Doklad Vyatskoj gubernskoj zemskoj upravy v Vyatskoe gubernskoe zemskoe sobranie martovskoj ekstremnoj sessii 1893 goda o razvitii pchelovodstva v gubernii* – Report of the Vyatka provincial zemstvo Board to the Vyatka provincial Zemstvo Assembly of the March emergency session of 1893 on the development of beekeeping in the province // *Zhurnaly Vyatskogo gubernskogo zemskogo sobraniya chrezvychajnoj (martovskoj) sessii (3–7 marta 1893 goda) s prilozheniyami* – Journals of the Vyatka Provincial Zemstvo Assembly of the extraordinary (March) session (March 3–7, 1893) with appendices. Vyatka. Typ. of Maishev, the former Kuklin and Krasovsky, 1893. Pp. 19–24.
11. *Doklad o meropriyatiyah po pchelovodstvu v Vyatskoj gubernii (No. 91)* – Report on beekeeping activities in the Vyatka province (No. 91) // *Zhurnaly Vyatskogo gubernskogo zemskogo sobraniya XXXI-j ocherednoj sessii i prilozheniya k nim (zasedanij s 3 po 22 dekabrya 1898 g.)* – Journals of the Vyatka provincial Zemsky assembly of the XXXI regular session and appendices to them (meetings from December 3 to December 22, 1898). Vyatka. type. and chromolit. of Maishev, the former Kuklin and Krasovsky, 1899. Adj. 72. Pp. 12–18.
12. Kozhevnikov G. *Departament zemledeliya i russkoe pchelovodstvo* [Department of agriculture and Russian beekeeping] // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1911. No. 15. Pp. 511–515.
13. Kolbina L. M. *Vyatskij gubernskij pchelovod* [Vyatka provincial beekeeper] // *Pchelovodstvo* – Beekeeping. 2024. No. 2. Pp. 60–61.
14. Krasnoperov S. K. *Pro pchel, ih zhilishcha i uhod za nimi po pravilam pchelovodnoj nauki* [About bees, their dwellings and their care according to the rules of beekeeping science]. M. Typ. of I. D. Sytin partnership, 1898. 89, II p.
15. Naumov M. V. *Istoriya izdatel'skogo dela na Vyatke v XIX – nachale XX vv.* [The history of publishing in Vyatka in the XIX – early XX centuries] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* – Modern problems of science and education. 2012. No. 2. P. 439.
16. *Postanovleniya Vyatskogo gubernskogo zemskogo sobraniya ot 4 maya* – Resolutions of the Vyatka provincial zemsky assembly of May 4 // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1907. No. 13. Pp. 392–393.
17. Richter A. *Privet* [Hello] // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1911. No. 1. Pp. 9–12.
18. Smirnova S. D. *"Pchelovodnoe delo". Po stranicam "Vyatskih gubernskih vedomostej" (1889–1903)* ["Beekeeping business". According to the pages of the Vyatka Provincial Gazette (1889–1903)] // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* – Trends in the development of science and education. 2023. No. 103–5. Pp. 166–171. DOI: 10.18411/trnio-11-2023-301.
19. *Hronika* – Chronicle // *Pchelovodnaya zhizn'* – Beekeeping life. 1908. No. 21. Pp. 680–681.
20. Shabarshov I. A. *Russkoe pchelovodstvo* [Russian beekeeping]. M. Agropromizdat, 1990. 511 p.

Признание Францией Народной Республики Ангола в 1976 г. По материалам архива МИД Франции

Осипов Евгений Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории,
Российская академия наук. Россия, г. Москва. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Аннотация. В статье на основе материалов архива МИД Франции, значительная часть которых до этого не была введена в научный оборот, рассматриваются обстоятельства, приведшие к тому, что Франция в феврале 1976 г. первой из западных стран признала существование Народной Республики Ангола (НРА). Архивные документы показывают, что эволюция французской политики в отношении ангольского кризиса, от нейтральной позиции до признания НРА, происходила из-за действий СССР, осуществлявшего масштабную поддержку Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) под руководством Агостиньо Нето. Именно поддержка Москвы стала решающим фактором успеха МПЛА в ходе боевых столкновений и заставила Париж срочно пересмотреть свою позицию. С точки зрения французской стороны, установление контактов молодого ангольского государства с Францией и другими западными странами должно было привести к снижению зависимости НРА от СССР.

Решение президента Пятой республики Валери Жискар д'Эстена о признании НРА оказалось неожиданным для западных партнеров Франции и встретило резкую реакцию со стороны стран Европейского экономического сообщества, некоторых африканских государств и особенно США. Тем не менее, несмотря на давление Вашингтона, Париж не только не отказался от принятого решения, но даже не согласился его отсрочить, что стало примером подлинно независимой политики Франции в период холодной войны. Признание НРА не привело к скорому развитию контактов между Парижем и Луандой. Дипломатические отношения между странами были установлены лишь в январе 1977 г.

Ключевые слова: Франция, Ангола, ангольский кризис, Валери Жискар д'Эстен, Третий мир, холодная война, разрядка.

Борьба ангольского народа за независимость от Португалии и начавшаяся в стране в 1975 г. гражданская война стали знаковыми событиями международных отношений середины 1970-х гг. Три ангольских движения – Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Фронт национального освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) – оспаривали между собой власть [2]. Особенностью гражданского конфликта стала широкая вовлеченность в него внешних сил. Напрямую в боевых действиях участвовали вооруженные силы ЮАР, Заира, Кубы. Значительную роль сыграли и обе сверхдержавы. США оказывали военную поддержку ФНЛА, а масштабные поставки советского вооружения в пользу МПЛА в совокупности с присутствием военных специалистов и кубинских солдат стали в итоге решающим фактором военных успехов МПЛА и провозглашения Народной Республики Ангола (НРА) во главе с Агостиньо Нето.

Франция оказалась первой западной страной, признавшей в феврале 1976 г. НРА. В статье на основе материалов архива МИД Франции представлена эволюция французской позиции в ангольском кризисе, показана мотивация французской стороны, а также рассмотрены переговоры Парижа с западными союзниками по этому вопросу.

В течение всего гражданского конфликта Франция на официальном уровне придерживалась нейтральной позиции, не отдавая предпочтения ни одному из ангольских движений. При этом регулярно появлялись слухи о том, что Париж поставляет оружие ФНЛА и является, таким образом, стороной конфликта. Например, 3 сентября 1975 г. во французском «Монд» вышла статья о военной поддержке ФНЛА Францией [7]. А 12 ноября 1975 г., на следующий день после провозглашения независимости Народной Республики Ангола от Лиссабона, пред-

ставитель МПЛА в Лусаке (Замбия) сказал пресс-атташе французского посольства в Замбии, что об установлении дипломатических отношений между Парижем и Луандой не может быть и речи, так как «несмотря на официально нейтральную позицию по отношению к трем народным движениям, Франция оказывает военную помощь ФНЛА и УНИТА» [8].

Главным же в этой связи был вопрос о поставках французских военных самолетов «Мираж» в соседние с Анголой страны, напрямую участвовавшие в конфликте. Париж поставлял их в Заир. Посол Франции в Заире Андре Росси, комментируя ситуацию, давал уклончивые ответы о том, что речь шла о выполнении контракта, подписанного до начала ангольских событий [9]. Во время неоднократных встреч посла Франции в Браззавиле (Республика Конго) Пьера Ханта со своим советским коллегой Е. И. Афанасенко именно тема поставок французских самолетов в соседние с Анголой страны и возможное участие их в конфликте на стороне ФНЛА, а также потенциальные поставки в ответ на это советских самолетов, была главной. В итоге ни французские, ни советские истребители не приняли участие в ангольском конфликте.

В январе 1975 г., до начала активной фазы гражданской войны, три народных движения и правительство Португалии подписали в Алворе (Португалия) соглашение, согласно которому Ангола должна была стать независимым государством 11 ноября 1975 г. Вскоре после встречи в Алворе произошли первые столкновения, а уже летом 1975 г. начался полномасштабный военный конфликт. Во французских документах события оценивались как «провал португальской политики деколонизации» [10]. 18 июля 1975 г. генеральный консул Франции в Луанде Робер Марсан писал: «Последние трагические события в Луанде пролили свет на недостатки и лакуны, содержащиеся в Алворском соглашении, а также на негативные последствия политической нестабильности в Португалии... Никто не предполагал, что будет просто... Тем не менее, надо признать, что португальские политики, как в Лиссабоне, так и в Анголе, на самом деле не предусмотрели никакого плана для того, чтобы процесс деколонизации прошел в удовлетворительных условиях» [10].

Развитие военной ситуации, благодаря поддержке СССР и Кубы, позволило МПЛА сохранить власть в столице, Луанде, и объявить 11 ноября о создании независимой от Португалии Народной Республики Анголы во главе с лидером МПЛА А. Нето. Посол Франции в Португалии Бернар Дюран отмечал в своей справке от 24 ноября 1975 г.: «Условия, в которых была провозглашена независимость Анголы, представляют собой провал португальских властей... Провозглашение независимости застало Анголу в разделенном положении: Народная Республика Ангола, контролирующая Луанду, созданная МПЛА и чье существование гарантировано активной поддержкой СССР; Народно-Демократическая Республика Ангола, поддерживаемая ФНЛА и УНИТА, антикоммунистическая, объединенная в тактический альянс и получающая открытую военную поддержку из Заира и ЮАР. Между двумя центрами разгорается гражданская война... можно ожидать, что эта ситуация приведет к «вьетнамизации» конфликта и к серьезному напряжению внутри Организации африканского единства (ОАЕ) [11]».

Официальное провозглашение независимости Анголы и обострение гражданской войны не повлекли за собой быстрого изменения французской позиции. 11–13 января 1976 г. в Аддис-Абебе проходил саммит ОАЕ, на котором ангольская тема была одной из главных. Несмотря на надежды Нето, лишь 22 делегации проголосовали за признание правительства НРА, а еще 22 – против [6, стр. 61]. Во французских документах итоги саммита оценивались как однозначный дипломатический провал МПЛА и Москвы. В справке МИД Франции от 15 января 1976 г. было прописано: «Что касается нас, результаты саммита ОАЕ могут только утвердить нас в политике нейтральности и нежелании признавать ни одно из движений» [12].

Всего через две недели, 2 февраля 1976 г., в другой справке МИД Франции был повтор того же тезиса о правильности нейтральной позиции Парижа, но добавлен следующий абзац: «Однако, развитие политической ситуации в большой степени зависит от результатов боевых действий. Можно представить, что МПЛА, в более-менее близкой перспективе, добьется контроля над значительной территорией страны. В этом случае мы должны себя спросить, какими будут наши действия? Зависимость правительства Нето от СССР не должна рассматриваться как неизбежная...» [13].

Далее, в течение нескольких дней ситуация изменилась еще сильнее. Успехи МПЛА на поле боя и признание правительства Нето Организацией африканского единства, хотя до этого ОАЕ отказывалась отдавать предпочтение одному из народных движений, привели к тому,

что 11 февраля 1976 г. президент Франции Валери Жискар д'Эстен отправил письмо африканским лидерам, в котором объявил о намерении признать Народную Республику Анголу: «...Франция констатирует, что на сегодняшний день Народная Республика Ангола осуществляет контроль над большей частью территории страны. В то же время, действующий председатель Организации африканского единства только что признал правительство Луанды в качестве законных представителей народы Анголы. Более того, некоторые африканские государства, которые еще не признали МПЛА, готовятся это сделать, настаивая на прекращении иностранной интервенции и переходе МПЛА к политике национального примирения. В этих условиях... Франция в соответствии со своей постоянной практикой, направленной на признание государств, но не правительств, собирается признать Народную Республику Анголу. И как это было всегда, Франция уделяет самое большое внимание прекращению любого иностранного вмешательства в дела Анголы. Пятая республика готова, в том, что касается ее, использовать свое влияние для помощи в реализации этой основной цели. Она также надеется, что правительство Нето будет стремиться к поиску согласия между представителями ангольского народа, без чего развитие страны было бы невозможно» [14].

Письмо французского президента вызвало очень оживленную реакцию в разных странах мира, особенно среди западных союзников Парижа. Уже на следующий день, 12 февраля, министр иностранных дел Великобритании Джеймс Каллагэн (через два месяца ставший премьер-министром) совершил демарш перед послом Франции в Лондоне Жаком Деларю Карон де Бомарше. Технически все было сделано через постоянного заместителя государственного секретаря и главы дипломатической службы Великобритании Майкла Паллисера, позвонившего Бомарше от имени Каллагэна. Прежде всего министра иностранных дел Великобритании интересовало, собирается ли Франция официально признать режим МПЛА в Анголе и будет ли проводить по этому поводу консультации с европейскими партнерами. Британская сторона при этом напомнила, что 19–20 января 1976 г. проходила встреча на уровне ЕЭС, посвященная в том числе ангольскому кризису, и на которой Париж не уведомил союзников о своих намерениях.

Каллагэн также донес до французов тезис о том, что британский демарш не означает, что Лондон «будет против признания режима МПЛА, но господин Каллагэн полагает, что «девятка» (девять стран ЕЭС. – Е. О.) должна обсудить этот сюжет и, по мере возможного, принять синхронное и общее решение... Также необходимо воздержаться от любых действий по этому вопросу без предварительных консультаций с Вашингтоном...» [15].

После телефонного разговора с Паллисерам Бомарше незамедлительно запросил инструкций у министра иностранных дел Франции Жака Сованьярга. И уже в тот же день, 12 февраля 1976 г., за подписью Сованьярга было составлено письмо на имя Каллагэна с разъяснениями от французской стороны. Текст письма почти полностью совпадает с письмом Валери Жискар д'Эстена африканским лидерам за исключением одной фразы, в которой более подробно объясняется мотивация Парижа: «В действительности, Франция констатирует, что Народная Республика Ангола осуществляет сегодня свою власть над большей территорией страны. Мы считаем, что развитие партизанских действий, которое может произойти после конфликта классического типа, приведет только к продлению и усилению присутствия СССР и их кубинских союзников в Анголе» [16].

13 февраля 1976 г. в Люксембурге, который на тот момент председательствовал в Совете Европейского союза, состоялось срочное заседание по французской позиции, на котором, кроме представителя Люксембурга, присутствовали 8 послов стран ЕЭС. Все европейские партнеры Франции отметили, что были удивлены такими поспешными действиями Парижа, особенно учитывая, что на 16–17 февраля было назначено заседание политического комитета, в повестку дня которого был заранее включен ангольский вопрос. Также представители восьми стран отметили необходимость консенсуса среди стран ЕЭС. Были высказаны и конкретные замечания. Посол Бельгии в Люксембурге отметил опасения Брюсселя по поводу Заира, для которого признание НРА было неприемлемо. Еще им был высказан тезис, что против французских действий могут выступить Норвегия, Финляндия, Швеция и Австрия, «пытавшиеся остаться нейтральными и независимыми в ангольском вопросе, но которые попадут под давление СССР» [17], если западные страны начнут признавать НРА. Послы Великобритании, Италии и ФРГ заявили, что готовы пойти на признание НРА, но при условии, что это будет совместным решением ЕЭС. В целом же европейские партнеры Франции высказались за дальнейшее обсуждение вопроса.

В африканских странах, не признавших на тот момент НРА, также со скептицизмом восприняли намерения Парижа. В частности, президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор в разговоре с послом Франции Ксавье Дофресом Ле Шевалье сказал, что не нужно было делать шагов навстречу Нето; решение ОАЕ о признании МПЛА в качестве законных представителей ангольского народа назвал «поспешным» [18]. В конце встречи президент Сенегала сказал, что его страна «не признает МПЛА и продолжит сражаться с внешними силами в Африке» [18], и что именно по этой причине он отказался от официального визита в Москву.

Наибольшее противодействие решению Франции шло из Вашингтона. Министр иностранных дел Франции Жак Сованьярг направил 12 февраля письмо государственному секретарю США Генри Киссинджеру с изложением французской позиции. Через четыре дня, 16 февраля, посол США во Франции Кеннет Раш в ходе личной встречи с Сованьяргом передал в устной форме ответ Киссинджера. Прежде всего, в Вашингтоне считали, что преждевременное признание режима, который добился победы благодаря поддержке СССР и Кубы, «рискует сыграть против интересов Запада и умеренных африканских стран» [19]. В связи с этим, Киссинджер через посла США во Франции просил Париж «отложить решение о признании НРА на 8 дней, чтобы иметь более сильные позиции на переговорах с представителями Луанды» [19]. Однако, Жак Сованьярг не согласился с американскими аргументами, отметив, что «быстрое изменение ситуации в пользу МПЛА практически не оставляет никакого места для торга странам, которые должны сейчас занять свою позицию относительно нового государства. Было бы иллюзией верить в то, что можно с помощью переноса на более поздний срок решить вопрос с выводом советских и кубинских элементов из Анголы. Мы думаем, что учитывая то, как складывается ситуация, и то, что даже наиболее непримиримые по отношению к МПЛА африканские страны склоняются к нашему решению, наш интерес состоит в том, чтобы не бросать умеренные африканские страны и установить как можно раньше отношения с Анголой для того, чтобы поддержать силы, настроенные против внешнего присутствия в стране» [19]. В заключении министр иностранных дел Франции сказал, что Париж хотел признать НРА еще раньше, но решил сначала проконсультроваться с союзниками и больше ждать не собирался. Интересно, что и Вашингтон, и Париж аргументировали свою позицию через поддержку умеренных африканских стран, но предлагали при этом противоположные решения. В итоге, несмотря на просьбу из Вашингтона, 16 февраля 1976 г. Франция официально признала Народную Республику Ангола.

И до официального признания НРА, и сразу после, МИД Франции предпринял несколько попыток более подробно разъяснить свою позицию. Прежде всего, Париж обращал внимание своих партнеров на то, что они были заранее поставлены в известность. Президент Пятой республики отправил письма африканским лидерам, министр иностранных дел Франции Жак Сованьярг обращался к Генри Киссинджеру, Джеймсу Каллагэну и министру иностранных дел Португалии Эрнесту Аугушту ди Мелу Антунишу. Партнерам Франции по европейскому сообществу позиция Парижа была разъяснена в ходе уже упоминавшейся встречи в Люксембурге. В качестве аргументов МИД Франции приводил то, что МПЛА контролирует большую часть территории Анголы, НРА в скором времени будет принята в Организацию африканского единства и что даже прозападно настроенные африканские страны либо уже признали НРА, либо собираются это сделать в ближайшем будущем. Также постоянно звучал тезис о необходимости противодействия советскому и кубинскому влиянию в Анголе и, соответственно, о важности развития отношений западных стран с независимой Анголой. Так, посол Франции в ЮАР Жак Шрике, в соответствии с рекомендациями из Парижа, объяснял 18 февраля 1976 г. министру иностранных дел ЮАР, что Франция преследовала цель «не дать свободной дороги тем, кто помогал МПЛА» [20], а также «способствовать установлению отношений между западными странами и Анголой и выводу иностранных войск с территории Анголы» [20].

Отдельный вопрос, сильно волновавший союзников Франции, был связан с юридическими аспектами ситуации: влечет ли за собой признание НРА автоматически и признание режима Нето? В письме президента Пятой республики Валери Жискар д'Эстена африканским лидерам от 11 февраля 1976 г. была четко прописана разница между признанием существования государства и правительства, которое осуществляло свою власть над этой территорией: «Франция в соответствии со своей постоянной практикой, направленной на признание государств, но не правительств, собирается признать Народную Республику Анголу» [14]. Между тем, главный аргумент французской стороны в пользу принимаемого решения стро-

ился на тезисе о том, что МПЛА контролировало большую часть территории страны и что было необходимо как можно скорее установить отношения с Луандой, то есть речь шла об официальных контактах между Парижем и режимом Нето, что волновало западных партнеров, особенно США.

Более того, архивные документы показывают, что в одной из справок МИД Франции, подготовленной для Департамента Европы МИД Франции, была следующая формулировка, сильно отличавшаяся от текста письма Жискара д'Эстена: «...в соответствии с постоянной практикой в отношении признания государств, Франция решила признать в свою очередь и режим Нето» [21]. Впоследствии Парижу приходилось неоднократно возвращаться к этому вопросу. Так, посол Франции в ЮАР 20 февраля 1976 г. специально подчеркивал, что речь не шла о «шагах в сторону МПЛА» [22]. Он же, 2 марта 1976 г., заявил министрам обороны и иностранных дел ЮАР: «Мы признали не партию и не правительство, а новое государство» [23]. А 24 марта 1976 г. Юридический департамент МИД Франции подготовил специальную справку, в которой было четко сказано об неправильных формулировках, которые были даны Департаменту Европы по этому вопросу, еще раз подчеркивалось, что президент страны однозначно дал понять, что признается именно государство, а не правительство, даже несмотря на то, что главным аргументом был контроль режимом Нето большей части территории страны. Более того, в этой справке откровенным образом объяснялась противоречивость французской позиции: «...фактически это избавляет нас от необходимости принимать чью-либо сторону по поводу эффективности, репрезентативности, демократичности и т. д... режимов, которые не до конца утверждены в правах в тот момент, когда возникает проблема отношений с ними, и, таким образом, защищает нас от политических трудностей...» [21].

В целом, решение Франции первой из западных стран признать существование НРА объяснялось, прежде всего, стремлением к проведению подлинно независимой внешней политики. В период разрядки международной напряженности Париж умело пользовался своим особым положением внутри биполярной системы международных отношений. Оставаясь неотъемлемой частью западного блока, Пятая республика развивала отношения со странами социалистического лагеря и Третьего мира, стремясь при этом стать мостом между Западом и Востоком. Впервые подобная стратегия была использована Парижем в 1964 г., когда Франция стала первой западной страной, установившей дипломатические отношения с КНР [4; 5]. Впоследствии сложился и механизм привилегированного сотрудничества с СССР [1] и, например, тесных экономических связей с Румынией [3]. Что касается признания Анголы, то Франция сумела противостоять в этом вопросе серьезному давлению со стороны Вашингтона, а само решение о признании НРА прежде всего объяснялось стремлением Парижа навязать в Анголе конкуренцию Москве. Таким образом, ангольский кризис показал независимый характер французской внешней политики в период холодной войны.

При этом, как и в случае с Китаем, признание НРА не привело к скорому развитию контактов между Парижем и Луандой. Дипломатические отношения между странами были установлены лишь в январе 1977 г. Представители МПЛА хорошо помнили, что Франция долгое время поддерживала ФНЛА.

Список литературы

1. Арзаканян М. Ц. Великий де Голль. М., 2012.
2. Воеводский А. В., Иванова Л. В., Мазов С. В. СССР и кризисы холодной войны в Черной Африке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. URL: <https://history.jes.su/s207987840025591-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840025591-9.
3. Гладышева А. С. Советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ и позиция румынского руководства (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 11 (44). URL: <https://history.jes.su/s207987840001341-4-1/>.
4. Осипов Е. А. Развитие отношений между Францией и КНР в контексте разрядки (1964–1974) // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 110–120.
5. Осипов Е. А. Установление дипломатических отношений между Францией и Китайской Народной Республикой в 1964 г. По материалам архива МИД Франции // *Honoris causa* : сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 186–192.
6. Шубин В. Г. Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960–1990 гг.). М., 2013.
7. AMAE (Archives du ministère des affaires étrangères). Europe/Portugal. 1971–1976. 209. Ambassade de France en Algérie. Note №8/DA/ANL. 5 Septembre 1975.

8. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Jean Français. Télégramme № 265. 12 Novembre 1975.
9. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 211. André Ross. Télégramme № 1982. 6 décembre 1975.
10. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 208. Robert Marsan. Note 60/DAM. 18 juillet 1975.
11. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 210. Ambassade de France au Portugal. Bernard Duran. Note 1398/DAM. 24 novembre 1975.
12. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 212. Note. Angola. 15 janvier 1976.
13. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 212. Note sur la situation en Angola. 2 février 1976.
14. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Ouganda. Télégramme № 32/35. 11 février 1976.
15. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Royaume-Uni. Jacques Delariüe-Caron de Beaumarchais. Télégramme 393/395. 12 février 1976.
16. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Royaume-Uni. Télégramme 168/171. 12 février 1976.
17. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Luxembourg. Marie-Madeleine Dienesch. Télégramme № 39/43. 13 février 1976.
18. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Sénégal. Xavier Daufresne de La Chevalerie. Télégramme № 290/297. 12 février 1976.
19. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Direction des affaires politiques. Circulaire № 117. 16 février 1976.
20. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Afrique du Sud. Jacques Schricke. Télégramme № 161/162. 18 février 1976.
21. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Note. Reconnaissance d'Etats et reconnaissance de gouvernement. 24 mars 1976.
22. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Afrique du Sud. Jacques Schricke. Télégramme № 166/9. 20 février 1976.
23. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Afrique du Sud. Jacques Schricke. Télégramme № 207/210. 2 mars 1976.

Recognition by France of the People's Republic of Angola in 1976 Based on the materials of the archive of the French Foreign Ministry

Osipov Evgeny Aleksandrovich

PhD in Historical Sciences, senior researcher at the Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Abstract. The article, based on materials from the archive of the French Foreign Ministry, a significant part of which had not previously been introduced into scientific circulation, examines the circumstances that led to France being the first Western country to recognize the existence of the People's Republic of Angola (NRA) in February 1976. Archival documents show that the evolution of French policy towards the Angolan crisis, from a neutral position to recognition of the NRA, was due to the actions of the USSR, which carried out large-scale support for the Popular Movement for the Liberation of Angola (MPLA) under the leadership of Agostinho Neto. It was Moscow's support that became a decisive factor in the success of the MPLA during the fighting and forced Paris to urgently reconsider its position. From the point of view of the French side, the establishment of contacts between the young Angolan state and France and other Western countries should have led to a decrease in the dependence of the NRA on the USSR.

The decision of the President of the Fifth Republic, Valéry Giscard d'Estaing, to recognize the NRA turned out to be unexpected for France's Western partners and met with a sharp reaction from the countries of the European Economic Community, some African states and especially the United States. Nevertheless, despite Washington's pressure, Paris not only did not abandon the decision, but did not even agree to postpone it, which became an example of a truly independent French policy during the Cold War. The recognition of the NRA did not lead to the rapid development of contacts between Paris and Luanda. Diplomatic relations between the two countries were established only in January 1977.

Keywords: France, Angola, Angolan crisis, Valerie Giscard d'Estaing, Third World, Cold War, detente.

References

1. Arzakanyan M. C. *Velikij de Goll'* [The Great de Gaulle]. M. 2012.
2. Voevodskij A. V., Ivanova L. V., Mazov S. V. *SSSR i krizisy holodnoj vojny v Chernoj Afrike* [The USSR and the crises of the Cold War in Black Africa] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational journal "History". 2023. Vol. 14. Available at: <https://history.jes.su/s207987840025591-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840025591-9.

3. Gladysheva A. S. *Sovetskie plany ekonomicheskoy integracii v ramkah SEV i poziciya rumynskogo rukovodstva (seredina 1950-h – sredina 1960-h gg.)* [Soviet plans for economic integration within the framework of COMECON and the position of the Romanian leadership (mid-1950s – mid-1960s)] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational journal "History". 2015. Is. 11 (44). Available at: <https://history.jes.su/s207987840001341-4-1>.

4. Osipov E. A. *Razvitie otnoshenij mezhdou Franciej i KNR v kontekste razryadki (1964–1974)* [The development of relations between France and China in the context of detente (1964–1974)] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2016. No. 9. Pp. 110–120.

5. Osipov E. A. *Ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenij mezhdou Franciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj v 1964 g. Po materialam arhiva MID Francii* [Establishment of diplomatic relations between France and the People's Republic of China in 1964. Based on the materials of the archive of the French Foreign Ministry] // *Honoris causa : sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 70-letiyu professora Viktora Vladimirovicha Sergeeva* – Honoris causa : a collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of Professor Viktor Vladimirovich Sergeev. SPb. Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 186–192.

6. Shubin V. G. *Goryachaya "holodnaya vojna": Yug Afriki (1960–1990 gg.)* [Hot "Cold War": South Africa (1960–1990)]. M. 2013.

7. AMAE (Archives du ministère des affaires étrangères). Europe/Portugal. 1971–1976. 209. Ambassade de France en Algérie. Note No. 8/DA/ANL. 5 Septembre 1975.

8. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Jean Français. Télégramme No. 265. 12 Novembre 1975.

9. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 211. André Ross. Télégramme No. 1982. 6 décembre 1975.

10. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 208. Robert Marsan. Note 60/DAM. 18 juillet 1975.

11. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 210. Ambassade de France au Portugal. Bernard Duran. Note 1398/DAM. 24 novembre 1975.

12. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 212. Note. Angola. 15 janvier 1976.

13. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 212. Note sur la situation en Angola. 2 février 1976.

14. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Ouganda. Télégramme No. 32/35. 11 février 1976.

15. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Royaume-Uni. Jacques Delarüe-Caron de Beaumarchais. Télégramme 393/395. 12 février 1976.

16. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Royaume-Uni. Télégramme 168/171. 12 février 1976.

17. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Luxembourg. Marie-Madeleine Dienesch. Télégramme No. 39/43. 13 février 1976.

18. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France au Sénégal. Xavier Daufresne de La Chevalerie. Télégramme No. 290/297. 12 février 1976.

19. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Direction des affaires politiques. Circulaire No. 117. 16 février 1976.

20. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Afrique du Sud. Jacques Schricke. Télégramme No. 161/162. 18 février 1976.

21. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Note. Reconnaissance d'Etats et reconnaissance de gouvernement. 24 mars 1976.

22. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Afrique du Sud. Jacques Schricke. Télégramme No. 166/9. 20 février 1976.

23. AMAE. Europe/Portugal. 1971–1976. 213. Ambassade de France en Afrique du Sud. Jacques Schricke. Télégramme No. 207/210. 2 mars 1976.

Антиимпериалистическая лига: репрезентация в прессе (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)*

Краева Татьяна Андреевна

аспирант кафедры новой и новейшей истории, инженер-исследователь,
Научно-исследовательский институт русской культуры, Уральский федеральный университет.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0009-0009-6568-5294.
ResearcherID: 1166970. E-mail: tatiana.kraeva@urfu.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку изучения роли левой прессы и пропаганды в освещении деятельности Антиимпериалистической лиги. При подготовке первого конгресса Лиги было принято решение освещать процесс ее создания и пропагандировать ее идеи в прессе с целью распространения идей антиимпериализма и борьбы с колониализмом. Для этого на основе договоренностей с редакторами изданий привлекались немецкие коммунистические и либеральные газеты. Анализ прессы позволяет понять механизмы работы идейных вдохновителей Лиги и роль Коминтерна. Освещение событий конгрессов в Брюсселе (1927 г.) и во Франкфурте-на-Майне (1929 г.), а также продвижение идей Антиимпериалистической лиги в ежедневной прессе Веймарской Германии не нашли отклика у читающей аудитории. Вспомогательным средством стала «Рабочая иллюстрированная газета», созданная В. Мюнценбергом по поручению Коминтерна. «Рабочая иллюстрированная газета» стала успешным пропагандистским оружием в вопросе продвижения идей коммунизма, антиимпериализма и антиколониализма. Мюнценберг, имея относительную свободу действий с ведома Коминтерна, работал с группой приближенных, входящих в «группу Мюнценберга». Команда, работавшая над «Рабочей иллюстрированной газетой», сумела грамотно сочетать в ней различные сюжеты, начиная от мероприятий, организованных коммунистическим движением и Антиимпериалистических конгрессов, заканчивая публикацией художественных произведений и рубриками, предназначенными для женщин. Такая подборка материала значительно расширила аудиторию газеты. Отличительной особенностью «Рабочей иллюстрированной газеты» стало активное использование иллюстративного материала, актуальных фото и фотомонтажа. Угасание Антиимпериалистической лиги и «Рабочей иллюстрированной газеты» началось после прихода нацистов к власти, когда фокус проблем сместился с борьбы с колониализмом на антифашизм.

Ключевые слова: Антиимпериалистическая лига, Вилли Мюнценберг, «Рабочая иллюстрированная газета», немецкая пресса, Коминтерн.

Тенденции развития массового общества задают уровень развития источников массовой информации. Рубеж XIX–XX вв. определил развитие периодических изданий как главного источника распространения информации и средства политической мобилизации масс. В контексте развития Антиимпериалистической лиги – международной организации, существовавшей с 1927 по 1937 гг. и нацеленной на борьбу с империализмом и колониализмом, ключевую роль организатора и идейного вдохновителя левой прессы сыграл Вилли Мюнценберг – видный деятель Коммунистической партии Германии (КПГ) и международного коммунистического движения. Антиимпериалистическая лига была создана под руководством Коминтерна. Причиной создания организации послужила проблема колониализма и империализма, а также желание коммунистов взять на себя руководство освободительным движением угнетенных народов. Создание Лиги было объявлено на Брюссельском конгрессе, который состоялся 10–15 февраля 1927 г. Работая в тесном взаимодействии с Коминтерном, В. Мюнценберг сумел организовать эффективную пропаганду идей Антиимпериалистической лиги, а также ее конгрессов в Брюсселе и во Франкфурте-на-Майне.

История Антиимпериалистической лиги в отечественной историографии комплексно не изучалась и ограничивалась несколькими работами [1; 3; 6]. Деятельность же Всеамериканской антиимпериалистической лиги – родственной организации, целью которой была борьба с колониализмом в странах Латинской Америки, изучена более полно [7]. В труде И. Я. Биска сделан вывод о непосредственном влиянии Коминтерна на прессу Международной рабочей помощи

© Краева Татьяна Андреевна, 2024

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-01128) «Антиимпериалистическая лига и особенности формирования транснациональных сетей против колониализма и империализма (1927–1937 гг.)».

(Межрабпома), инициатором создания которой был В. Мюнценберг [2, с. 116]. Зарубежная историография представлена несколькими крупными исследованиями. В середине 1960-х австрийский исследователь Х. Грубер изучил деятельность В. Мюнценберга и заключил, что он выступал в роли «серого кардинала» в управлении левой прессой Веймарской Германии, при том, что ранее его персоне не уделяли должного внимания [4, р. 278]. В середине 1980-х отмечен рост интереса к В. Мюнценбергу и «Рабочей иллюстрированной газете» (“Arbeiter-Illustrierte-Zeitung” – AIZ – АИЦ), что можно обосновать изменениями отношений между капиталистическим и социалистическим лагерями, поиском альтернативных идей на Западе [25; 27]. Так, американский историк Ш. Макмикин, анализируя политическую биографию В. Мюнценберга, нередко упоминает о важности прессы в контексте его деятельности, обращая внимание не только на Мюнценберга как издателя, но и на ту роль, которую руководимые им СМИ играли как оружие пропаганды [26]. В зарубежной историографии изучен издательский концерн Мюнценберга, его работа над изданием «АИЦ», но вне связи с Антиимпериалистической лигой. Историк Р. Бавай дает представление о В. Мюнценберге и его концерне, но не о коммунистической прессе в контексте пропаганды идей Антиимпериалистической лиги [9]. Шведский историк Ф. Петерссон изучает роль В. Мюнценберга в борьбе с колониальным движением, а также уделяет внимание его медиаимперии [29]. Одной из последних публикаций является статья журналиста А. Л. Смита, который раскрывает суть концерна Мюнценберга и его деятельности как коммуниста-капиталиста, но опять же, упуская его роль в создании и пропаганде Антиимпериалистической лиги [31].

Работа по подготовке и организация пропагандистской кампании началась за год до открытия Брюссельского конгресса – первого конгресса Антиимпериалистической лиги. В 1926 г. была проведена подготовительная конференция в Берлине, которой руководил Мюнценберг. На этой конференции Мюнценберг провозгласил создание Лиги против колониального угнетения. Он наметил задачи: создание подготовительного комитета, информационной службы для левых газет и журналов для политиков и публицистов, а также проведение митингов и демонстраций. Он также встал во главе подготовительного комитета Брюссельского конгресса. Под его руководством в германских городах были проведены митинги и демонстрации против засилья колониалистов в Сирии, Марокко и Китае [6, с. 26]. Вскоре была установлена дата конгресса – 10 февраля 1927 г.

Вилли Мюнценберг вел переписку с секретариатом Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) о проведении конгресса и о создании Антиимпериалистической лиги. Приоритетными задачами при обсуждении подготовительных работ с Н. И. Бухариным были вопросы о повестке дня, докладчиках, делегатах, членах президиума [4, л. 39–40]. Одной из важных тем переписки было обсуждение временного устава Антиимпериалистической лиги, в задачи которого входило донесение до самых широких кругов ответственности о характере колониальной политики и о ее влиянии на угнетенные народы [5, л. 7]. Сформулированный протокол о подготовительной конференции в Берлине повествовал о порядке действий на Брюссельском конгрессе, но отражение событий в прессе не обсуждалось [5, л. 19]. В начале 1926 г. вопросы привлечения прессы между В. Мюнценбергом и секретариатом ИККИ не обсуждаются, проблема привлечения прессы для освещения создания и деятельности Лиги стала обсуждаться заметно позднее [4, л. 10].

28 апреля 1926 г. В. Мюнценберг телеграфировал в Москву в секретариат ИККИ, что высылает выпуск леволиберального журнала «Мировая сцена» (“Die Weltbühne”), редактируемого К. Тухольским и К. фон Осецким. Журнал был основан в 1905 г., а к середине 1920-х был одним из ведущих периодических изданий левого толка в Германии. Выпуск «Мировой сцены» был выслан в качестве примера журнала, в котором может вестись пропаганда Лиги и ее идей. Мюнценберг также сообщал о необходимости призыва к рабочим выступить против колониализма и указал на привлечение прессы как вспомогательного материала [4, л. 7].

Когда основные организационные вопросы подготовительных работ были обсуждены, внимание Коминтерна и В. Мюнценберга было обращено на проблему вовлечения прессы как вспомогательного источника распространения идей антиколониализма и антиимпериализма. Было принято решение проникнуть в еженедельную немецкую информационную службу и сообщать не только о ходе Брюссельского конгресса и Антиимпериалистической лиге, но и о событиях международного характера, связанных с колониальным угнетением и политикой империализма.

Брюссельский конгресс состоялся во дворце Эгмонта, куда были созваны делегации из разных стран. На нем были представлены Германия, Франция, Англия, Китай, Япония, Индия,

страны Латинской Америки, Арабский Восток и колонии Черной Африки. Одной из самых многочисленных делегаций была немецкая, состоявшая из 26 человек, ее возглавил Вилли Мюнценберг, впоследствии сыгравший одну из ведущих ролей в антиимпериалистическом движении. Отмечается, что время созыва конгресса было выбрано удачно, поскольку в этот период переживала подъем революция в Китае, что способствовало подъему коммунистического движения на международном уровне.

На Брюссельском конгрессе германские представители выступили с докладами: «Колониальная политика империализма и ее влияние на колониальные и полуколониальные страны» (Ледебур), «Общие цели национально-освободительного движения в угнетенных странах и пролетарских антиимпериалистических движений в империалистических странах» (Гольдшмидт), «Создание Лиги против империализма и за национальную независимость» (Мюнценберг) [3, с. 59]. Главный отклик Брюссельский конгресс и создание Антиимпериалистической лиги получили в прессе – как можно большее количество людей должны были знать о гнете империалистов и бедственном положении угнетенных народов. О конгрессе писали еженедельники и ежемесячники.

Помимо прочего, Коминтерном В. Мюнценбергу было поручено установить особый контакт с редакциями газет для выхода статей, посвященных деятельности Лиги [5, л. 38]. Задача о проникновении в СМИ сопровождалась комментарием, что важно писать о событиях международной политики, но не о военных действиях [5, л. 39]. Мюнценберг, будучи владельцем газет и пропагандистом, демонстрировал Коминтерну примеры пропаганды в периодических изданиях на примере борьбы с фашизмом. Таким примером становится вырезка из коммунистической газеты «Мир вечером», которую В. Мюнценберг выслал Н. И. Бухарину. Вырезка из газеты «Мир вечером» (“Welt am Abend”) повествовала, что конгресс выступил против Б. Муссолини [4, л. 50]. «Мир вечером» – ежедневная газета, основанная в 1922 г. как левая социалистическая газета, в ноябре 1925 г. перешла во владение к Мюнценбергу, а в 1926 г. стала принадлежать Межрабпому [2, с. 118]. При новом владельце тираж увеличился с 20 000–70 000 до 180 000–230 000 к 1931 г. [9, с. 89]. В одном из писем В. Мюнценберга от 14 декабря 1926 г. Н. И. Бухарину он говорит о газете «АИЦ» как периодическом издании, которое можно использовать как эффективное средство пропаганды, в частности, является орудием пропаганды антифашизма [4, л. 47].

Действительно, по поручению секретариата ИККИ В. Мюнценберг договорился с германскими изданиями о публикации статей об Антиимпериалистической лиге. Брюссельский конгресс и его ход активно начал освещаться в прессе. Первая ежедневная либеральная газета Гамбурга «Гамбургский корреспондент» (“Hamburgischer Correspondent”) в феврале 1927 г. выпустила шесть статей, посвященных борьбе с колониализмом [21, 1927, № 64, № 88]. В них говорится о том, что состоялся Брюссельский конгресс, на котором была учреждена Антиимпериалистическая лига с целью борьбы против колониализма [21, 1927, № 74]. Особенностью «Гамбургского корреспондента» являлось особое внимание к революции в Китае (1925–1927 гг.), его борьбе с империализмом и проблеме колониализма в Африке [21, 1927, № 78]. Интересно, что в августе 1927 г., когда ажиотаж вокруг Антиимпериалистической лиги в прессе утих, «Гамбургский корреспондент» издает статью с заголовком «Империализм и колониальная политика» [21, 1927, № 404], обращаясь к проблемам, поднятым на Брюссельском конгрессе. События второго конгресса Антиимпериалистической лиги во Франкфурте-на-Майне, который состоялся в июле 1929 г., «Гамбургский корреспондент» не освещает и вовсе. Лишь в сентябре 1929 г. он выпускает две статьи об империализме в колониях [21, 1929, № 422, № 424].

Одна из ведущих газет Франкфурта-на-Майне либерально-демократического характера ежедневная «Франкфуртская газета» (“Frankfurter Zeitung”) активно публиковала репортажи, связанные с Антиимпериалистической лигой. В феврале 1927 г. газета писала о Брюссельском конгрессе [15, 1927, № 108, № 129; № 158], пересказывала выступления делегатов [15, 1927, № 112] и призывала к пробуждению народов в борьбе с колониализмом [15, 1927, № 120, № 12]. В сентябре 1927 г. «Франкфуртская газета» выпустила репортаж, в котором рассказывает об Антиимпериалистической лиге и ее идеях [15, 1927, № 648]. Подобная статья издается и в декабре 1927 г. [15, 1927, № 937]. За полгода до второго конгресса Лиги, в январе 1929 г. «Франкфуртская газета» четыре раза писала о Лиге и борьбе с империализмом, подогревая интерес к грядущему конгрессу [15, 1929, № 42, № 45, № 65]. Во время проведения конгресса во Франкфурте-на-Майне газета представила рекордное количество статей – вышло пятнадцать публикаций о ходе второго конгресса и его итогах [15, 1929, № 526, № 538, № 540, № 541,

№ 543, № 544, № 546, № 547, № 549, № 550, № 551, № 552, № 554, № 555, № 558]. Однако после проведения конгресса во Франкфурте-на-Майне газета о Лиге больше не упоминала.

Другой ведущей ежедневной газетой в Веймарский период является «Кельнская газета» (“Kölnische Zeitung”), которая более лаконично отражала ход создания Антиимпериалистической лиги. В период проведения первого конгресса «Кельнская газета» дважды пишет об Антиимпериалистическом конгрессе [23, 1927, № 119, № 133], а затем упоминает о конгрессе в связи с деятельностью II Интернационала [23, 1927, № 144]. Он не был представлен на Брюссельском конгрессе, поскольку занял враждебную позицию по отношению к Лиге, а создание Лиги назвал «коммунистическим маневром». В этой связи «Кельнская газета» выбрала нетипичную стратегию пропаганды Лиги. Накануне второго конгресса газета писала про Лигу в январе 1929 г. [23, 1929, № 33]. Во время конгресса во Франкфурте-на-Майне «Кельнская газета» писала о делегатах [23, 1929, № 395, № 398] и об итогах конгресса [23, 1929, № 41].

Другие издания Веймарской Германии писали об Антиимпериалистической лиге значительно реже. Видная ежедневная гамбургская газета «Гамбургские иностранные записки» (“Hamburger Fremdenblatt”) лишь трижды упомянула Брюссельский конгресс – после его проведения [19, № 46, № 48, № 59], рассказывая о представителях, выступавших на конгрессе. В берлинской газете «Немецкий экономист» (“Der Deutsche Volkswirt”) единожды в феврале 1927 г. написали о призыве к борьбе за свободу колониальных народов [11, № 21]. Также и берлинской «Немецкой ежедневной газете» (“Deutsche Tageszeitung”) в феврале 1927 г. сообщили, что состоялся конгресс в Брюсселе [14, № 86]. Ежедневная газета «Гамбургские новости» (“Hamburger Nachrichten”) дважды упоминала Антиимпериалистическую лигу: в феврале после Брюссельского конгресса выпустила статью о колониальном угнетении и роли Москвы в борьбе с ним [13, № 88] и в марте 1927 г. о том, что конгресс состоялся [20, № 150]. О конгрессе колониальных народов писали не только газеты, но и гамбургский ежемесячный журнал «Экономическая служба» (“Wirtschaftsdienst”) в феврале 1927 г. [21, № 11]. В бременской ежедневной политико-торговой «Везерской газете» (“Weser-Zeitung”) в апреле 1927 г. вышла статья с заголовком «Триумф Коминтерна» [33, № 202], в которой говорится, что Антиимпериалистическая лига – это проект Коминтерна, а ее создание – успешный результат работы коммунистов. Газета «Последние новости Мюнхена» (“Münchener Neueste Nachrichten”) в апреле 1927 г. упоминает Антиимпериалистическую лигу в контексте международной борьбы с колониализмом [28, № 104].

Что касается газет, имеющих антиколониальную тематику, то пропаганда антиколониализма и создание Лиги в них получило еще меньший отклик. Существовало две специализированные европейские газеты, созданные для пропаганды идей Антиимпериалистической лиги. Газета «Борьба за свободу колоний» (“Der koloniale Freitkampf”) выходила за год до Брюссельского конгресса в рамках подготовительных работ, после Брюссельского конгресса газета не издавалась. Известно четыре номера газеты, в которых выходили репортажи об антиколониализме в целом, об империализме в Африке, о Китае и Марокко, а также о необходимости создания организации, которая будет вести борьбу против колониальной зависимости [13, № 1, № 2, № 3, № 4]. Другой специализированной газетой стала «Закон и свобода» (“Recht en Vrijheid”), которая позиционировала себя как первая антиколониальная газета в Голландии. Известен один выпуск от 10 сентября 1926 г., в котором писали о необходимости развития движения за свободу на примере Индонезии, а также об антифашистском движении [31, № 1]. Помимо этого, другие газеты, посвященные борьбе с колониализмом, писали о Лиге. В апреле 1927 г. берлинская «Немецкая колониальная газета» (“Der Kolonialdeutsche”) пишет о национализме и интернационализме в контексте колониальной борьбы [12, № 7]. Другая берлинская газета «Колониальный обзор» (“Koloniale Rundschau”) спустя более чем через год после проведения Брюссельского конгресса в апреле 1928 г. выпускает статью о конгрессе [24, № 4]. Во время конгресса во Франкфурте-на-Майне в июле 1929 г. берлинская «Заморская колониальная газета» (“Übersee u. Colonial Zeitung”) пишет об Антиимпериалистической лиге [32, № 14].

Анализ прессы Веймарской Германии позволяет сделать вывод, что об Антиимпериалистической лиге писали, как правило, во время проведения конгрессов, констатируя факты проведенных мероприятий и создания Лиги. Интересно, что о Лиге писали в большей степени либеральные издания, тогда как коммунистические газеты и специализированные антиколониальные издания ограничивались малым количеством репортажей. Такую тенденцию можно связать с работой В. Мюнценберга, который еще во время подготовительных работ

обсуждал с секретариатом ИККИ вовлечение либеральных изданий из-за их большей распространённости. Учитывая время выхода статей и их тематику, и угасание внимания к Лиге в прессе после 1927 г., становится очевидно, что пропаганда в газетах Веймарской Германии не была успешной. Это ощущалось и в 1927–1928 гг. лидерами Лиги и Коминтерна. Выход находит В. Мюнценберг, подключая к работе газету «АИЦ» и «группу Мюнценберга», которая работала в его медиаимперии [29, s. 192].

«АИЦ» имела новаторский формат и значительно выделялась на фоне коммунистических изданий [10, s. 185]. Она была одной из самых широко распространяемых газет в Веймарской Германии [9, s. 81]. Почти все газеты КПГ отличались тем, что в них публиковались преимущественно официальные партийные материалы. Один из основателей КПГ В. Пик объяснял отсутствие успеха у коммунистической прессы тем, что в ней не умели говорить на языке масс, поэтому ее тираж был меньше, чем число членов партии: в 1925 г. в партии состояло 120 000 человек, тогда как тираж партийной прессы составлял 65 000–70 000 экземпляров. Непривлекательность партийной прессы для читателей состояла в том, что пресса говорила не на пролетарском языке, а на языке резолюций, который был труднодоступен для рабочих. Читателя отталкивала сухость языка. Редакторы партийных газет и стоящее за ними партийное руководство по большей части отказывались сделать подлинными потребности читателей ориентиром своей журналистики [10, s. 186–187]. Поэтому «АИЦ» выглядела поистине революционным изданием, особенностью которого была публикация материалов на доступном для рабочих языке [18, p. 287].

Фигура В. Мюнценберга имела большое значение для изучения вопроса прессы в Веймарской Германии. В последнее время в Германии возрождается интерес к В. Мюнценбергу, но в других странах он остается малоизвестной фигурой. Москва позволила Мюнценбергу действовать относительно самостоятельно в том числе как капиталисту. Он был создателем одной из крупнейших медиаимперий после либеральной [30]. Мюнценберг основывал новые компании, скупал проблемные социал-демократические газеты и журналы, увеличивал их тираж, а прибыль направлял на развитие медиаимперии. Он руководил крупным «Новым немецким издательством» (“Neuer Deutsche Verlag”) Веймарской Германии [29, p. 96]. Из-за сочетания ролей в качестве коммуниста и капиталиста Мюнценберг получил прозвище «красный миллионер». В 1911 г. благодаря Ф. Брупбахеру Мюнценберг познакомился с деятелями искусства и культуры, которые впоследствии определили творческий облик коллектива, с которым работал «красный миллионер». Его творческие знакомства продолжились и в 1913 г., когда он встретил немецкого писателя М. Бартеля, который продолжил влиять на новые связи Мюнценберга [18, p. 280]. Вскоре зародилась так называемая «группа Мюнценберга». «Группа Мюнценберга» – это круг творческих людей, приближенных к Вилли Мюнценбергу и работавших с ним совместно над продуктами медиаимперии. «Группа Мюнценберга» была связана с периодической печатью, издательствами, киномастерскими, а также съездами и собраниями и имела огромное значение в пропагандистской деятельности Мюнценберга [22]. Важной особенностью группы стало то, что она практически не подвергалась партийному контролю со стороны КПГ. Таким образом, группа, как и человек, вокруг которого она сформировалась, оказывали КПГ пользу благодаря своему полунезависимому статусу [18, p. 278]. Так, Мюнценберг объединял как можно больше различных деятелей культуры, не обращая большого внимания на официальную партийную пропаганду. Концентрация в его руках средств массовой информации и влияние в сфере периодической продукции оправдывают прозвище «красный миллионер». В «группу Мюнценберга» входили в том числе известные интеллектуалы, художники, писатели, ученые, такие как К. Цеткин, Дж. Б. Шоу, А. Барбюс, М. Андерсен-Нексё, А. Эйнштейн, К. Кольвиц, Т. Манн, Г. Манн, Д. Хартфилд, С. Эйзенштейн и др. [22].

История создания «АИЦ» начинается за несколько лет до создания Антиимпериалистической лиги. Изначально это была ежемесячная газета, созданная В. Мюнценбергом по поручению Коминтерна в 1921 г. для поддержки Межрабпома и для набора членов в него [9, s. 84]. Как только газета зародилась, она имела название «Советская Россия в фотографиях» (“Sowjet-Russland im Bild”). Газета имела исключительно пропагандистскую направленность и публиковала репортажи о жизни советских пролетариев, Октябрьской революции и деятельности Межрабпома. Президентом издания была назначена К. Цеткин [34, s. 188]. Целью газеты была пропаганда советского образа жизни и роли пролетариев в обществе. Финансировалась «АИЦ» не столько из прибыли газетного бизнеса Мюнценберга, сколько из Москвы. Пер-

вый выпуск газеты был посвящен борьбе с голодом в Советской России. Изначально тираж составлял от 5 000 до 10 000 экземпляров, в 1922 г. он вырос до 100 000 экземпляров [9, s. 83–84]. К 1924 г. тираж составлял 180 000 экземпляров [34, s. 188]. Как только «АИЦ» набирает популярность, она начинает распространяться и за пределами германских границ. Изначально это было восьмистраничное издание, в середине 1920-х выпуски могли достигать до 14–15 страниц, к концу существования газеты после 1933 г. количество страниц в выпуске уменьшалось. В 1922 г. газета начала издавать выпуски, страницы которых занимала и немецкая повестка, поскольку с середины 1920-х гг. В. Мюнценберг начинает все больше проникать в политическую жизнь Германии и по указанию Коминтерна начинает борьбу с фашизмом [9, s. 85–86].

В газете работали деятели искусства, которые не обязательно были связаны с коммунистами – это была творческая элита, которая параллельно работала в других немецких периодических изданиях, в том числе независимых и либеральных. К ним относятся и деятели из «группы Мюнценберга» – К. Кольвиц, Б. Шоу, Г. Гросс, а также К. Тухольский, М. Горький и др. Подбор авторитетного коллектива позитивно отразился на популярности газеты. Так, например, К. Тухольский являлся в том числе сооснователем одного из популярных сатирических журналов Германии «Ульк» (“Ulk”). С 30 ноября 1927 г. газета была переименована в «Рабочую иллюстрированную газету», в которой акцент делался уже не только на репортажи о жизни советских пролетариев, но и на репортажи о жизни в Германии. Смена названия повлияла на рост популярности газеты. К этому времени тираж достиг уже 250 000 экземпляров, а газета стала издаваться два раза в месяц. При этом охват читающей аудитории был гораздо шире. Отмечается, что один выпуск могли читать несколько человек [10, s. 185–188]. С 1931 г. газета начинает издаваться еженедельно, а тираж по оценкам варьируется от 280 000 до 3 миллионов и становится одним из важнейших органов коммунистической пропаганды [16, s. 192]. К этому времени в Веймарской Германии популярнее была только «Берлинская иллюстрированная газета» (“Berliner Illustrierten Zeitung”) [9, s. 88]. С целью популяризации издания в 1931 г. в Ленинград была отправлена группа сотрудников АИЦ и вспомогательного персонала, они также участвовали в Первом мае в Ленинграде [16, s. 239].

В «АИЦ» было показано, какую великую роль играют большевики в развитии СССР как государства. Газета грамотно соблюдала баланс повседневных и пропагандистских сюжетов, следуя своему неофициально независимому статусу. Последнюю страницу номера обязательно украшала серия анекдотов, сканворд, разбор шахматной партии. Завершался номер рекламной, которая была ориентирована на рабочий класс [8, 1927, № 26, s. 14]. Яркими примерами пропаганды служат обложки журналов, посвященные празднованию Первого мая [8, 1932, № 18, s. 1] или же десятилетнего юбилея Октябрьской революции [8, 1927, № 43]. Однако пропаганда советского режима выражалась не только в прославлении коммунистических традиций. Страницы выпусков наполняли и рассказы о повседневной жизни рабочих в СССР, например, сюжет о Днепрострое [8, 1932, № 43]. Отличительной особенностью «АИЦ» от европейских газет левого толка стали женские сюжеты, которые в то время практически не встречались в европейской прокоммунистической прессе: в 1927 г. был издан выпуск, большей частью посвященный женщинам, начинался он с портретов женщин-революционерок. В центре внимания находились К. Цеткин, Р. Люксембург и Л. Мишель с цитатами о революционной борьбе; далее шли сюжеты о быте женщин на кухне и книгах для женского досуга [8, 1927, № 26]. Поистине революционным женским сюжетом стала статья о проституции в Веймарской республике [8, 1927, № 40]. Несомненно, многие статьи «АИЦ» посвящены борьбе с колониализмом, особо часто встречаются статьи о революции в Китае [8, 1927, № 5]. Особую ценность представляют сюжеты о деятельности Всемирных антиимпериалистических конгрессов, в первую очередь из-за иллюстративного материала: подробные фото участников, заседаний конгрессов [8, 1927, № 4, № 9; 1929, № 29].

Так, «АИЦ» стал успешнейшим проектом В. Мюнценберга в пропаганде коммунизма и в том числе идей Антиимпериалистической лиги. Успех газеты определили его отличия от партийной коммунистической прессы. На первом плане в газете стояли вопросы, которые объединяли весь рабочий класс, а не только отражали интересы партии, что привело к охвату социал-демократов и беспартийных. Выпуски предлагали разнообразие тем, это были не только политические темы, а еще и спорт, культура, быт и т. д. Благодаря качественным фотографиям, успешному монтажу текста и изображений, «АИЦ» стоял в одном ряду с лучшими образцами буржуазной прессы. Совокупность этих факторов позволила газете найти широ-

кий отклик у читателей, и не только приверженцев коммунизма [10, s. 189–193]. Успешное развитие газеты подтверждается и тем, что по аналогии с «АИЦ» Французская коммунистическая партия совместно с местным отделением Межрабпома задумали создать аналогичный журнал [16, s. 240].

После прихода нацистов к власти газета перебралась в Прагу, а в 1936 г. была переименована в «Народную иллюстрированную» (“Die Volks Illustrierte”). Выпуски стали выходить все реже, об Антиимпериалистической лиге перестают писать, поскольку фокус с антиколониализма и антиимпериализма смещается к антифашизму. В 1938 г. газета переехала в Париж, а выпуски стали посвящаться преимущественно антифашистской повестке. Так, приход нацистов к власти привел к угасанию успеха «АИЦ» [10, s. 193] и Антиимпериалистической лиги в целом. 22 октября 1940 г. во французских газетах появились краткие сообщения о смерти Мюнценберга, которые были затеряны среди публикаций о ходе Второй мировой войны. Сообщения о его смерти также не привлекли внимания международной прессы [17, p. 188]. Так завершилась эпоха В. Мюнценберга, сопровождавшаяся пропагандой борьбы с империализмом.

Таким образом, кампания по распространению идей Антиимпериалистической лиги была полностью выстроена В. Мюнценбергом. Работая в контакте с секретариатом ИККИ и имея относительную свободу, он выстраивал диалог с прессой и работал с помощью газеты «АИЦ». Мюнценберг возглавил всемирную организацию, поэтому пользовался большей степенью независимости, чем любой другой лидер Коминтерна. Пресса Веймарской Германии, очевидно по просьбе Мюнценберга, публиковала статьи о проведении конгрессов Антиимпериалистической лиги. Статьи, как правило, выходили во время конгрессов и пересказывали выступления делегатов и принятые решения. Изредка выходили статьи, рассказывающие о сути Антиимпериалистической лиги с призывом подъема масс к борьбе с колониализмом и империализмом. Такой пропагандистский характер статей подтверждает тезис о том, что они выходили не по желанию редакций газет, а по договоренностям с Мюнценбергом, который работал в тесном диалоге с Коминтерном. Язык таких статей не был понятен широкому кругу читателей, из-за чего пропагандистская кампания в ежедневной Веймарской прессе не была успешной. Решение этой проблемы было найдено в проведении кампании в газете «АИЦ», принадлежавшей В. Мюнценбергу. Обсуждение вовлечения «АИЦ» в освещение деятельности Антиимпериалистической лиги велось еще во время подготовительных работ. В связи с этим к моменту учреждения Антиимпериалистической лиги «АИЦ» активно писал о колониальном и империалистическом гнете. Спецификой «АИЦ» стала нетипичная подача материала, сочетавшего в себе сюжеты об антиимпериалистических мероприятиях с бытовыми сюжетами, что позволило расширить круг читателей и привлечь не только коммунистов, но и социал-демократов и беспартийных. Еще одной особенностью стало сопровождение материала актуальными фотоматериалами и фотомонтажом. Такая подача позволила «АИЦ» стать успешной газетой и выполнить задачу по пропаганде идей Лиги. Однако в 1933 г. успех «АИЦ» стал сходить на нет, редакция газеты переехала сначала в Прагу, затем в Париж, а внимание Коминтерна сместилось на борьбу с нацизмом.

Список литературы

1. Адиебеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М. : РОССПЭН, 1997. 287 с.
2. Биск И. Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново : Изд-во Ивановского государственного университета, 1995. 231 с.
3. Мельничанский Г. Н. Профессиональные союзы СССР и Антиимпериалистическая лига. М. : Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. 68 с.
4. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 542. Оп. 1. Д. 3.
5. РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 4.
6. Соркин Г. З. Антиимпериалистическая лига 1927–1935. М. : Наука, 1965. 124 с.
7. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 759 с.
8. Arbeiter-Illustrierte-Zeitung. 1927. № 4. № 5. № 9. № 26. № 40. № 43. 1929. № 29. 1932. № 18. № 43.
9. Bavaj R. “Revolutionierung der Augen”: Politische Massenmobilisierung in der Weimarer Republik und der Münzenberg-Konzern // Politische Kultur und Medienwirklichkeiten in den 1920er Jahren / ed. Ute Daniel, Inge Marszolek, Wolfram Pyta, Thomas Welskopp. Munich : R. Oldenbourg Verlag, 2010. Pp. 81–100.
10. Bois M., Bornost S. Kompromisslos auf der Seite der Unterdrückten. Die Arbeiter-Illustrierte Zeitung. In: Bernd Hüttner, Christoph Nitz (Hg.): Weltweit Medien nutzen. Medienwelt gestalten. Hamburg : VSA, 2010. S. 185–194.

11. Der Deutsche Volkswirt. 1927. № 21.
12. Der Kolonialdeutsche. 1927. № 7.
13. Der koloniale Freitkampf. 1926. № 1. № 2. № 3. № 4.
14. Deutsche Tageszeitung. 1927. № 86.
15. Frankfurter Zeitung. 1927. № 108. № 112. № 120. № 121. № 129. № 158. № 648. № 937. 1929. № 42. № 45. № 65. № 526. № 538. № 540. № 541. № 543. № 544. № 546. № 547. № 549. № 550. № 551. № 552. № 554. № 555. № 558.
16. Gross B. Willi Münzenberg. Eine politische Biographie. Leipzig : Forum Verlag, 1991. 551 s.
17. Gruber H. Willi Münzenberg: Propagandist for and against the Comintern // International review of social history. 1965. T. 10. № 2. Pp. 188–210.
18. Gruber H. Willi Münzenberg's German Communist Propaganda Empire 1921–1933 // The Journal of Modern History. 1966. T. 38. № 3. S. 278–297.
19. Hamburger Fremdenblatt. 1927. № 46. № 48. № 59.
20. Hamburger Nachrichten. 1927. № 88. № 150.
21. Hamburgischer Correspondent. 1927. № 64. № 74. № 78. № 88. № 404. 1929. № 422. № 424.
22. Info // Willi Münzenberg Forum. URL: <https://www.muenzenbergforum.de/info/> (дата обращения: 27.02.2024).
23. Kölnische Zeitung. 1927. № 119. № 133. № 144. 1929. № 33. № 41. № 395. № 398.
24. Koloniale Rundschau. 1928. № 4.
25. Kuenzli R. E. John Heartfield and the Arbeiter-Illustrierte-Zeitung // Journal of Communication Inquiry. 1989. T. 13. № 1. Pp. 31–42.
26. McMeekin S. The Red Millionaire: A Political Biography of Willy Münzenberg, Moscow's Secret Propaganda Tsar in the West, 1917–1940. New Haven; London : Yale University Press, 2004. 416 p.
27. Morton C. The Arbeiter Illustrierte Zeitung in Weimar Germany // Media, Culture & Society. 1985. T. 7. № 2. Pp. 187–203.
28. Münchener Neueste Nachrichten. 1927. № 104.
29. Petersson F. "We Are Neither Visionaries Nor Utopian Dreamers": Willi Münzenberg, the League against Imperialism, and the Comintern, 1925–1933: Åbo Akademi-Åbo Akademi University, 2013. 574 p.
30. Smith A. L. Breitbart for the Left // Jacobin. URL: <https://jacobin.com/2017/03/media-breit-bart-willy-munzenberg-hitler-fascism-popular-front/> (дата обращения: 16.08.2024).
31. Recht en Vrijheid. 1926. № 1.
32. Übersee u. Colonial Zeitung. 1929. № 14.
33. Weser-Zeitung. 1927. № 202.
34. Willmann H. Geschichte der Arbeiter-Illustrierten Zeitung 1921–1938, Ostberlin, 1974.
35. Wirtschaftsdienst. 1927. № 11.

The Anti-Imperialist League: representation in the press (late 1920s – early 1930s)

Kraeva Tatyana Andreevna

postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History, Research Engineer,
Scientific Research Institute of Russian Culture, Ural Federal University. Russia, Yekaterinburg.
ORCID: 0009-0009-6568-5294. ResearcherID: 1166970. E-mail: tatiana.kraeva@urfu.ru

Abstract. This article is an attempt to study the role of the left-wing press and propaganda in covering the activities of the Anti-Imperialist League. During the preparation of the first congress of the League, it was decided to cover the process of its creation and promote its ideas in the press in order to spread the ideas of anti-imperialism and the fight against colonialism. For this purpose, German communist and liberal newspapers were involved on the basis of agreements with the editors of the publications. The analysis of the press makes it possible to understand the mechanisms of work of the ideological inspirers of the League and the role of the Comintern. The coverage of the events of the congresses in Brussels (1927) and in Frankfurt am Main (1929), as well as the promotion of the ideas of the Anti-Imperialist League in the daily press of Weimar Germany did not find a response from the reading audience. An auxiliary tool was the "Workers' Illustrated Newspaper", created by V. Munzenberg on behalf of the Comintern. The Workers' Illustrated Newspaper has become a successful propaganda weapon in promoting the ideas of communism, anti-imperialism and anti-colonialism. Munzenberg, having relative freedom of action with the knowledge of the Comintern, worked with a group of associates belonging to the "Munzenberg group". The team that worked on the "Workers' Illustrated Newspaper" managed to competently combine various subjects in it, ranging from events organized by the Communist movement and Anti-Imperialist congresses, ending with the publication of works of art and headings intended for women. Such a selection of material has significantly expanded the newspaper's audience. A distinctive feature of the "Working Illustrated Newspaper" was the active use of illustrative material, relevant photos and photomontage. The

decline of the Anti-Imperialist League and the Workers' Illustrated Newspaper began after the Nazis came to power, when the focus of problems shifted from the fight against colonialism to anti-fascism.

Keywords: Anti-Imperialist League, Willy Munzenberg, Workers' Illustrated Newspaper, German press, Comintern.

References

1. Adibekov G. M., Shahnazarova E. N., Shirinya K. K. *Organizacionnaya struktura Kominterna. 1919–1943* [Organizational structure of the Comintern. 1919–1943]. M. ROSSPAN, 1997. 287 p.
2. Bisk I. Ya. *Pressa Vejmarskoj Germanii* [The Press of Weimar Germany]. Ivanovo. Publishing House of Ivanovo State University, 1995. 231 p.
3. Mel'nichanskij G. N. *Professional'nye soyuzy SSSR i Antiimperialisticheskaya liga* [Trade unions of the USSR and the Anti-Imperialist League]. M. Publishing House of the Central Committee of the USSR, 1929. 68 p.
4. RSASPH (Russian State Archive of Socio-political History). F. 542. Inv. 1. File 3.
5. RSASPH. F. 542. Inv. 1. File 4.
6. Sorkin G. Z. *Antiimperialisticheskaya liga 1927–1935* [Anti-Imperialist League 1927–1935]. M. Nauka (Science), 1965. 124 p.
7. Kheifets V. L., Kheifets L. S. *Komintern i Latinskaya Amerika: lyudi, struktury, resheniya* [The Comintern and Latin America: people, structures, solutions]. M. Political Encyclopedia, 2019. 759 p.
8. Arbeiter-Illustrierte-Zeitung. 1927. No. 4. No. 5. No. 9. No. 26. No. 40. No. 43. 1929. No. 29. 1932. No. 18. No. 43.
9. Bavaj R. "Revolutionierung der Augen": Politische Massenmobilisierung in der Weimarer Republik und der Münzenberg-Konzern // Politische Kultur und Medienwirklichkeiten in den 1920er Jahren / ed. Ute Daniel, Inge Marszolek, Wolfram Pyta, Thomas Welskopp. Munich : R. Oldenbourg Verlag, 2010. Pp. 81–100.
10. Bois M., Bornost S. Kompromisslos auf der Seite der Unterdrückten. Die Arbeiter-Illustrierte Zeitung. In: Bernd Hüttner, Christoph Nitz (Hg.): *Weltweit Medien nutzen. Medienwelt gestalten*. Hamburg : VSA, 2010. Pp. 185–194.
11. Der Deutsche Volkswirt. 1927. No. 21.
12. Der Kolonialdeutsche. 1927. No. 7.
13. Der koloniale Freitkampf. 1926. No. 1. No. 2. No. 3. No. 4.
14. Deutsche Tageszeitung. 1927. No. 86.
15. Frankfurter Zeitung. 1927. No. 108. No. 112. No. 120. No. 121. No. 129. No. 158. No. 648. No. 937. 1929. No. 42. No. 45. No. 65. No. 526. No. 538. No. 540. No. 541. No. 543. No. 544. No. 546. No. 547. No. 549. No. 550. No. 551. No. 552. No. 554. No. 555. No. 558.
16. Gross B. Willi Münzenberg. Eine politische Biographie. Leipzig : Forum Verlag, 1991. 551 p.
17. Gruber H. Willi Münzenberg: Propagandist for and against the Comintern // International review of social history. 1965. Vol. 10. No. 2. Pp. 188–210.
18. Gruber H. Willi Münzenberg's German Communist Propaganda Empire 1921–1933 // The Journal of Modern History. 1966. Vol. 38. No. 3. Pp. 278–297.
19. Hamburger Fremdenblatt. 1927. No. 46. No. 48. No. 59.
20. Hamburger Nachrichten. 1927. No. 88. No. 150.
21. Hamburgischer Correspondent. 1927. No. 64. No. 74. No. 78. No. 88. No. 404. 1929. No. 422. No. 424.
22. Info // Willi Münzenberg Forum. Available at: <https://www.muenzenbergforum.de/info/> (date accessed: 27.02.2024).
23. Kölnische Zeitung. 1927. No. 119. No. 133. No. 144. 1929. No. 33. No. 41. No. 395. No. 398.
24. Koloniale Rundschau. 1928. No. 4.
25. Kuenzli R. E. John Heartfield and the Arbeiter-Illustrierte-Zeitung // Journal of Communication Inquiry. 1989. T. 13. No. 1. Pp. 31–42.
26. McMeekin S. The Red Millionaire: A Political Biography of Willy Münzenberg, Moscow's Secret Propaganda Tsar in the West, 1917–1940. New Haven; London : Yale University Press, 2004. 416 p.
27. Morton C. The Arbeiter Illustrierte Zeitung in Weimar Germany // Media, Culture & Society. 1985. T. 7. No. 2. Pp. 187–203.
28. Münchener Neueste Nachrichten. 1927. No. 104.
29. Petersson F. "We Are Neither Visionaries Nor Utopian Dreamers": Willi Münzenberg, the League against Imperialism, and the Comintern, 1925–1933: Åbo Akademi-Åbo Akademi University, 2013. 574 p.
30. Smith A. L. Breitbart for the Left // Jacobin. Available at: <https://jacobin.com/2017/03/media-breitbart-willy-munzenberg-hitler-fascism-popular-front/> (date accessed: 16.08.2024).
31. Recht en Vrijheid. 1926. No. 1.
32. Übersee u. Colonial Zeitung. 1929. No. 14.
33. Weser-Zeitung. 1927. No. 202.
34. Willmann H. Geschichte der Arbeiter-Illustrierten Zeitung 1921–1938, Ostberlin, 1974.
35. Wirtschaftsdienst. 1927. No. 11.

Донесения военного агента А. П. Горлова о вооруженных силах США в 1871–1872 гг.

Никитенко Сергей Дмитриевич

аспирант кафедры всеобщей истории, Государственный академический университет гуманитарных наук. Россия, г. Москва. ORCID: 0009-0006-0978-5563. E-mail: serg777nikitenko@yandex.ru

Аннотация. В современной сложной геополитической ситуации, сопряженной с обострением взаимоотношений между Россией и зарубежными государствами, особенно актуальными становятся вопросы, связанные с обращением к эволюции их внешнеполитического взаимодействия в прошлом. И одно из важнейших мест в этом контексте занимает история русской разведки в целом и деятельности т. н. «дипломатов в погонах», или военных агентов, в частности. Целью данной статьи является анализ деятельности первого официального русского военного агента в США генерал-майора А. П. Горлова и его донесений об американских вооруженных силах, доставленных им в управление Главного Штаба Российской империи в 1871–1872 гг. Новизна исследования заключается во внедрении в научный оборот широкого ряда ранее не опубликованных документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Методология исследования базируется на принципах объективности и историзма, а также применении хронологического и сравнительно-исторического методов. В донесениях военным агентом представляется список военных округов и дивизий США, общая численность офицеров и солдат нижнего звена регулярной сухопутной армии, ее функции и комплектование стрелковым вооружением. Освещается состав флота США, количество эскадр, состояние и вооружение судов и береговых укреплений вдоль Мексиканского залива. Приводятся оценки функционирования военного и морского министерств, а также прогнозы по развитию армии и флота в целом. Автор приходит к выводу, что генерал-майор А. П. Горлов являлся профессионалом своего дела, чьи донесения демонстрируют высокое качество работы русского военного агента в США и общий уровень разведки Российской империи второй половины XIX в. Результаты исследования могут быть использованы для составления учебных пособий и научных работ по схожей тематике.

Ключевые слова: А. П. Горлов, военный агент, Морское министерство США, Военное министерство США, вооруженные силы США, разведка, Главный Штаб.

Законодательное оформление статуса института военных агентов в России было напрямую связано с неудачным исходом Крымской войны, когда в руководстве нашего государства было принято решение о проведении серьезных внутриполитических преобразований. Одним из результатов этих реформ стало широкое изменение в разведывательном деле. Так вместо дальнейшей монополии МИДа на решение вопросов зарубежной разведки, уже не удовлетворявшее растущие потребности высших военных кругов России, решено было создать специальный корпус профессиональных разведчиков, обладавших серьезной боевой подготовкой и богатым опытом, которые с июня 1856 г. в статусе военных агентов/атташе и официальных членов дипломатических представительств начинают прикомандировываться не только в главные европейские государства того времени – Францию, Великобританию, Пруссию и Австрию, но и в ряд периферийных стран, в том числе весьма удаленных, как США [1, с. 183–184]. В непосредственные обязанности военных агентов, впервые официально изложенные 10 июня 1856 г. в специальном «Проекте общих статей инструкции агентам, посылаемых за границу» и постоянно расширяющиеся вплоть до начала Первой мировой войны, входили не только сбор сведений об особенностях зарубежных вооруженных сил, но и выдвижение собственных взглядов и оценок на различные внешне- и внутриполитические события, а также отдельных военных и государственных деятелей [10, с. 141–145].

Первым официальным русским военным агентом в США являлся генерал-майор Свиты Его Величества Александр Павлович Горлов, занимавший эту должность в период с 9 апреля 1868 г. по 26 июля 1873 г. [7, л. 3 об.]. Важно отметить, что в современной отечественной историографии данная личность не является «белым пятном», поскольку на данный момент существуют работы, например, исследователей А. Б. Арбекова и А. Р. Томилина, в которых весьма подробно отражена деятельность А. П. Горлова в должности военного агента в Лон-

доне [2; 11]. В то же время к сегодняшнему дню практически отсутствуют работы, в которых донесения военного агента серьезно изучались бы в качестве исторического источника по вооруженным силам США и ее военному потенциалу во второй половине XIX в. Тем не менее необходимо указать диссертацию к. и. н. Т. Н. Ильиной [4], в которой американский период деятельности А. П. Горлова все же затрагивается, но лишь косвенно и в контексте его работы по изучению стрелкового вооружения США с целью дальнейшего использования наилучших образцов в России и перевооружения ее армии. И в связи с этим важно отметить, что, несмотря на возложенные на ген.-майора «...занятия по предмету скорострельного вооружения, не оставляющих вовсе времени для других занятий (сбор сведений о вооруженных силах. – С. Н.)...» [8, л. 9], он все же не переставал исполнять свои непосредственные должностные обязанности в качестве военного агента и доставлять важные сведения в Россию.

Так, в своем рапорте в Главный Штаб от 2/14 апреля 1871 г. А. П. Горлов представил «Краткую записку о сухопутных военных силах Соединенных Северо-Американских Штатов», в которой отмечалось, что вся территория страны поделена на 10 военных округов/департаментов (Восточный, Озерный, Южный, Техас, Дакота, Платт, Миссури, Колумбия, Калифорния и Аризона), которые в свою очередь сведены в 4 военные дивизии со своими командирами: *Восточная* (округа Восточный и Озерный) – генерал-майор Джордж Г. Мид; *Южная* (округа Южный и Техас) – генерал-майор Генри Халлек; *Миссури* (округа Дакота, Платт и Миссури) – генерал-лейтенант Филип Г. Шеридан; *Тихого океана* (округа Колумбия, Калифорния и Аризона) – генерал-майор Джон Шофильд [8, л. 24–24 об.]. Что касается общей численности регулярных сил, то, исходя из данных, полученных А. П. Горловым из отпечатанного рапорта Главнокомандующего армией США ген. Уильяма Т. Шермана в Штаб, в ноябре 1870 г. США располагали 33 666 чел., из которых: 2488 офицеров и 31 178 нижних чинов (10 полков кавалерии (9892), 5 полков артиллерии (4300), 25 полков пехоты (16 986)). В то же время существовала не входящая в регулярные силы отдельная группа нестроевых чинов численностью 3692 чел., в которую входили рекруты, команда Вест-Поинтской академии, сигнальная команда и др. [8, л. 24 об.–25].

По сведениям военного агента, функции регулярных сил США были весьма разнообразны – начиная от непосредственно военных задач и заканчивая исполнением чисто правоохранительных и милицейских функций: ведение гарнизонной службы в береговых крепостях; защита, как новых поселений на Западе и Юго-Западе, так железнодорожных и телеграфных линий; эскорт для составителей карт, железнодорожников и ученых экспедиций; содействие в сборе внутренних податей; охранение индейских резерваций; преследование тайного общества Ку-Клукс Клана [8, л. 33].

Спустя год, 17/29 апреля 1872 г. генерал-майор А. П. Горлов представил в Главный Штаб новый рапорт, в котором содержались определенные изменения в структуре вооруженных сил США в сравнении с данными из прошлого донесения.

Во-первых, была осуществлена перегруппировка в 2-х из 4-х военных дивизиях США – Южной и Миссури. В Южную дивизию, которой стал командовать сменивший ген.-майора Генри Халлека полк. Уильям Х. Эмори, вместо округа Техас был включен новосозданный округ Залив (Мексиканский), состоявший из штатов Луизиана, Арканзас и Миссисипи, а также всех фортов на восточном побережье Мексиканского залива до Флориды [8, л. 31 об., 32 об.]. Что касается военной дивизии Миссури, то сюда был добавлен округ Техас, а также произошло слияние округов Платт и Миссури в единый округ Миссури [8, л. 32, 32 об.].

По мнению ген.-майора, одним из важнейших положительных результатов данных перемен вкупе со «строгой и настойчивой» кадровой политикой правительства 18-го президента США Улисса С. Гранта и лично военного министра Уильяма У. Белкнапа, назначившее «отличных генералов» для командования, стало серьезное сокращение различных выступлений индейских племен в департаментах Дакота и Техас [8, л. 33–33 об.]. В то же время о тех штатах, в которых данное явление продолжало сохранять свою остроту, особенно в Аризоне, где, по словам Уильяма Т. Шермана, «для обеспечения пограничникам частной защиты потребуется 10 тыс. кавалеристов, которые смогут... наказать их (индейцев племени Апачи. – С. Н.), чего они, несомненно, заслуживают» [15, pp. 213–214], А. П. Горлов весьма оптимистично прогнозировал, что в будущем с созданием железных дорог и, следовательно, усилением военного контингента эти территории «получат лучшее охранение» [8, л. 34].

Во-вторых, как отмечает военный агент, согласно акту Конгресса США от 15 июля 1870 г., в регулярных силах стало происходить постепенное сокращение общего числа офицеров и

нижних чинов до 2277 и 30 000 чел. соответственно [8, л. 25–25 об.]. В результате на основании переписи 20 октября 1871 г. А. П. Горлов представляет следующие цифры: 2105 офицеров и 29 003 нижних чинов, которые впрочем, по его собственному мнению, не являются точными по ряду причин: сильной удаленности отдельных частей, смертности, дезертирства и окончания срока службы [8, л. 30–30 об.]. В своей оценке данного решения ген.-майор весьма категоричен, поскольку, по его мнению, сокращение числа регулярных сил США серьезно повлияло на увеличение затрат по их перемещению по всей территории страны из-за общего усиления в американском правительстве «потребности в их передвижении», которое к 1872 г. составляло примерно 1,5 млн долл. в год [8, л. 34–34 об.]. Отчасти решению данной проблемы должна была способствовать начатая еще в 1869 г. масштабная акция по продаже старого огнестрельного оружия и патронов Турции, оставшиеся у США после Гражданской войны [8, л. 34 об.].

Так, в своем рапорте военному министру Д. А. Милютину от 15/24 июля 1869 г. А. П. Горлов докладывал, что турецким правительством было приобретено: 114 тыс. английских Энфилдских штуцеров калибром 0.577 дюйма по цене 4 долл. за штуку, 100 тыс. американских Спрингфилдских штуцеров калибром 0.58 дюйма по цене 6 и 7 долл. за штуку, за бывшие в употреблении и совершенно новые соответственно, а также 50 млн патронов калибра 58 [6, л. 1–2]. Справедливо оценив данную сделку как «весьма выгодную», поскольку она принесла правительству США чуть более 10 млн долл., военный агент предполагал, что использование данной политики также было бы весьма полезно и для России, которая аналогичным образом могла бы продавать устаревшее вооружение странам Азии и Африки [8, л. 34 об.].

В дальнейшем полученные от данной продажи деньги американское правительство планировало потратить на перевооружение собственной армии. Тем не менее к 1872 г. так и не был окончательно выбран итоговый образец огнестрельного оружия, поскольку, как отмечает А. П. Горлов, из ружей 5-ти различных систем наиболее предпочтительными являлись ружья систем Спрингфилда и Ремингтона, у которых были свои сторонники: непосредственно в войсках и у отдельных членов комитетов и Конгресса соответственно, что создавало определенный спор между ними [8, л. 35]. Вместе с этим к этому моменту уже было создано 10 тыс. Ремингтоновских скорострельных ружей, которые, по словам военного агента, были «неблагоприятные» из-за созданных еще в 1869 г. «особенно дурных» патронов к ним, которые давали почти 25–30 % осечек, и вследствие чего военным министерством было принято решение о продаже данных ружей в частные руки [8, л. 43–43 об.]. Собственно, практически аналогичная ситуация была и в вопросе выбора ручного оружия для милицейских соединений штатов, которая выражалась в конфликте интересов между казенной Спрингфилдской фабрикой и частными оружейными заводами [8, л. 35–35 об.].

Что касается вопроса вооружения американских береговых крепостей, то и здесь существовали определенные проблемы. По оценке ген.-майора, правительство США, осознавая возможность военных осложнений с Испанией вдоль Мексиканского залива, вызванных продолжавшейся Десятилетней войной на о. Куба (1868–1878 гг.), и вследствие с этим необходимость установки 12-дюймовых нарезных скорострельных пушек вдоль него, в то же время особо не стремилось к проведению специальных опытов с такими орудиями, что прямым образом было связано с малым бюджетом военного министерства, который в тот период, по донесению военного агента, составлял всего около 40 млн долл. [8, л. 35 об., 37 об.], а если более точно, то даже 32.766.493 долл. [5, с. 104]. В результате, помимо вооружения береговых укреплений устаревшими 15-дюймовыми гладкоствольными пушками до конца также не был решен вопрос и о выборе конкретного рода казематированных построек и лафетов для защиты пунктов особой важности в береговых укреплениях [8, л. 36–37 об.]. Как справедливо отмечал А. П. Горлов, «такая сумма бюджета... недостаточна для успешного ведения дела и неимение нарезных пушек большого калибра, ни надежных приморских укреплений – составляет результат этой чрезмерной экономии» [8, л. 37 об.–38]. В то же время справедливости ради стоит отметить, что определенные меры американским военным министерством в вопросе обороны береговых укреплений все же проводились. Так, по донесению военного агента, были направлены серьезные усилия для заграждения фарватеров подводными минами, что было выражено в подробнейшем изучении формы дна главных приморских гаваней, а также направлении, скорости и величины течений, что в итоге, по оценке А. П. Горлова, должно было «... принести пользу... для военной цели» [8, л. 36 об.–37].

Другим важнейшим аспектом, на который обращал свое внимание А. П. Горлов в своем рапорте в Главный Штаб от 17/29 апреля 1872 г., является состояние военного флота США в тот период.

Как отмечал ген.-майор, к концу 1871 г. из общего числа американских судов – 29 парусных и 150 паровых с 1390 пушками, непосредственно на действующей службе у США находилось всего 52 деревянных судна с 601 орудием, а также 1 монитор «Теттог», к которым могли быть включены лишь 6 деревянных судов из общего числа, поскольку оставшиеся 120 были либо разоружены, либо находились в ремонте вследствие серьезной коррозии дерева [8, л. 40–40 об.]. Вместе с этим А. П. Горлов также представил распределение судов и количество орудий по 5 эскадрам и назвал их командиров: *Северо-Атлантическая* (10 судов, 70 пушек) – контр-адм. Сэмюэл Ф. Ли; *Южно-Атлантическая* (4 судна, 40 пушек) – контр-адм. Джозеф Ланман; *Тихого океана* (9 судов, 99 пушек) – контр-адм. Джон А. Уислоу; *Европейская* (8 судов, 139 пушек) – Чарльз С. Боггс; *Азиатская* (9 судов, 97 пушек) – контр-адм. Торнтон А. Дженкинс [8, л. 41–42].

В своем донесении А. П. Горлов указывал, что наибольшее предпочтение американское правительство предавало именно Азиатской эскадре, что не в последнюю очередь было связано с достаточно успешной для США Корейской экспедицией 1871 г., т. н. «Синмиянэ». Не представив ее подробное описание, военный агент тем не менее весьма точно определил количество американских солдат, участвовавших в нападении на крепость Квансондин, указав число 641 [8, л. 45 об.], в то время как современные исследователи насчитывают – 650 чел. [12, с. 76]. Вместе с этим ген.-майор отмечал, что именно на основании отчета о данной экспедиции были приняты следующие решения: вместо адм. Дж. Роджерса назначить командиром Азиатской эскадры упомянутого выше контр-адм. Торнтон А. Дженкинса, имевшего «самую высокую репутацию в Америке»; усилить Азиатскую эскадру 5 новыми суднами, способными «сидеть всего от 6 до 10 фут у азиатских берегов и в состоянии нести вооружения из 1 или 2 пушек большого калибра», за счет 3-х новых колесных пароходов, построенных по образцу парохода «Palos», и 2-х корветов – высланных из Нью-Йорка и Европейской эскадры [8, л. 42–42 об.].

Параллельно с этим из-за революционных движений на о. Куба, происходивших в 1870-е гг., США также держало наготове и части своих Северо- и Южно-Атлантических эскадр, сосредоточив их вокруг Антильских островов. Но, как отмечал военный агент, несмотря на серьезное желание большинства американцев поддержать восстание на Кубе и «отбить сказанный остров от Испании», со стороны американского правительства никаких активных действий по данной проблеме не предпринималось [8, л. 42 об., 45]. В то же время А. П. Горлов, никак не освещая историю Десятилетней войны и политику американского правительства по ней, которое, по весьма точной оценке исследователя Л. А. Ивкиной, «пыталось не замечать... что на Кубе продолжается вооруженная борьба» [3, с. 273], отчасти связывал данное решение с общей слабостью флота США. Так, например, высказывая собственное мнение, он отмечал: «Несмотря на удачный опыт Корейской экспедиции... едва ли можно полагать, что американцы будут в состоянии высадить... силу, превосходящую 3000 чел.» [8, л. 45–45 об.]. Данная оценка недалека от истины, поскольку ген.-майор рядом приводил публичное мнение морского министра США Джорджа М. Робсона, который отмечал, что «при теперешнем положении... задача высадить на остров Кубу 5000 человек совершенно не разрешима» [8, л. 45]. В итоге, касаясь проблемы участия США в кубинском восстании, А. П. Горлов весьма категорично заключил, что «6 отличных броненосных судов Испании держат в почтении деревянные американские суда...» [8, л. 45].

Исходя из данных сведений о численности и состоянии американского флота, неудивительным является и его оценка со стороны высшего морского начальства, офицеров и прессы США, которая, по словам военного агента, была «весьма неудовлетворительной» [8, л. 44 об.]. Данное положение, весьма схожее с аналогичным в военном министерстве, было прямым следствием уменьшения Конгрессом страны бюджета на военный флот до 20 млн долл., что, по замечанию А. П. Горлова, «при высоких ценах здешней работы и судостроения, делает невозможным поддержку такого флота, который бы соответствовал потребностям и стремлениям этого “предприимчивого деятельного и беспокойного народа”» [8, л. 44 об.]. Тем не менее справедливости ради важно отметить, что к этой сумме также добавлялось еще 507 200 долл. для работ по улучшению верфей и устройству морских станций [5, с. 105], которые в целом не могли кардинально изменить ситуацию.

Для решения проблемы модернизации флота США американским правительством решался ряд вопросов частного характера, которые, по справедливой оценке А. П. Горлова, изначально не могли в корне изменить ситуацию, поскольку они были способны принести лишь «малые плоды» [8, л. 45 об.]. В то же время нельзя отрицать тот факт, что морское министерство и лично Джордж М. Робсон действовали в рамках назначенного Конгрессом бюджета, ко-

торый не позволял проведение более глубоких изменений. Кроме этого, следует отметить и тот факт, который отсутствует в донесениях военного агента, что данный бюджет не изменялся с 1870 г., когда общее количество судов было меньше почти в 3 раза [59 [13, с. 113]], соответственно как и расходов на их обслуживание [5, с. 105].

Говоря о данных инициативах, здесь важным событием являлось проведение опытов с новым типом судов. Как указывал ген.-майор, в конце 1871 г. Конгрессом США было ассигновано 600 тыс. долл. на создание 2 т. н. «Torpedo-boats», которые вместе с серьезной броней имели высокий скоростной ход в обоих направлениях. Несмотря на тот факт, что к моменту составления данного донесения А. П. Горловым эти суда лишь проходили испытания под руководством начальника американского флота адмирала Дэвида Д. Портера, тем не менее они уже дали определенные положительные результаты: мина в 164 фунта пороха, погруженная на глубину 13,5 фут и выдвинутая от судна на расстоянии 18,5 фут, своим взрывом никак не повлияла на судно, лишь отодвинув его на 8–10 фут [8, л. 44]. Вместе с этим было создано 10 15-дюймовых гладкоствольных пушек, а также заказано на заводе Кольта 25 скорострельных пушек системы Гатлинга, которые в 1872 г. хотя еще и не были испытаны, но уже поступили на службу [8, л. 42 об.–43, 43 об.].

В своих донесениях А. П. Горлов отмечал, что существующие в американском флоте проблемы осознавались как самим Джорджем М. Робсоном, так и Дэвидом Д. Портером, которые докладывали в Конгресс о необходимости проведения определенных изменений, носивших более глубокий характер, а именно: создание в течение 3-х лет 6 малых броненосных судов, отличных от системы монитора, имевших на вооружении 2 пушки «самого большого калибра» и построенных исключительно из железа, а также 12 деревянных и 6 железных не броненосных паровых судов; усовершенствование морских арсеналов в Виргинии и Флориде, а также возведение 2-х новых верфей – на берегах Атлантики (League Islands, Пенсильвания) и Тихого океана (Mare Island в гавани С. Франциско, «так сказать, vis a vis Японии»); содействие постройке нарезных пушек большого калибра, которые, «по убеждению адмирала Портера,... неизбежно необходимы» для борьбы с броненосными судами и для береговой обороны [8, л. 46–47].

Но все же нельзя не согласиться с точкой зрения военного агента, который справедливо указывал на невозможность улучшения общего состояния американского флота, пока «продолжается нынешний порядок вещей» в США в целом и «существуют злоупотребления» в морском министерстве в частности [8, л. 45, 45 об.]. И в своей оценке А. П. Горлов не далек от истины. Вторая половина XIX в. – время серьезного упадка американского флота, который за этот период регрессировал не только в военной части, но в вопросе торгового судоходства, о чем красноречиво говорит снижение общего торгового тоннажа в 1860–1900 гг. с 2,5 млн до 800 тыс. тонн [13, с. 113]. Апофеозом же данной политики правительства США к своему флоту стала реакция в 1877 г. преемника Джорджа М. Робсона на посту морского министра Ричарда У. Томпсона, который «был однажды крайне удивлен, узнав, что все корабли внутри имеют пустоту» [14, р. 242].

Таким образом, анализ донесений, направленных в Главный Штаб русским военным агентом в США ген.-майором А. П. Горловым в 1871–1872 гг., способен свидетельствовать о высоком профессиональном уровне последнего в качестве разведчика. В своих донесениях военный агент весьма подробно изложил не только общую численность, состав и служебные обязанности армии США, но и осветил состояние американского флота. Вместе с этим А. П. Горлов также представил собственное видение вооруженных сил США, о которых он не только оставлял комментарии на различные решения американского военного и морского министерств, в особенности по проблемам стрелкового вооружения и состояния судов, но и прогнозировал перспективы развития флота этой страны. В связи с этим справедлива оценка, данная ген.-майору А. П. Горлову начальником ГАУ (1862–1881 гг.) ген. А. А. Баранцовым в своем докладе на имя военного министра А. Д. Милютина от 22 октября 1872 г.: «Русский Военный агент в Америке... Горлов в течение последних лет... находясь в исключительном положении... энергически и старательно исполнял свои обязательства...» [9, л. 1 об.–2].

Список литературы

1. Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М. : Вече, 2010. 480 с.
2. Арбеков А. Б. Роль военных агентов (атташе) в англо-русском соперничестве на Востоке в конце 70-х гг. XIX века на примере деятельности А. П. Горлова // Война и оружие. Новые исследования и материалы. 2021. Ч. 1. С. 85–100.

3. *Ивкина Л. А.* Десятилетняя война за независимость на Кубе, 1868–1878. М. : Наука, 2007. 318 с.
4. *Ильина Т. Н.* Деятельность военных агентов по перевооружению русской армии в период военной реформы 60-х – 70-х годов XIX в. : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история». СПбГУ. СПб., 2010. 545 с.
5. Иностранное военное обозрение // Военный сборник, издаваемый по высочайшему повелению: год пятнадцатый. Т. 84. СПб., 1872. 640 с.
6. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 401 Военно-ученый комитет Главного штаба, г. Петербург. Оп. 2/1869 г. Д. 96.
7. РГВИА. Ф. 453 Америка (коллекция). Оп. 1. Д. 5.
8. РГВИА. Ф. 453 Америка (коллекция). Оп. 1. Д. 6.
9. РГВИА. Ф. 504 Главное артиллерийское управление (ГАУ), г. Петербург (Петроград). Оп. 3. Д. 1317.
10. *Сергеев Е. Ю., Улуян А. А.* Военные агенты в системе разведывательной службы Российской Империи // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 4. С. 123–161.
11. *Томилин А. Р.* Подвиги разведчика: военный агент Александр Горлов, работавший в Лондоне, многое сделал для предотвращения русско-британской войны // Родина. 2020. № 3. С. 98–101.
12. *Шарафетдинова А. И.* Политика США в Корею в 1866–1905 гг.: 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики» : дисс. ... канд. ист. наук / Институт Востоковедения РАН. М., 2014. 238 с.
13. *Ющак К.* Военно-морские силы США (исторический очерк) // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 108–120.
14. *Eckenrode H. J., Rutherford B. Hayes:* Statesman of Reunion. NY, 1963. 363 p.
15. *Utley R. M.* Frontier Regulars: The United States Army and the Indian, 1866–1891. NY, 1973. 462 p.

Reports of military agent A. P. Gorlov on the US Armed Forces in 1871–1872

Nikitenko Sergey Dmitrievich

postgraduate student of the Department of Universal History, State Academic University of Humanities.
Russia, Moscow. ORCID: 0009-0006-0978-5563. E-mail: serg777nikitenko@yandex.ru

Abstract. In the current complex geopolitical situation, coupled with the aggravation of relations between Russia and foreign countries, issues related to addressing the evolution of their foreign policy interaction in the past are becoming especially relevant. And one of the most important places in this context is occupied by the history of Russian intelligence in general and the activities of the so-called "diplomats in uniform", or military agents, in particular. The purpose of this article is to analyze the activities of the first official Russian military agent in the United States, Major General A. P. Gorlov and his reports on the American armed forces, which he delivered to the Directorate of the General Staff of the Russian Empire in 1871–1872. The novelty of the research lies in the introduction into scientific circulation of a wide range of previously unpublished documents of the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The research methodology is based on the principles of objectivity and historicism, as well as the use of chronological and comparative historical methods. In the reports, the military agent provides a list of military districts and divisions of the United States, the total number of officers and soldiers of the lower level of the regular land army, its functions and acquisition of small arms. The composition of the US navy, the number of squadrons, the condition and armament of ships and coastal fortifications along the Gulf of Mexico are highlighted. Estimates of the functioning of the military and maritime ministries are given, as well as forecasts for the development of the army and navy as a whole. The author concludes that Major General A. P. Gorlov was a professional in his field, whose reports demonstrate the high quality of the work of a Russian military agent in the United States and the general level of intelligence of the Russian Empire in the second half of the XIX century. The results of the research can be used to compile textbooks and scientific papers on similar topics.

Keywords: A. P. Gorlov, military agent, US Department of the Navy, US Department of War, US Armed Forces, intelligence, General Staff.

References

1. *Alekseev M. N.* Voennaya razvedka v Rossijskoj imperii – ot Aleksandra I do Aleksandra II [Military intelligence in the Russian Empire – from Alexander I to Alexander II]. M. Veche, 2010. 480 p.
2. *Arbekov A. B.* Rol' voennyh agentov (attashe) v anglo-rossijskom sopernichestve na Vostoke v konce 70-h gg. XIX veka na primere deyatel'nosti A. P. Gorlova [The role of military agents (attaches) in the Anglo-Russian rivalry in the East in the late 70s of the XIX century on the example of A. P. Gorlov's activity] // *Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* – War and Weapons. New research and materials. 2021. Part 1. Pp. 85–100.

3. Ivkina L. A. *Desyatiletnyaya vojna za nezavisimost' na Kube, 1868-1878* [The Ten-year War for Independence in Cuba, 1868-1878]. M. Nauka (Science), 2007. 318 p.
4. Il'ina T. N. *Deyatel'nost' voennykh agentov po perevooruzheniyu russkoj armii v period voennoj reformy 60-h - 70-h godov XIX v.: 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya" : diss. ... kand. ist. nauk* [The activity of military agents for the rearmament of the Russian army during the military reform of the 60s - 70s of the XIX century: 07.00.02 "National history" : diss. ... PhD in Historical Sciences] / St. Petersburg State University, SPb., 2010. 545 p.
5. *Inostrannoe voennoe obozrenie* – Foreign military review // *Voennyj sbornik, izdavaemyj po vysochajshemu poveleniyu: god pyatnadcatyj* – Military collection, published by the highest command: the fifteenth year. Vol. 84. SPb., 1872. 640 p.
6. RSMHA (Russian State Military Historical Archive). F. 401 Military Scientific Committee of the General Staff, St. Petersburg. Inv. 2/1869. File 96.
7. RSMHA. F. 453 America (collection). Inv. 1. File 5.
8. RSMHA. F. 453 America (collection). Inv. 1. File 6.
9. RSMHA. F. 504 Main Artillery Directorate (GAU), St. Petersburg (Petrograd). Inv. 3. File 1317.
10. Sergeev E. Yu., Ulunyan A. A. *Voennye agenty v sisteme razvedyvatel'noj sluzhby Rossijskoj Imperii* [Military agents in the intelligence service of the Russian Empire] // *Russkij istoricheskij zhurnal* – Russian Historical Journal. 1998. Vol. 1. No. 4. Pp. 123-161.
11. Tomilin A. R. *Podvigi razvedchika: voennyj agent Aleksandr Gorlov, rabotavshij v Londone, mnogoe sdelaal dlya predotvrashcheniya rusko-britanskoj vojny* [The exploits of a scout: military agent Alexander Gorlov, who worked in London, did a lot to prevent the Russian-British war] // *Rodina* – Motherland. 2020. No. 3. Pp. 98-101.
12. Sharafetdinova A. I. *Politika SShA v Koree v 1866-1905 gg.: 07.00.15 "Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij i vneshnej politiki" : diss. ... kand. ist. nauk* [U.S. policy in Korea in 1866-1905: 07.00.15 "History of international relations and foreign policy" : diss. ... PhD in Historical Sciences] / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, M. 2014. 238 p.
13. Yushchak K. *Voенно-морские силы SShA (istoricheskij ocherk)* [U.S. Naval Forces (historical essay)] // *Historical Journal*. 1941. No. 9. Pp. 108-120.
14. Eckenrode H. J., Rutherford B. Hayes: Statesman of Reunion. NY, 1963. 363 p.
15. Utley R. M. *Frontier Regulars: The United States Army and the Indian, 1866-1891*. NY, 1973. 462 p.

Эпоха «джинового безумия» в Англии первой половины XVIII в.

Майоров Кирилл Владимирович

аспирант кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет
им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург. E-mail: kir261297@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен «джинового безумия» в истории Англии первой половины XVIII в. Поиск пути наполнения бюджета, прежде всего, для ведения войны на континенте, подтолкнул правительство Вильгельма III Оранского на принятие ряда законодательных актов, способствующих росту числа винокуров. Налоговые льготы на производство спирта из английского сырья стимулировали винокуров на массовое производство джина. Простота и дешевизна производства джина сделали его популярным напитком среди жителей Лондона начала XVIII в. Рост количества преступлений и бедности современниками связывался с популярностью джина, прежде всего, среди бедных лондонцев. Просветители и «борцы» за мораль на протяжении 50 лет обращали внимание на опасность джинового пьянства. Автор сосредоточил свое внимание на законодательных актах, регулирующих производство и продажу джина, в контексте их общественного обсуждения, и показал, как разливные социальные группы реагировали на рост преступности и бедности в рамках обсуждения обострившейся проблемы пьянства. Особое внимание уделено точке зрения Даниэля Дефо как наблюдателя и критика «джиномании». Статья показывает, что «джиновое безумие» было не только социальной проблемой, но и стало предметом политических дебатов и вызвало общественный резонанс. В заключении автор приходит к выводу о том, что «джиномания» явилась маркером глубинных изменений в английском обществе, с одной стороны, она задавалась бурным развитием рыночных отношений, с другой же, нарастанием острых социальных проблем в Англии первой половины XVIII в.

Ключевые слова: джиновое безумие, Великобритания, XVIII в., бедность, преступность, пьянство.

«Твои достоинства, о Женева! Еще не воспеты, древними или нынешними бардами, О муза! Вскоре воспоют в возвышенных стихах» [4, р. 16]. Подобные восторженные отзывы алкогольному напитку в сатирической опере Джона Гея могут показаться современному читателю шуткой. Однако английское общество столкнулось в первой половине XVIII в. с невиданным доселе разгулом пьянства, преступности и иных человеческих пороков. Стремительные преобразования конца XVII – первой половины XVIII в. ознаменовались ростом экономики, появлением новых финансовых инструментов: государственного долга, активного появления акционерных компаний и первого государственного банка – Банка Англии в 1694 г. Перемены несли как благополучие в виде новых способов обогащения, так и социальные потрясения. Быстрый рост населения Лондона, прежде всего за счет миграции, приводил к увеличению бедности, а вместе с ней и преступности. Сезонные работы, неспособность приходской системы справляться с оказанием помощи нуждающимся приводили к тому, что отдельные районы Лондона превращались в места обитания бедных и нищих, единственное развлечение которых сводилось к посещению блажащего кабака. Именно в этих условиях и расцветает «джиновое безумие».

«Джиновое безумие», или «Лондонская джиномания» (далее просто «джиномания») – историографический термин, который описывает период увлечения крепким и дешевым напитком джином в среде городского населения Лондона первой половины XVIII в. Дешевизна джина, его доступность и отсутствие жесткого контроля со стороны властей привели к тому, что употребление джина приобрело массовый характер. «Джиновое безумие» можно назвать одним из самых ярких символов переходной эпохи в Англии – болезненный переход от традиционных христианских ценностей к формированию индивидуалистической буржуазной морали.

Производство джина основывалось на простом принципе: сперва, как при изготовлении пива или эля из сырья (зерно, патока, фрукты), путем ферментации получали брагу (wash). Затем брагу перегоняли, получая «слабые вина» (low wines), он же спирт-сырец. Чтобы получить готовый джин, эти «слабые вина» подвергали повторной перегонке, добавляя в процессе ароматизаторы, такие как ягоды можжевельника и различные травы [21, р. 17]. Происхожде-

ние слова «джин» ведут от голландского «Juniper», которое имеет латинские корни и означает «можжевельная ягода». Изначально джин воспринимался как голландский напиток [1, с. 52]. Переняв слово, англичане, как говорит Мандевиль, изменили его, произнося Женевр (Geneva), и в конечном итоге оно стало произноситься как джин (Gin): «Нет ничего более пагубного ни для здоровья, ни для бодрости и работоспособности бедняков, чем пресловутый напиток, название которого происходящее от голландского «Juniper» ... из слова средней длины оно сократилось до односложного опьяняющего джина» [13, р. 86].

Джин современники называли «Мадам Женева» (Madam Geneva). Прозвище Мадам Женева появилось в одном сатирическом произведении, выпущенном анонимом в 1713 г. В нем описывается шуточный процесс над Мадам Женовой – дворянкой, родившейся в голландской семье и выросшей в Англии [17, р. 14]. Ее обвиняли в провоцировании лени, болезни и неверности среди мужей и развратности среди женщин. Приговором суда Мадам Женева была казнена, а ее труп забальзамировали и 10 дней выставляли на показ толпе.

Несмотря на то, что существуют разные мнения о причинах появления и характере джиномании, большинство историков в вопросе о том, когда впервые джин появился в Англии, единодушно ссылаются на произведение Даниэля Дефо (1660–1731) «Краткое изложение ситуации с дистилляцией: торговли дистилляторами в Англии, показывающее, насколько в интересах Англии поощрять указанную торговлю» (1726) [7]. По словам Дефо, впервые с этим напитком познакомились английские солдаты во время Тридцатилетней войны (1618–1648), а уже в период англо-голландских войн джин стал популярнейшим напитком в армии как у офицеров, так и рядовых солдат [7, р. 25]. Дефо считал, что широкое употребление джина произошло после Реставрации Стюартов и во многом привело к нравственному раскрепощению: «Наше пьянство как национальный порок начинает свою эпоху во время Реставрации 1661–1662 гг. или в течение нескольких лет после нее» [7, р. 17]. Примечательно, что Дефо в своей «истории английского пьянства» упускает, если не сказать, сознательно замалчивает роль в этой истории Вильгельма III Оранского. А между тем, именно в законотворческой деятельности Вильгельма III Оранского берет свои корни лондонская джиномания.

Одним из следствий Славной революции 1688/1689 г. стал переход прерогативы монарха в вопросах выплаты государственного долга в руки парламента. Король более не имел права в одностороннем порядке прекращать выплату процентов по займам или освобождать себя от всех долгов [11, р. 812]. Гарантом выплаты долгов и дивидендов становится английское правительство, что способствовало росту доверия частных вкладчиков: «Ни один человек, одолживший свои деньги правительству под кредит парламентского фонда, не был обманут в своей собственности» [9, р. 4]. Появляется новый институт, который занимается кредитованием правительства – Банк Англии. Начинается активное формирование рынка ценных бумаг, где главенствующее положение занимают государственные облигации [2, с. 130].

Трансформацию претерпела фискальная политика. Прежде всего, в рамках данной статьи нас интересуют пошлины и акцизы. Мы сосредоточим свое внимание на актах 1688 г., 1690 г. и так называемых «джиновых актах» 1729, 1737 и 1751 гг. На примере публичного обсуждения этих актов можно проиллюстрировать не только беспрецедентное увеличение производства этого напитка, но и бурную общественную реакцию, которая сопровождала принятие законов.

Англо-французское соперничество свело на нет легальную торговлю между двумя странами, что отразилось на государственных доходах от сбора акцизов и пошлин. В частности, согласно Акту о «Запрещении всякой торговли с Францией» 1688 г. [22], под запрет попало французское бренди. Это, в свою очередь, спровоцировало принятие «Акта о поощрении перегонки бренди и спиртных напитков» 1690 г. [23]. Согласно этому закону, менялась налоговая политика по отношению к производителям спирта, получаемого не процессом брожения, а винокурения. Закон поощрял дистилляцию «слабых вин» из английского сырья¹ и облагал дополнительными пошлинами тех, кто получал первоначальную смесь (брагу) из других компонентов, например, мелассы, которую завозили из Вест-Индии. Акцизной платой в один пенни за галлон облагались «слабые вина», продукт первой перегонки. Затем из «слабого вина» путем добавления ягод можжевельника и других ингредиентов и повторной дистилляции получали джин. На практике добавление можжевельника вскоре стало необязательным, и его заменили другими компонентами, но затем все равно продавали как джин. Однако важнее то, что Акт 1690 г. фактически разрушил монополию одной из ливрейных

¹ В тексте закона речь идет о зерне (corn): пшенице, ржи, ячмене и других злаках.

компаний под названием «Благочестивая компания винокуров» (Worshipful Company of Distillers), основанной в 1638 г.

Выгоду от Акта 1690 г. получили многие. Производители зерна получили рынок сбыта для низкокачественного сырья, которое не было пригодно ни для варки пива, ни для выпечки хлеба. Отмена монополии и низкие акцизные сборы открыли двери для сотен и тысяч частных винокуров, которые производили джин у себя дома. И разумеется, выгоду приобрело государство, которое за счет общего объема производимого «слабого вина», из которого потом делали джин, получало значительные средства от сбора акцизов.

Лондон первой четверти XVIII в., с одной стороны, переживал экономический подъем, связанный с быстрыми темпами роста населения, биржевой и товарной торговли, но, с другой стороны, с новой силой расцвели социальные проблемы – бедность, проституция и преступность. Город перешагнул рубеж в полмиллиона жителей еще на исходе XVII в. [10, р. 648]. Население было распределено неравномерно. Богатые жители концентрировались в центральных районах, тогда как значительная часть новоприбывших жила в перенаселенных и бедных районах города на окраинах. Наиболее полно охарактеризовал Лондон тех лет Даниэль Дефо, назвав английскую столицу «чудовищем-переростком» [6, р. 291].

Первые серьезные попытки ограничить объем производства джина были предприняты в 1726 г. судьями Мидлсекса под руководством Джона Гонсона, яркого борца с безнравственностью. Именно он изображен входящим в комнату блудницы на третьей гравюре Уильяма Хогарта «Карьера блудницы» (A Harlot's Progress, 1732). Хотя сама проблема поднималась чиновниками Мидлсекса еще в 1721 г. [15, р. 252]. Согласно отчету мировых судей от 13 января 1726 г. в районе Вестминстера и Мидлсекса зафиксировано шесть тысяч сто восемьдесят семь (6187) точек распространения джина, в некоторых районах джин продавали в каждом пятом доме [15, р. 91]. Судьи констатировали, что джин продают везде: в продуктовых лавках, в передвижных тележках, в подвалах обычных домов.

Члены комиссии особенно отмечали опасность употребления джина среди бедных слоев населения и негативные последствия для их работоспособности, рекомендовали срочно повысить акцизы на дистиллированные напитки [15, pp. 91–93]. К сожалению, для мировых судей Мидлсекса, а также борцов из Общества исправления нравов, парламент не пришел в 1726–1728 гг. к единому мнению насчет повышения акцизов на «слабые вина». Часть исследователей склоняется к мнению, что успеху винокуров содействовал Даниэль Дефо, который в «Кратком изложении ситуации с дистилляцией» выступил в поддержку торговли джином [17, р. 65]. Однако он признавал, что «полезность» торговли джином со временем может исчезнуть: «То что является общественным благом сегодня, может быть общественным горем завтра; и то, что закон принимается для поощрения в одно время, может потребовать [нового] закона для запрета и предотвращения в другое [время]» [7, р. IV].

Однако уже в 1728 г. Даниэль Дефо под псевдонимом Эндрю Моретон выступил с резкой критикой джиномании: «Я не могу не обратить внимание на неумеренное употребление или, скорее, злоупотребление этим тошнотворным напитком под названием "Женева" среди людей низшего происхождения» [8, р. 32]. Дефо так описывает джин: «В природе нет более вредного для здоровья напитка, чем женеvский, особенно в том виде, в каком он обычно продается; он сворачивает кровь, притупляет чувства, ослабляет нервы, портит зрение и совсем портит желудок» [8, р. 33]. Надо заметить, что данное сочинение вышло в период очередного парламентского обсуждения повышения акцизов на джин. Дефо предрекает вырождение английской нации в течение ста лет, если не получится избавиться от джина. Избавиться же от джина он предлагает при помощи повышения пошлин и акцизов: «Снижение акциза, хотя и очень значительное и весьма достойное внимания, никоим образом несравнимо с испорченностью нравов, разрушением здоровья и всеми другими бедствиями, которыми нам угрожает пагубная Женева» [8, р. 13].

Первый Акт против джина был подписан в 1729 г., после чего производители напитков должны были платить пять шиллингов за галлон, а также каждый год оплачивать лицензию в размере двадцати фунтов. Однако формулировка в акте понятия «джин» давала возможность производителям избегать уплаты налогов. Большинство винокуров незначительно изменило формулу конечного продукта и таким образом уходило от необходимости оформлять лицензию и платить требуемую сумму. Такой напиток современники называли «парламентским бренди» [19, pp. 193–238]. Интересно, что именно крупные производители выступили за пересмотр неэффективных законов, поскольку они фактически игнорировали их конкурентов – тысячи мелких винокуров и нелегальных продавцов джина.

Закон 1729 г. оказался лишь временной мерой. Религиозные лидеры и реформаторы морали продолжали протестовать против роста производства джина и фактически отсутствия регулирования в этой отрасли. Идея продажи лицензий на производство джина провалилась. У государства не хватало средств принуждения и контроля. Можно сказать, что рынок производства джина был неподконтролен правительству. Участвовавшие случаи разбоя, убийств и иных преступлений все чаще связывали с повсеместным пьянством и пристрастием к джину.

В контексте данной статьи нас интересуют преступления, в которых джин упоминается как один из главных факторов совершения преступления. Для этого мы обратимся к ординариям тюрьмы Ньюгейт (The Ordinary of Newgate). Они представляли собой смесь биографии, предсмертной речи преступника, приговоренного к смертной казни, а также морально-нравственного послания читателю. Они распространялись в дни казни на Тайбернской площади за небольшую цену многотысячными тиражами. Любопытно, что, по словам современников событий, заключенные по пути в Тайберн зачастую не могли сидеть на своих скамейках, до такой степени они были пьяны [14, p. 11].

Пожалуй, хрестоматийна в данном контексте история падшей женщины Джудит Дефур (1701–1734). Ее биография известна благодаря капеллану Ньюгейтской тюрьмы Джеймсу Гатри. История Джудит представляет собой типичный пример жизни бедной провинциальной девушки, оказавшейся в английской столице: «[родилась] от честных, но бедных родителей, живших в Спиталфилдсе, которые не дали ей никакого образования в школе и мало наставляли ее в христианской вере, в которой она была совершенно невежественна ... На службе [экономкой] она попала в дурную компанию, и у нее появился незаконнорожденный ребенок, который затем умер; а после у нее родился еще один несчастный ребенок» [16, p. 6]. Личность отца оставалась неизвестной, а тридцатилетняя мать-одиночка оставляла свою дочь в работном доме и несколько раз в неделю навещала ее. В один из дней посещения, а именно 27 января 1734 г., Джудит Дефур забрала свою дочь, одетую в новую одежду, и совместно с другой женщиной жестоко убила трехлетнюю дочь: «они завязали на шее ребенка платок, каждая из них тянула за концы, чтобы задушить; и наконец они бросили ее тело в канаву. Вещи, отобранные у ребенка, были обменены на четверть галлона джина» [16, p. 7].

Составитель ординарии отмечал «противоестественную реакцию» Дефур на смерть ее ребенка: «Джудит Дефур была очень жестокосердной, однажды она заплакала, когда я заговорил об убийстве; но потом, когда я проповедовал на эту тему, она сидела тихо и не выглядела обеспокоенной, хотя я раскрыл перед ней ее преступление в самых трогательных и ясных выражениях» [16, p. 6]. Капеллан находил объяснение подобной черствости в отсутствии бога в жизни Дефур, а также в ее пьянстве, которое стало «спусковым крючком» преступления: «Она много пила и сквернословила, ей была противна добродетель и трезвость, любила гнусные компании и была готова совершать самые ужасные поступки» [16, p. 8]. Джудит Дефур была приговорена к смертной казни. Подобный случай не мог остаться незамеченным современниками. Дефур стала прообразом для Уильяма Хогарта, изобразившего ее роняющей ребенка в центре своей картины «Переулок джина» [17, p. 208]. Ее образ впоследствии часто использовался для демонстрации пагубного влияния джина на душу человека. Безусловно, Джудит Дефур была не единственной и даже не первой, кого джин подтолкнул на совершение преступления.

Взаимосвязь преступлений и джинового пьянства не раз обсуждались во время парламентских сессий, однако наибольшие споры среди парламентариев в 1736 г. вызвало не бедственное положение английского народа, как об этом говорилось в газетах и памфлетах, а судьба 70 тыс. фунтов, которые должны были войти в гражданский лист, статью национального бюджета, предназначенного для содержания короля и его семьи. Активы гражданского листа формировались за счет изъятия определенной доли денежных средств из суммы общих акцизных сборов на пиво, эль и дистилляцию. В парламентском отчете говорилось: «... главный вопрос, о котором сейчас идет спор, заключается в том, имеет ли гражданский лист безусловное право на эту долю; не можем ли мы принять регулирующее правило, по которому стоимость этой доли может быть уменьшена без предоставления компенсации из какого-либо другого фонда?» [19, pp. 193–238].

Во время этой же сессии был заслушан очередной доклад судей Мидлсекса, которые предложили увеличить пошлины и лицензионный сбор до 50 фунтов в год. Против этого выступил премьер-министр Роберт Уолпол: «Пошлины, которые предлагается ввести на спирт-

ные напитки, несомненно, значительно уменьшат их потребление, но наряду с этим не следует ожидать, что пошлины на эти напитки будут приносить ежегодно столько же, сколько они приносили раньше» [18, pp. 130–159]. Он напомнил парламентариям о необходимости пополнения казны с целью выплат жалования и погашения государственного долга.

Из дебатов мы также можем узнать примерные масштабы джиномании в 1736 г. По словам противников выделения дополнительных 70 тыс., на территории Вестминстера и двух небольших частей северного Лондона находилось 7044 точки розничной торговли джином. С учетом же приходов, которые были включены в зону охвата бюллетеней смертности (чуть больше половины Лондона)², таких точек было более 20 тыс. Парламентарии не пребывали в иллюзиях касательно того, кто пьет джин и какое влияние он оказывает на людей: «большая часть нынешней суммы акциза поступает от разврата и буйства людей ... обычай пить такие спиртные напитки вошел в обиход среди простонародья: мужчин, женщин и детей» [19, p. 210].

В конечном итоге по окончании работы парламента были введены лицензии для продавцов джина в размере 50 фунтов ежегодно, а также повышен акциз за галлон «слабого вина» в размере 20 шиллингов. Парламент также выделил королю Георгу III дополнительные 70 тыс. фунтов по гражданскому листу [20, pp. I–X]. Однако закон 1736 г. не возымел должного результата, производство джина росло каждый год, а необходимость получения лицензий игнорировалась винокурами. Относительная простота и дешевизна производства джина способствовала тому, что его главными поставщиками стали мелкие винокуры, которые устанавливали перегонные кубы прямо у себя дома.

Главным нововведением закона 1736 г. стала система информаторов. После принятия Акта 1736 г. в Лондоне начались беспорядки. Опасавшиеся потерять источник дохода люди нападали на констеблей, а также на случайных прохожих, в которых видели доносчиков [21, p. 177]. Доносчики могли получить пять фунтов, если благодаря их информации удавалось закрыть нелегализованную точку розничной торговли джином. На практике это привело к перегруженности в работе констеблей и участвовавшим актами насилия над женщинами, поскольку значительная часть информаторов были вдовами и проститутками. Институт информаторов был фактически упразднен в 1740 г., когда правительство снизило цену на лицензии для розничных торговцев в десять раз. Т. о., правительство Р. Уолпола находилось в поиске компромисса между удовлетворением интересов богатых землевладельцев, крупных винокуров и необходимостью пополнять бюджет для поддержки английских союзников на первых этапах войны за Австрийское наследство (1740–1748), а с 1743 г. для непосредственного участия в войне. Последующие акты 1740 и 1747 гг. не привели к существенным изменениям в данном вопросе.

Знаковым событием стал выход в 1751 г. в свет работы известного писателя и драматурга Генри Филдинга под названием «Исследование причин участвовавших преступлений» [12]. В ней автор среди других причин роста преступности назвал употребление джина, тем самым, выступив за улучшение системы контроля над производством джина. В том же году Уильям Хогарт написал знаменитую гравюру «Переулок джина» (Gin Lane), где показал ужасающую картину бедных районов Лондона, где царствовала «Мадам Женева». Событием, которое поставило точку в истории «джинового безумия», считается принятие Акта 1751 г. [3]. Вновь поднимавшаяся волна петиций исходила теперь не только от судей Мидлсекса, но и из Вестминстера, Сити и многих других приходов [5, p. 83]. В парламентских прениях участвовали главные заинтересованные стороны – представители крупных винокуров и владельцы пивоварен. В результате долгих переговоров, которые активно освещались в прессе, были приняты меры по борьбе как с розничными торговцами, так и с нелегализованными винокурами. Запрещалось торговать джином в больницах, тюрьмах и работных домах. Были повышены акцизные пошлины и стоимость лицензии. Лицензии на производство выдавались только определенному кругу лиц, которые должны были доказать свою благонадежность и кредитоспособность [21, p. 205]. Также снижались налоги на производство пива и эля, что должно было компенсировать падение доходов от производства джина и торговли им для правительства, а также гарантировать землевладельцам рынок сбыта зерна.

² «Bills of Mortality» – листы еженедельной статистики, изначально созданные в 1603 г. для контроля смертности от чумы в лондонском Сити. К середине XVIII в. списки ранжировали умерших в несколько категорий, в том числе и тех, кто умер насильственной смертью. Бюллетени охватывали преимущественно центральные районы Лондона, оставляя без внимания густонаселенные окраины.

В последующее десятилетие потребление джина снизилось более чем втрое. Современники связывали такое падение с успехом Акта 1751 г. Одна из ведущих историков-исследователей джиномании, канадский профессор Джессика Уорнер, считает, что столь резкий отказ от потребления джина можно объяснить совокупностью факторов. К ним она относит падение доходов населения, череду неурожаев зерна в начале 50-х гг. XVIII в., развитие технологий производства пива, из-за чего оно стало дешевле, чем в начале века, а также влияние пропаганды, которая на протяжении тридцати лет создавала из джина образ яда для нации [21, pp. 205–208]. Таким образом, Акт 1751 г. является, с одной стороны, результатом 30-летней борьбы за здоровье нации общественных деятелей, крупных винокуров, поставщиков зерна и производителей пива, а с другой – способом изыскания средств правительством Англии для ведения войн в Европе и колониях, а также погашения государственного долга.

Проблема перенаселения и резкой коммерциализации Лондона в первой половине XVIII в. создавала внутри общества социальную напряженность, которая находила свой выход в насилии, преступности и алкоголизме. Становление новых ценностей и моральных кодексов коммерциализированного общества выразилось в усилении социальной тревоги. Нуждающееся в средствах правительство вигов и тори стимулировало производство джина в беспрецедентных объемах. Дешевизна и доступность джина сделали его утешением и бегством от реальности. Судьи Мидлсекса, члены Общества исправления нравов, Уильям Хогарт, Генри Филдинг, Даниэль Дефо в течение многих лет обращали внимание на проблему роста преступности, бедности и падения нравов английского общества. Джинное безумие удалось обуздать в ходе тридцатилетней борьбы посредством выравнивания интересов правительства и крупных производителей джина к середине XVIII в.

Список литературы

1. Барнетт Р. Джин. История напитка / пер. с англ. С. Силаковой. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 360 с.
2. Мошенский С. З. Зарождение финансового капитализма. Рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи. Киев : Планета, 2016. 278 с.
3. An act for the more effectually restraining the retaining of distilled Spirituous Liquors. 1750. 24 Geo. II, 40 p.
4. Blunt A. Geneva: a poem. Address'd to the Right Honourable Sir R- W-. London : printed for T. Payne, 1729. 32 p.
5. Clark P. The «Mother Gin» Controversy in the Early Eighteenth Century // Transactions of the Royal Historical Society. 1988. Vol. 38. Pp. 63–84.
6. Dachez H. An overgrown monster: London in Some Eighteenth-Century Writings // Caliban. 2009. № 25. Pp. 285–294.
7. Defoe D. A brief case of the distillers. London : printed for T. Warner at the Black-Boy in Pater-noster-row, 1726. 58 p.
8. Defoe D. Augusta Triumphans: Or, the Way to Make London the Most Flourishing City in the Universe. London : Printed for J. Roberts, 1728. 45 p.
9. Defoe D. The chimera: or, the French way of paying national debts, laid open. London : printed for T. Warner, at the Black-Boy in Pater-Noster-Row, 1720. 45 p.
10. Dickson P. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of the Public Credit, 1688–1756. London : Macmillan, 1967. 648 p.
11. Duglass C. N., Barry R. W. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // The Journal of Economic History. 1989. № 49 (4). Pp. 803–832.
12. Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robbers and related writings. Middletown, 1988. 340 p.
13. Mandeville B. The fable of the bees: or, private vices, publick benefits. London : Printed for J. Tonson, 1725. 477 p.
14. McKenzie A. Tyburn's Martyrs: Execution in England 1675–1775. London : Hambledon Continuum, 2007. 366 p.
15. Middlesex Sessions: General Orders of the Court. London, 14th January 1726. URL : <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=LMSMGO55600G0556000091> (дата обращения: 08.06.2024).
16. Ordinary of Newgate Prison: Ordinary's Accounts: Biographies of Executed Convicts. URL: <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=OA173403083403080006> (дата обращения: 08.06.2024).
17. Patrick D. The much-lamented death of Madam Geneva: the eighteenth-century gin craze. London : Review, 2002. 380 p.
18. The second Parliament of George II: Second session (2 of 4, begins 29/1/1736). URL: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp130-159> (дата обращения: 08.06.2024).

19. The second Parliament of George II: Second session (4 of 4, begins 12/4/1736). URL: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp193-238> (дата обращения: 08.06.2024).
20. The second Parliament of George II: Third session (1737). URL: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/i-ха> (дата обращения: 08.06.2024).
21. Warner J. Craze: gin and debauchery in an age of reason. New York : Random House, 2003. 269 p.
22. William and Mary, 1688: An Act for Prohibiting all Trade and Commerce with France // Statutes of the Realm. Vol. 6, 1685–94 / ed. John Raithby. 1819. 641 p.
23. William and Mary, 1690: An Act for the Encourageing the Distilling of Brandy and Spirits from Come and for laying severall Dutyes on Low Wines or Spirits of the first Extraction // Statutes of the Realm / ed. John Raithby. Vol. 6. 1819. Pp. 236–238.

The era of "gin madness" in England in the first half of the XVIII century

Mayorov Kirill Vladimirovich

postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History,
Ural Federal University n. a. the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: kir261297@gmail.com

Abstract. The article examines the phenomenon of "gin madness" in the history of England in the first half of the XVIII century. The search for a way to fill the budget, primarily for waging war on the continent, prompted the government of William III of Orange to adopt a number of legislative acts that contribute to the growth of the number of distillers. Tax incentives for the production of alcohol from English raw materials stimulated distillers to mass-produce gin. The simplicity and cheapness of gin production made it a popular drink among residents of London at the beginning of the XVIII century. The increase in the number of crimes and poverty by contemporaries was associated with the popularity of gin, primarily among poor Londoners. Educators and "fighters" for morality have been paying attention to the danger of gin drinking for 50 years. The author focused on the legislative acts regulating the production and sale of gin in the context of their public discussion, and showed how diverse social groups reacted to the increase in crime and poverty as part of the discussion of the aggravated problem of drunkenness. Special attention is paid to the point of view of Daniel Defoe as an observer and critic of "ginomania". The article shows that the "gin madness" was not only a social problem, but also became the subject of political debate and caused a public outcry. In conclusion, the author concludes that "ginomania" was a marker of profound changes in English society, on the one hand, it was set by the rapid development of market relations, on the other hand, the increase in acute social problems in England in the first half of the XVIII century.

Keywords: gin madness, Great Britain, XVIII century, poverty, crime, drunkenness.

References

1. Barnett R. *Dzhin. Istoriya napitka* [Gin. The history of the drink] / transl. from English by S. Silakova. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review), 2017. 360 p.
2. Moshenskij S. Z. *Zarozhdenie finansovogo kapitalizma. Rynok cennyh bumag doindustrial'noj epohi* [The origin of financial capitalism. The securities market of the pre-industrial era]. Kiev. Planeta (Planet), 2016. 278 p.
3. An act for the more effectually restraining the retaining of distilled Spirituous Liquors. 1750. 24 Geo. II, 40 p.
4. Blunt A. Geneva: a poem. Address'd to the Right Honourable Sir R- W-. London : printed for T. Payne, 1729. 32 p.
5. Clark P. The «Mother Gin» Controversy in the Early Eighteenth Century // Transactions of the Royal Historical Society. 1988. Vol. 38. Pp. 63–84.
6. Dachez H. An overgrown monster: London in Some Eighteenth-Century Writings // Caliban. 2009. No. 25. Pp. 285–294.
7. Defoe D. A brief case of the distillers. London : printed for T. Warner at the Black-Boy in Pater-noster-row, 1726. 58 p.
8. Defoe D. Augusta Triumphans: Or, the Way to Make London the Most Flourishing City in the Universe. London : Printed for J. Roberts, 1728. 45 p.
9. Defoe D. The chimera: or, the French way of paying national debts, laid open. London : printed for T. Warner, at the Black-Boy in Pater-Noster-Row, 1720. 45 p.
10. Dickson P. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of the Public Credit, 1688–1756. London : Macmillan, 1967. 648 p.
11. Duglass C. N., Barry R. W. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // The Journal of Economic History. 1989. No. 49 (4). Pp. 803–832.

12. *Fielding H.* An enquiry into the causes of the late increase of robbers and related writings. Middletown, 1988. 340 p.
13. *Mandeville B.* The fable of the bees: or, private vices, publick benefits. London : Printed for J. Tonson, 1725. 477 p.
14. *McKenzie A.* Tyburn's Martyrs: Execution in England 1675-1775. London : Hambledon Continuum, 2007. 366 p.
15. Middlesex Sessions: General Orders of the Court. London, 14th January 1726. Available at: <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=LMSMGO55600G0556000091> (date accessed: 08.06.2024).
16. Ordinary of Newgate Prison: Ordinary's Accounts: Biographies of Executed Convicts. Available at: <https://www.londonlives.org/browse.jsp?div=OA173403083403080006> (date accessed: 08.06.2024).
17. *Patrick D.* The much-lamented death of Madam Geneva: the eighteenth-century gin craze. London : Review, 2002. 380 p.
18. The second Parliament of George II: Second session (2 of 4, begins 29/1/1736). Available at: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp130-159> (date accessed: 08.06.2024).
19. The second Parliament of George II: Second session (4 of 4, begins 12/4/1736). Available at: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/pp193-238> (date accessed: 08.06.2024).
20. The second Parliament of George II: Third session (1737). Available at: <http://www.british-history.ac.uk/commons-hist-proceedings/vol9/i-xa> (date accessed: 08.06.2024).
21. *Warner J.* Craze: gin and debauchery in an age of reason. New York : Random House, 2003. 269 p.
22. William and Mary, 1688: An Act for Prohibiting all Trade and Commerce with France // Statutes of the Realm. Vol. 6, 1685-94 / ed. John Raithby. 1819. 641 p.
23. William and Mary, 1690: An Act for the Encourageing the Distilling of Brandy and Spirits from Come and for laying severall Dutyes on Low Wines or Spirits of the first Extraction // Statutes of the Realm / ed. John Raithby. Vol. 6. 1819. Pp. 236-238.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК [940(47)«1960/1980»]:004

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.061

«Киберисториография»: технологическая история позднесоветского общества в российских исследованиях*

Марасанова Ольга Владимировна¹, Янковская Галина Александровна²

¹ассистент кафедры истории и археологии, младший научный сотрудник НОЦ «Центр публичной истории», Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-8623-0904. E-mail: helgamarasanova@yandex.ru

²доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой междисциплинарных исторических исследований, ведущий научный сотрудник НОЦ «Центр публичной истории», Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь.

ORCID: 0000-0002-7651-488X. ResearcherID: Q-2892-2017. E-mail: yank64@yandex.ru

Аннотация. Материальное пространство позднесоветского периода становится предметом анализа современных исследователей. Помимо изменений, которые советский человек переживал в быту, трансформировалось его рабочее пространство. В 1960–80-е гг. в научных учреждениях и на промышленных предприятиях началась эксплуатация электронных вычислительных машин для управления производством и технологическим процессом.

В статье проводится обзор научной исторической литературы, в которой авторы изучают вехи развития новой отрасли, фиксируют биографии знаковых ученых и инженеров, популяризируют наследие коллективов, которые работали в индустрии информационно-коммуникационных технологий. Данное направление охарактеризовано в статье как позитивистское. Другие исследования включают осмысление практик взаимодействия человека и машины, институционализации нового вида деятельности в советской государственной инфраструктуре, а также использование возможностей цифровой техники в отраслях, далеких от инженерной деятельности, таких как искусство. Второе историографическое течение авторы статьи предлагают обозначать как социальную историю.

Позитивистское и социальное направления формируют «киберисториографию» – совокупность исследований позднесоветского общества через призму освоения электронных вычислительных машин. Междисциплинарное совмещение дает возможность изучить проблемные вопросы отечественной истории 1960–80-х гг. с разных перспектив, предпринять попытку выхода из дихотомии изучения советской истории и включить в исследовательское поле новых, ранее мало исследованных исторических акторов.

Ключевые слова: кибернетика, вычислительная техника, историография, позднесоветское общество, материальная история, «киберисториография».

Неологизм «киберисториография», вынесенный в заголовок данной статьи, можно интерпретировать самыми разными способами. Это название вызывает образы злободневных дискуссий о применении генеративных нейросетей при написании исследовательских текстов исторической тематики и в целом изменений в историографии, связанных с цифровым поворотом. Еще один возможный разворот темы «киберисториографии» представляет собой большое направление цифровой истории (исследовательское поле с проблематикой применения цифровых инструментов при анализе или оцифровке источников, визуализацией и цифровым анализом данных и т. д.).

В предлагаемом обзоре все вышеназванные характеристики представлены не будут. Далее речь пойдет об историографической ситуации, складывающейся вокруг такого явления в истории позднего советского общества, как массовое внедрение в экономику, управление,

© Марасанова Ольга Владимировна, Янковская Галина Александровна, 2024

* Статья подготовлена в рамках реализации грантовых проектов: Марасанова О. В.: Грант губернатора Пермского края на реализацию социального проекта № ПК-24-1-000195 «17 мгновений в истории пермских ИКТ»; Янковская Г. А. Грант в форме пожертвования Благотворительного фонда Владимира Потанина в соответствии с договором с ПГНИУ № ПЮФП25-0041/24 от 30.01.2024.

образование и другие сферы жизни советского человека вычислительных машин (ЭВМ). В фокусе внимания будет «киберисториография» как развивающееся направление междисциплинарных исторических исследований о разноформатных и разнонаправленных процессах компьютеризации «по-позднесоветски». Далее будут анализироваться репрезентация в историографии тем становления и статуйирования в СССР производства, эксплуатации и внедрения ЭВМ в народное хозяйство, а также трансформации публичного «кибернетического» / «компьютерного» дискурса.

В советской традиции таксономии научных тем и дисциплин компьютерные технологии относились к ведомству «кибернетики». Эта отрасль знания формируется в конце 1940-х гг. Один из ее «отцов-основателей», американский ученый Норберт Винер, дал ей следующее определение: «Теория управления и связи в машинах и живых организмах» [6, с. 56]. Печать идеологической неблагонадежности и несовместимости со всей советской системой, которой кибернетика была отмечена в СССР в годы позднего сталинизма, была труднопреодолимым препятствием для развития этого научного направления. В Советском Союзе кибернетика получила легитимный статус как «наука о процессах управления и передаче сигналов в машинах и живых организмах, использующих математические методы» [27, с. 5] лишь во второй половине 1950-х гг.

Несмотря на близость содержания дефиниций новой отрасли знания в советском и американском вариантах, представления об этой научной области в двух странах отличались. Один из ключевых экспертов по истории советской кибернетики С. Герович отмечает, что советская кибернетика «включала в себя не только первоначальный набор понятий из инженерной теории управления с обратной связью и теории информации, но и целый спектр математических моделей и компьютерного моделирования в задачах управления и связи в машинах, живых организмах и обществе» [8]. Это широкое понимание «кибернетики» наследует российская «киберисториография», вбирающая в себя исследования об академических теоретических дискуссиях, о создании вычислительных машин и языков программирования, об автоматизации производственных процессов в отраслях народного хозяйства.

«Материальный» поворот в социологии и истории является еще одним фактором, под влиянием которого современные российские гуманитарии включают в актуальную повестку исследований ключевые для истории технологических трансформаций в позднем СССР материальные объекты – ЭВМ / компьютеры, центры их производства, апробации, внедрения.

Точкой отсчета истории советских компьютеров принято считать 4 декабря 1948 г. Тогда были зарегистрированы авторские права на первую цифровую ЭВМ на территории СССР, сконструированную членом-корреспондентом АН СССР Исааком Семеновичем Бруком и доктором технических наук Баширом Искандаровичем Рамеевым. В начале 1950-х гг. советскими учеными С. А. Лебедевым (БЭСМ), И. С. Бруком, Н. Я. Матюхиным (ЭВМ М-1), Ю. Я. Базилевским, Б. Н. Рамеевым (ЭВМ «Стрела») были созданы первые большие машины. Данная техника в основном использовалась для решения задач атомного и космического проектов [22].

Пока академические математики и инженеры военных ведомств налаживали капризные ламповые автоматы, радикально менялся образ кибернетики в публичном дискурсе. Появившись в начале 1950-х гг. в статусе «лжетеории, предельно враждебной народу» [36, с. 4], эта отрасль знания к началу 1960-х гг. стала звучать в советском публичном дискурсе в качестве «одной из самых передовых и перспективных областей науки» [26, с. 55].

Этому дискурсивному сдвигу во многом способствовал практический потенциал дисциплины, ее применимость в народном хозяйстве и полезность для социалистической экономики. Уже в 1964 г. вычислительные машины были представлены юному читателю математического тома детской энциклопедии как «верные помощники человека, способствующие неизмеримому расцвету материальных и духовных сил человеческого общества» [10, с. 450].

Переосмысление кибернетики в идеологическом пространстве происходило одновременно с совершенствованием элементной базы советских ЭВМ. В институтах и специализированных конструкторских бюро продолжались разработки мощной техники, необходимой для военных и энергетических разработок. Вместе с тем расширялось производство электронно-вычислительных машин, предназначенных для «оптимального планирования, проектирования и управления во всех звеньях народного хозяйства» [29, с. 2]. Проникновению кибернетических подходов в организацию производства способствовал переход от электронных ламп

и транзисторов, как основного логического элемента, к интегральным схемам. Машины требовали меньших энергозатрат и становились более компактными, несмотря на то, что по-прежнему требовали для своего размещения и функционирования десятки квадратных метров.

В 1970-е гг. электронно-вычислительные машины окончательно заняли свое место в индустриальном советском пространстве. На заводах открывались отделы автоматизированных систем управления предприятием и автоматизированных систем управления технологическим процессом.

Потребность отрасли в подготовке кадров привела к открытию новых направлений в ряде ВУЗов СССР (программ «прикладная математика», «экономическая кибернетика», «автоматизированные системы управления», «автоматика и телемеханика» и др.).

Постепенно вычислительные машины утратили в общественном восприятии образ предмета из далекой технологической утопии и стали частью производственной повседневности. В 1980-е гг. для советской отрасли приборостроения начался очередной этап конкуренции с американской индустрией электроники. К этому времени в промышленности уже использовались машины, созданные по лекалам продукции фирмы IBM. Микропроцессорная революция, изменившая подходы к конструированию вычислительной техники, происходила и в советских научно-производственных объединениях. Но советские разработки в области микроэлектроники не получили массового распространения. В начале 1990-х гг. отечественное приборостроение окончательно утратило монополию на советском рынке технологических инноваций.

Электронно-вычислительная техника является элементом материального универсума позднесоветского общества. В отличие от бытовых пространств и предметов их наполняющих, область инструментального редко становилась объектом исторических исследований материальности. Хотя для этого методологического направления техника, как «устойчивая форма действия, которая объединяет самые разные технологические устройства с точки зрения производимых ими социальных феноменов» [5, с. 19], имеет серьезный потенциал.

В российской и зарубежной историографии за последние тридцать лет сформировались традиции изучения советского кибернетического наследия. Классическим вектором, созданным советскими учеными, преимущественно специалистами в области точных дисциплин, является история изобретений и достижений отдельных ученых или научных центров. Историография открытий дополняется текстами о жизненном и профессиональном пути людей, занимавшихся продвижением кибернетики в среде ученых, партийных деятелей, руководителей предприятий.

В то же время проблематика советской кибернетики становится поводом для междисциплинарных встреч историков, социологов, антропологов, независимых исследователей. Хотя авторы могут не заявлять в своих работах о принадлежности к подходу социального конструирования технологий (SCOT – social construction of technology), выбор предмета исследования и его проблематизация соответствует основным принципам данного направления. Этот методологический взгляд на технику сформировался в 1970–1980-х гг. в англоязычной дискуссии о генезисе научного знания. Своей главной задачей исследователи SCOT считают «анализ факторов, влияющих на пользование технологиями в разных контекстах» [4, с. 13]. Вычислительная техника, операционные системы, новые средства коммуникации рассматриваются в исследованиях такого рода, как объекты социального происхождения, существовавшие в пространстве позднесоветского общества.

В данной статье будут рассматриваться оба вектора «киберисториографии»: во-первых, исследования, вписывающиеся в традиции «классического» (близкого к позитивистской историографии) направления по изучению научных достижений и открытий, опубликованные в 2000–2020-е гг.; во-вторых, тексты, опубликованные в последние 20 лет, о практиках формирования сообществ кибернетиков, паттернах взаимодействия человека с вычислительной техникой и анализе существования ЭВМ в политическом дискурсе.

В создании историографии советских информационных технологий помимо представителей науки принимают участие и сами работники отрасли, деятельность которых соответствует характеристикам публично-исторических низовых инициатив. Энтузиасты из университетов, исследовательских институтов и технологических компаний инициируют собственные интернет-проекты об истории индустрии или специальные публикации на известных площадках научно-популярной тематики. На сайтах «IT-музея online. Коллекция Пермского

университета», «IT-музея DataArt», «Виртуального компьютерного музея» [25] представлены фотографии и описания технических объектов советской кибернетической эпохи. Создателями виртуальных страниц «двигало стремление не дать кануть в Лету уникальным материалам, способным осветить более чем полувековую историю отечественного компьютеростроения, его взлет и падение» [30].

Коллекции оцифрованных технических объектов дополнены разделами по истории основных понятий кибернетики и информатики. На этих ресурсах также представлены интервью с математиками, инженерами, программистами и другими представителями советской вычислительной индустрии. Стремление к фиксации истории и ее репрезентации возможно охарактеризовать как тренд внутри профессионального сообщества, который может быть предметом специального изучения в области цифровой публичной истории.

Позитивистский вектор исследований о советской кибернетике. Исследователи первого направления в основном ставят перед собой задачу набора данных и составления нарратива о техническом основании компьютерной индустрии: электронно-вычислительные машины, их комплектующие, программное обеспечение и языки, сети связи. Обзоры эволюции индустрии ЭВМ приведены в учебных изданиях для студентов математических и инженерных специальностей. В пособиях Б. А. Гладких [9], А. П. Частикова [35] рассмотрены основные вехи развития советской вычислительной техники в контексте американских и европейских индустрий.

Помимо учебных пособий, в которых прошлое советской электроники рассматривается как часть курса введения в специальность, история технических объектов является темой конференций по теме истории науки и техники. Центром притяжения исследователей советского кибернетического наследия является международная конференция «Развитие вычислительной техники в России, странах бывшего СССР и СЭВ (SORUCOM)» (2006, 2011, 2014, 2017, 2020, 2023 гг.). Инициатором проведения конференции выступает Институт систем информатики им. А. П. Ершова Сибирского отделения РАН. Отличительной чертой научного мероприятия является особенное отношение к «возникновению индустрии ЭВМ и программирования, всей инфраструктуры информатики (микроэлектроника, связь, образование и просвещение), ставшей прорывом в отечественном естествознании, последним Большим проектом позднесоветской эпохи» [21].

Еще одним местом встречи специалистов является ежегодная международная научная конференция Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН в Москве и в Санкт-Петербурге. Тезисы по вычислительной технике в разные годы заслушивались на секциях по общим вопросам науки и техники, истории вычислительной техники, информатики и АСУ, электроэнергетики, информатики и музейного дела.

Также доклады по истории кибернетики традиционно входят в программу международной научно-практической конференции Политехнического музея «История науки и техники. Музейное дело». В частности, в 2019 г. ученые из Москвы и Минска представили свои исследования на специальной сессии «70-летняя история отечественной вычислительной техники: взлеты и падения», организованной музеем совместно с кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и департаментом программной инженерии факультета компьютерных наук НИУ ВШЭ [30]. Доклады, опубликованные в сборниках перечисленных конференций, освещают историю создания машин и научных коллективов [24], операционных систем и языков программирования [11], Интернета и сетей [28], автоматизированных систем управления [33].

Биографические исследования составляют значительный блок историографии советской кибернетики. Зачастую авторами становятся благодарные ученики и представители описываемых научных школ. Этот корпус текстов включает биографические издания о деятелях советской кибернетики, сборники документов и обзорные статьи, посвященные научному наследию поколений советских ученых и изобретателей.

История ленинградской школы информатики сохранена в серии изданий «История информатики и кибернетики в Санкт-Петербурге (Ленинграде)», опубликованных под редакцией Р. М. Юсупова. В трех выпусках собрана информация о формировании кибернетических направлений в ленинградских ВУЗах, биографии выдающихся ученых и их воспоминания [16].

Одним из направлений работы новосибирских ученых является сохранение наследия школ математики и программирования. В публичном доступе находятся архивы А. А. Ляпунова, Л. В. Канторовича, И. А. Полетаева, А. П. Ершова. Основанием для публикации материалов

стали монографии и серии статей, изданных новосибирскими исследователями в течение нескольких лет [20]. Тенденция сохранения истории научных и технических школ актуальна в Москве, Казани, Пензе, Нижнем Новгороде [17; 18].

Популярными книгами в биографической литературе являются издания о людях, внесших значительный вклад в признание и организацию отрасли в СССР. В биографиях А. В. Китова, М. С. Шкабардни, В. А. Кириллина раскрывается сложный путь перемещения кибернетики из академической сферы в практическую плоскость [12]. Опубликованные в изданиях документы позволяют понять, какие политические, финансовые и материальные препятствия приходилось преодолевать тем, кто продвигал автоматизацию отраслей советской промышленности.

Вектор социальной истории советской кибернетики. Вычислительная техника менялась не только «внутри себя», а взаимодействие с ней заключалось не только в сборке, загрузке программ и получении результатов. Подход социального конструирования технологий является методологической рамкой, включающей помимо технологического и биографического описаний разбор политического, социально-экономического и культурного контекстов эксплуатации ЭВМ.

Одним из первопроходцев социальной истории советской кибернетики является Слава Герович, доктор философии по истории и социальным исследованиям науки и технологий. В 2002 г. в издательстве Массачусетского технологического института вышла его монография о формировании кибернетики как направления в академической среде СССР [37]. Эта книга стала началом исследований ученого о социальном мире советских математиков второй половины XX в.

Предметом анализа С. Геровича в равной степени становятся социальные практики, которые объединяли людей в стенах академий и в залах научных конференций, на летних верандах дач и за обеденным столом [8]. Внимание к неформальному пространству научного сообщества позволяет понять, как были организованы горизонтальные связи внутри группы, оказывавшие влияние на реализацию научных и технических проектов.

Осваивали работу с первыми компьютерами и люди, жившие за границами исключительного мира академических городков и специализированных институтов. В статье социолога Р. Н. Абрамова рассмотрен процесс самоидентификации работников новых инженерных профессий: постановщика, программиста, монтажника и других. Автор проблематизирует понятие «ИТР-дискурса» и профессиональной идентичности, «внутри которой существовали самые разные профессиональные среды и формы коллективного сознания, еще ждущие своих исследователей» [1, с. 126]. В исследованиях Р. Н. Абрамова уделяется внимание и миру образов и мифологий, которые наравне с рабочими навыками становились маркерами принадлежности к определенной общности [2].

Одновременно с работниками вычислительных центров академий и предприятий новые технологии осваивали радиолюбители и участники кружков технического творчества. В книге «Археология русского интернета» Н. Конрадовой представлены кейсы создания сетей общения с использованием радио и курсирования городских легенд о возможностях телепатии как следующей ступени эволюции кибернетики [19].

Постсоветский контекст трансформации советских кибернетиков в предпринимателей и востребованных на международном рынке IT-специалистов анализируется в серии изданий «Прагматический поворот» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Авторы при помощи социологических и антропологических подходов реконструируют пути становления современных инженеров, создавших бизнес на основе академических и производственных знаний в информационной отрасли [34]. Также объектом исследования является феномен миграции российских специалистов как новой практики формирования сообществ [15].

Если между американской и советской вычислительной техникой возможно проводить сравнения по объему памяти и скорости проведения операций, то экономические и политические условия ее появления не поддаются компаративистскому анализу. Кибернетика в Советском Союзе развивалась в условиях государственного регулирования экономики, что позволяло использовать вычислительную технику и специалистов в первую очередь в оборонном промышленном комплексе, и сохраняла «в ожидании инноваций» другие секторы народного хозяйства. Правительство не раз пыталось изменить положение дел проведением масштабной автоматизации советских предприятий. Этой затянувшейся истории переговоров между учеными, чиновниками и управленцами посвящены работы Ю. П. Бокарева, А. В. Кутейникова [23], А. В. Сафронова [3; 32]. Авторы реконструируют процесс создания проекта Единой государствен-

ной системы вычислительных центров (ЕГСВЦ) и Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС). Оба плана остались на бумаге из-за различных институциональных обстоятельств. Этот взгляд на советскую кибернетику позволяет утверждать, что успешность индустрии вычислительной техники заключается не только в технологических прорывах, но и в принципах организации экономики, в которой она развивается.

Дополняют историографию социальной истории советской кибернетики концептуальные исследования изменения представлений о цифровых технологиях в сообществах, отдаленных от инженерной деятельности и, наоборот, включенных в работу с новой техникой. Так Янина Пруденко раскрывает опыт использования компьютерной техники советским арт-сообществом [31]. В 2021–2022 гг. в рамках семинара «Алгоритмическая рациональность» Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева НИУ ВШЭ рассматривались доклады об использовании электронных вычислительных машин в организации трудовых процессов советских инженеров, включении кибернетических технологий в идеологические тексты, понимания деятельности людей новых профессий через современные философские осмысления социотехнической реальности. Исследовательская группа «История науки и технологий» Центра междисциплинарных исследований МФТИ ставит разнообразные исследовательские вопросы. В круге внимания ученых находятся институционализация кибернетики в системе управления советской наукой, гендерное распределение внутри профессиональной отрасли [13; 14].

Таким образом, анализ историографической ситуации позволяет утверждать, что современная российская историография истории вычислительной техники состоит из плотного нарратива фактологических знаний о производившейся элементной базе ЭВМ и выдающихся деятелях отрасли. Эта базовая историографическая задача решена представителями нескольких поколений ученых, вышедших из московской, ленинградской, новосибирской и киевской научных школ. Дальнейшая разработка темы национального таймлайна компьютерной истории в позднем СССР требует обращения к наследию научных и производственных коллективов, работавших в других городах бывшего Советского Союза. Круг проблем по региональной «киберисториографии» включает, но не ограничивается постановкой следующих вопросов: верификация фактических данных о появлении первых машин в высших учебных заведениях и на предприятиях в нестоличных регионах; реконструкция биографий первых кибернетиков, анализ кейсов локального значения, решенных с помощью вычислительных мощностей машин. Этот взгляд может дать дополнительную перспективу в исследовании истории городских сообществ в контексте позднесоветской модернизации.

Изучение регионального материала открывает простор для исследования социальных «комплекующих» технологий. Перечисленные исследования о взаимодействии человека и машины в политическом дискурсе, в повседневных практиках, в культурных интерпретациях смогут продемонстрировать возможности применения методологической рамки SCOT к отечественному материалу. Значительный объем архивных фондов и наличие живых свидетелей эпохи внедрения советских вычислительных машин позволяют сформировать многомерный взгляд на время «оттепели» и «застоя».

Исследование сетей пользователей ЭВМ, изменений практик производственной повседневности, формирование новых личных и коллективных идентичностей – это далеко не единственные сюжеты, которые доступны для исторического осмысления и интерпретации. В целом история вычислительной техники может стать еще одной междисциплинарной перспективой для изучения позднесоветского общества.

Список литературы

1. Абрамов Р. Н. Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник Института социологии. 2017. № 20. С. 114–130.
2. Абрамов Р. Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // Социология науки и технологий. 2017. № 2. С. 61–68.
3. Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе 1970–1980-е гг. М.: Наука, 2007. 381 с.
4. Бычкова О. В. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и техники. 2020. № 3. С. 7–21.
5. Вахштайн В.¹ Техника. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 156 с.

¹ Виктор Семенович Вахштайн – признан иностранным агентом на территории Российской Федерации.

6. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном мире и машине. М. : Советское радио, 1968. 330 с.
7. Герович В. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас. 2011. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/1/inter-net-pochemu-v-sovetskom-soyuze-ne-by-la-sozdana-obshhenacziionalnaya-kompyuternaya-set.html> (дата обращения: 19.01.2022).
8. Герович С. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. № 2. С. 93–128.
9. Гладких Б. А. Информатика от абака до интернета. Введение в специальность : учебное пособие. Томск : НТЛ, 2005. 484 с.
10. Глушков В. М. Разумная машина – верный помощник человека // Математика учит предсказывать и управлять. М. : Детская энциклопедия для среднего и старшего возраста: мир небесных тел, числа и фигуры, 1964. С. 447–452.
11. Городняя Л. В., Марчук А. Г., Крайнева И. А. Библиография и источники по истории школ программирования в Академии наук СССР и ведущих советских ВУЗах (1950–2017) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. № 3. Т. 38. С. 482–529.
12. Долгов В. А. Китов Анатолий Иванович – пионер кибернетики, информатики и автоматизированных систем управления : научно-биографический очерк / под общей редакцией К. И. Курбакова. М. : КОС ИНФ, 2010. 337 с.
13. Зимирев М. О. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР в 1960–1970-е годы: наука и практики координации // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 1. С. 87–105.
14. Зимирев М. О. Незадачи машинной педагогики в СССР 1960-х годов: вузовская наука между трансфером и координацией // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3. С. 98–110.
15. Из России с кодом: Миграции программистов в постсоветскую эпоху / под ред. М. Биаджолли, В. Лепинэ. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 608 с.
16. История информатики и кибернетики в Санкт-Петербурге (Ленинграде). Вып. 1. Яркие фрагменты истории // под общ. ред. чл.-кор. РАН Р. М. Юсупова; составитель М. А. Вус; Ин-т информатики и автоматизации РАН. СПб. : Наука, 2008. 356 с.
17. Казакова И. А. История пензенской научной школы вычислительной техники. ЭВМ семейства «Урал» // Проблемы информатики. 2012. № 3. С. 91–95.
18. Казанский завод ЭВМ (КЗММ, КЗЭВМ, КПО ВС). Казань : Совет ветеранов КПО ВС, 2004. 298 с.
19. Конрадова Н. Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны. М. : Corpus, 2022. 288 с.
20. Крайнева И. А. Научное наследие лидеров физико-математических школ Сибирского отделения АН СССР (Ю. Б. Румер, А. А. Ляпунов, А. П. Ершов) : дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.10. Томск, 2019. 41 с.
21. Крайнева И. А. Пресс-релиз конференции. 13.10.2020. URL: <https://www.sorucum.org/news/news/press-reliz-konferentsii/> (дата обращения: 19.01.2022).
22. Крайнева И. А., Пивоваров Н. Ю., Шилов В. В. Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. № 4 (30). Т. 1. С. 135–155.
23. Кутейников А. В. Проект общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) и проблемы его реализации в 1960–1980-х гг. : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2011. 254 с.
24. Михайлов Г. Вычислительный центр им. А. А. Дородницына ФИЦ ИУ РАН. История, вычислительная техника, достижения // Развитие вычислительной техники в России, странах бывшего СССР и СЭВ: история и перспективы: Труды Пятой международной конференции SoRuCom-20 (6–7 октября 2020 г., Москва) / ред. А. Н. Томилин. М. : МИЭТ НИУ «ВШЭ», 2020. С. 234–239.
25. О музее // Виртуальный компьютерный музей. URL: <https://www.computer-museum.ru/about-mus/> (дата обращения: 19.01.2022).
26. Пекелис В. Читателям «Азбуки кибернетики» // Юный техник. 1969. № 10. С. 54–55.
27. Полетаев И. А. Сигнал. О некоторых понятиях кибернетики. М. : Советское радио, 1958. 413 с.
28. Поляк Ю. Электронная почта в СССР и России // Развитие вычислительной техники в России, странах бывшего СССР и СЭВ: история и перспективы: Труды Пятой международной конференции SoRuCom-20 (6–7 октября 2020 г., Москва) / ред. А. Н. Томилин. М. : МИЭТ НИУ «ВШЭ», 2020. С. 254–262.
29. Постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР от 12 мая 1963 г. № 564 «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство». 13 с.
30. Программа. XIII Международная научно-практическая конференция «История науки и техники. Музейное дело» 3–5 декабря 2019 г. М. : Политехнический музей, 2019. 26 с.
31. Пруденко Я. Кибернетика в гуманитарных науках и искусстве в СССР: анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2018. 308 с.

32. Сафронов А. В. Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты ученых и нужды практиков // Социология науки и технологий. 2020. № 3. С. 22–41.

33. Тумбинская М., Абзалов А. История создания и развития автоматизированных систем управления и проектирования на автогиганте «КАМАЗ» / В. Трегубов, А. Розов, А. Хасанова // Развитие вычислительной техники в России, странах бывшего СССР и СЭВ: история и перспективы: Труды Пятой международной конференции SoRuCom-20 (6–7 октября 2020 г., Москва) / ред. А. Н. Томилин. М. : МИЭТ НИУ «ВШЭ», 2020. С. 318–322.

34. Фантастические миры российского хай-тека / О. Бычкова, Б. Гладарев, О. Хархордин, Ж. Цинман. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 416 с.

35. Частиков А. П. История компьютера. М. : Информатика и образование, 1996. 128 с.

36. Ярошевский М. Кибернетика – «наука» мракобесов // Литературная газета. 1952. № 42 (2915). 5 апреля. С. 1–4.

37. Gerovitch S. From newspeak to cyberspeak: a history of Soviet cybernetics. Massachusetts: The MIT Press, 2002. 384 p.

"Cyberistoriography": the technological history of late Soviet society in Russian studies

Marasanova Olga Vladimirovna¹, Yankovskaya Galina Alexandrovna²

¹assistant of the Department of History and Archaeology, Junior Researcher at the Center for Public History, Perm State National Research University. Russia, Perm.

ORCID: 0000-0001-8623-0904. E-mail: helgamarasanova@yandex.ru

²Doctor of Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Interdisciplinary Historical Research, Leading Researcher at the Center for Public History, Perm State National Research University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-7651-488X. ResearcherID: Q-2892-2017. E-mail: yank64@yandex.ru

Abstract. The material space of the late Soviet period is becoming the subject of analysis by modern researchers. In addition to the changes that the Soviet man experienced in everyday life, his workspace was transformed. In the 1960s and 80s, the use of electronic computers for production and process control began in scientific institutions and industrial enterprises.

The article provides a review of scientific historical literature, in which the authors study the milestones of the development of a new industry, record the biographies of iconic scientists and engineers, and popularize the legacy of teams that worked in the information and communication technology industry. This trend is characterized in the article as positivist. Other research includes understanding the practices of human-machine interaction, institutionalizing a new type of activity in the Soviet state infrastructure, as well as using the possibilities of digital technology in industries far from engineering, such as art. The authors of the article propose to designate the second historiographical trend as social history.

Positivist and social trends form "cyberistoriography" – a set of studies of late Soviet society through the prism of the development of electronic computers. The interdisciplinary combination makes it possible to study problematic issues of the national history of the 1960s–80s from different perspectives, to attempt to break out of the dichotomy of studying Soviet history and include new, previously little-studied historical actors in the research field.

Keywords: cybernetics, computer technology, historiography, late Soviet society, material history, "cyberistoriography".

References

1. Abramov R. N. *Sovetskaya inzhenerno-tehnicheskaya intelligenciya 1960–80-h gg.: v poiske granic kollektivnogo soznaniya* [Soviet engineering and technical intelligentsia of the 1960s–80s: in search of the boundaries of collective consciousness] // *Vestnik Instituta sociologii* – Herald of Institute of Sociology. 2017. No. 20. Pp. 114–130.

2. Abramov R. N. *Sovetskie tekhnokraticheskie mifologii kak forma "teorii upushchennogo shansa": na primere istorii kibernetiki v SSSR* [Soviet technocratic mythologies as a form of the "theory of a missed chance": on the example of the history of cybernetics in the USSR] // *Sociologiya nauki i tekhnologii* – Sociology of Science and Technology. 2017. No. 2. Pp. 61–68.

3. Bokarev Yu. P. *SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade 1970–1980-e gg.* [The USSR and the formation of post-industrial society in the West in the 1970s and 1980s]. M. Nauka (Science), 2007. 381 p.

4. Bychkova O. V. *Issledovaniya nauki i tekhnologii (STS): chemu nauchili nas za 50 let?* [Research in Science and Technology (STS): what have we learned in 50 years?] // *Sociologiya nauki i tekhniki* – Sociology of Science and Technology. 2020. No. 3. Pp. 7–21.

5. Vahstajin V. *Tekhnika* [Technique]. SPb. Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2021. 156 p.
6. Viner N. *Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom mire i mashine* [Cybernetics, or control and communication in the animal world and the machine]. M. Soviet radio, 1968. 330 p.
7. Gerovich V. *Inter-Net! Pochemu v Sovetskom Soyuze ne byla sozdana obshchenacional'naya komp'yuternaya set'* [Inter-No! Why a nationwide computer network was not created in the Soviet Union] // *Neprikosnovennyj zapas* – Inviolable reserve. 2011. No. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/1/inter-net-pochemu-v-sovetskom-soyuze-ne-byala-sozdana-obshhenacionalnaya-kompyuternaya-set.html> (date accessed: 19.01.2022).
8. Gerovich S. *"Matematicheskij raj": parallel'naya social'naya infrastruktura poslevoennoj sovetskoj matematiki* ["Mathematical Paradise": parallel social infrastructure of post-war Soviet mathematics] // *Logos* – Logos. 2020. No. 2. Pp. 93–128.
9. Gladkih B. A. *Informatika ot abaka do interneta. Vvedenie v special'nost' : uchebnoe posobie* [Computer science from the abacus to the Internet. Introduction to the specialty : a textbook]. Tomsk. NTL, 2005. 484 p.
10. Glushkov V. M. *Razumnaya mashina – vernyj pomoshchnik cheloveka* [A reasonable machine is a faithful human assistant] // *Matematika učit predskazyvat' i upravlyat'* – Mathematics teaches to predict and control. M. Children's Encyclopedia for middle and older age: the world of celestial bodies, numbers and shapes, 1964. Pp. 447–452.
11. Gorodnyaya L. V., Marchuk A. G., Krajneva I. A. *Bibliografiya i istochniki po istorii shkol programmirovaniya v Akademii nauk SSSR i vedushchih sovetskikh VUZah (1950–2017)* [Bibliography and sources on the history of programming schools in the USSR Academy of Sciences and leading Soviet universities (1950–2017)] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* – Questions of the history of natural science and technology. 2017. No. 3. Vol. 38. Pp. 482–529.
12. Dolgov V. A. *Kitov Anatolij Ivanovich – pioner kibernetiki, informatiki i avtomatizirovannykh sistem upravleniya : nauchno-biograficheskij ocherk* [Kitov Anatoly Ivanovich – pioneer of cybernetics, computer science and automated control systems : scientific and biographical essay] / under the gen. ed. of K. I. Kurbakov. M. KOS INF, 2010. 337 p.
13. Zimirev M. O. *Nauchnyj sovet po kompleksnoj probleme "Kibernetika" pri Prezidiume AN SSSR v 1960–1970-e gody: nauka i praktiki koordinacii* [Scientific Council on the complex problem of "Cybernetics" at the Presidium of the USSR Academy of Sciences in the 1960s and 1970s: science and practice of coordination] // *Sociologiya nauki i tekhnologii* – Sociology of Science and Technology. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 87–105.
14. Zimirev M. O. *Nezadachi mashinnoj pedagogiki v SSSR 1960-h godov: vuzovskaya nauka mezhdou transferom i koordinaciej* [The misfortunes of machine pedagogy in the USSR of the 1960s: university science between transfer and coordination] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* – Herald of Perm University. History. 2024. No. 3. Pp. 98–110.
15. *Iz Rossii s kodom: Migracii programmistov v postsovetskuyu epohu* – From Russia with a code: Migration of programmers in the post-Soviet era / ed. by M. Biagioli, V. Lepine. SPb. Publishing House of the European University in SPb. 2021. 608 p.
16. *Istoriya informatiki i kibernetiki v Sankt-Peterburge (Leningrade). Vyp. 1. Yarkie fragmenty istorii* – The history of computer science and cybernetics in St. Petersburg (Leningrad). Is. 1. Vivid fragments of history // under the general ed. RAS corresponding member R. M. Yusupova; compiled by M. A. Vus; Institute of Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences. SPb. Nauka (Science), 2008. 356 p.
17. Kazakova I. A. *Istoriya penzenskoj nauchnoj shkoly vychislitel'noj tekhniki. EVM semejstva "Ural"* [The history of the Penza scientific school of computer engineering. Computers of the Ural family] // *Problemy informatiki* – Problems of computer science. 2012. No. 3. Pp. 91–95.
18. *Kazanskij zavod EVM (KZMM, KZEVM, KPO VS)* – Kazan Computer Plant (KZMM, KZEVM, KPO VS). Kazan. Council of Veterans of the KPO VS, 2004. 298 p.
19. Konradova N. *Arheologiya russkogo interneta. Telepatiya, telemosty i drugie tekhnoutopii holodnoj vojny* [The archaeology of the Russian Internet. Telepathy, teleconferences and other technotopias of the Cold War]. M. Corpus, 2022. 288 p.
20. Krajneva I. A. *Nauchnoe nasledie liderov fiziko-matematicheskikh shkol Sibirskogo otdeleniya AN SSSR (Yu. B. Rumer, A. A. Lyapunov, A. P. Ershov) : diss. ... d-ra ist. nauk: 07.00.10* [The scientific heritage of the leaders of the physics and mathematics schools of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (Yu. B. Rumer, A. A. Lyapunov, A. P. Ershov) : diss. ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.10]. Tomsk. 2019. 41 p.
21. Krajneva I. A. *Press-reliz konferencii. 13.10.2020* [Press release of the conference. 13.10.2020]. Available at: <https://www.sorucom.org/news/news/press-reliz-konferentsii/> (date accessed: 19.01.2022).
22. Krajneva I. A., Pivovarov N. Yu., Shilov V. V. *Sovetskaya vychislitel'naya tekhnika v kontekste ekonomiki, obrazovaniya i ideologii (konec 1940-h – seredina 1950-h gg.)* [Soviet computer technology in the context of economics, education and ideology (late 1940s – mid-1950s)] // *Idei i idealy* – Ideas and Ideals. 2016. No. 4 (30). Vol. 1. Pp. 135–155.
23. Kutejnikov A. V. *Proekt obshchegosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy upravleniya sovetskoj ekonomikoj (OGAS) i problemy ego realizacii v 1960–1980-h gg. : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [The project of

the nationwide automated control system of the Soviet economy (OGAS) and the problems of its implementation in the 1960s–1980s : diss. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.02] / Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov. M. 2011. 254 p.

24. Mihajlov G. *Vychislitel'nyj centr im. A. A. Dorodnicyna FIC IU RAN. Istoriya, vychislitel'naya tekhnika, dostizheniya* [Dorodnitsyn Computing Center of the Russian Academy of Sciences. History, computer technology, achievements] // *Razvitie vychislitel'noj tekhniki v Rossii, stranah byvshego SSSR i SEV: istoriya i perspektivy: Trudy Pyatoj mezhdunarodnoj konferencii SoRuCom-20 (6–7 oktyabrya 2020 g., Moskva)* – The development of computer technology in Russia, the countries of the former USSR and COMECON: history and prospects: Proceedings of the Fifth International Conference SoRuCom-20 (October 6–7, 2020, Moscow) / ed. A. N. Tomilin. M. MIET NRU "HSE", 2020. Pp. 234–239.

25. *O muzee* – About the museum // *Virtual'nyj komp'yuternyj muzej* – Virtual Computer Museum. Available at: <https://www.computer-museum.ru/aboutmus/> (date accessed: 19.01.2022).

26. Pekelis V. *Chitatelyam "Azuki kibernetiki"* [To the readers of the "ABC of Cybernetics"] // *Yunyj tekhnik* – Young technician. 1969. No. 10. Pp. 54–55.

27. Poletaev I. A. *Signal. O nekotoryh ponyatiyah kibernetiki* [Signal. On some concepts of cybernetics]. M. Sovetskoe radio (Soviet radio), 1958. 413 p.

28. Polyak Yu. *Elektronnaya pochta v SSSR i Rossii* [E-mail in the USSR and Russia] // *Razvitie vychislitel'noj tekhniki v Rossii, stranah byvshego SSSR i SEV: istoriya i perspektivy: Trudy Pyatoj mezhdunarodnoj konferencii SoRuCom-20 (6–7 oktyabrya 2020 g., Moskva)* – Development of computer technology in Russia, the countries of the former USSR and COMECON: history and prospects: Proceedings of the Fifth International Conference SoRuCom-20 (October 6–7, 2020, Moscow) / ed. A. N. Tomilin. M. MIET NRU "HSE", 2020. Pp. 254–262.

29. Resolution No. 564 of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated May 12, 1963 "On improving the management of the introduction of computer technology and automated control systems into the national economy". 13 p. (in Russ.).

30. *Programma. XIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Istoriya nauki i tekhniki. Muzejnoe delo" 3–5 dekabrya 2019 g.* – The program. XIII International Scientific and Practical Conference "History of Science and Technology. Museum business" December 3–5, 2019 M. Polytechnic Museum, 2019. 26 p.

31. Prudenko Ya. *Kibernetika v gumanitarnyh naukah i iskusstve v SSSR: analiz bol'shikh baz dannyh i komp'yuternoe tvorchestvo* [Cybernetics in the humanities and art in the USSR: analysis of large databases and computer creativity]. M. Garage Museum of Modern Art, 2018. 308 p.

32. Safronov A. V. *Komp'yuterizaciya upravleniya planovoj ekonomikoj v SSSR: proekty uchenyh i nuzhdy praktikov* [Computerization of planned economy management in the USSR: projects of scientists and needs of practitioners] // *Sociologiya nauki i tekhnologii* – Sociology of Science and technology. 2020. No. 3. Pp. 22–41.

33. Tumbinskaya M., Abzalov A. *Istoriya sozdaniya i razvitiya avtomatizirovannyh sistem upravleniya i proektirovaniya na avtogigante "KAMAZ"* [The history of creation and development of automated control and design systems at the KAMAZ auto giant] / V. Tregubov, A. Rozov, A. Khasanova // *Razvitie vychislitel'noj tekhniki v Rossii, stranah byvshego SSSR i SEV: istoriya i perspektivy: Trudy Pyatoj mezhdunarodnoj konferencii SoRuCom-20 (6–7 oktyabrya 2020 g., Moskva)* – Development of computer technology in Russia, the former USSR and the CMEA: history and prospects: Proceedings of the Fifth International Conference SoRuCom-20 (October 6–7, 2020, Moscow) / ed. A. N. Tomilin. M. MIET NRU "HSE", 2020. Pp. 318–322.

34. *Fantasticheskie miry rossijskogo haj-teka* – Fantastic worlds of Russian high-tech / O. Bychkova, B. Gladarev, O. Kharkhordin, J. Tsinman. SPb. Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. 416 p.

35. Chastikov A. P. *Istoriya komp'yutera* [The history of the computer]. M. Informatics and education, 1996. 128 p.

36. Yaroshevskij M. *Kibernetika – "nauka" mrakobesov* [Cybernetics – "science" of obscurantists] // *Literaturnaya gazeta* – Literature newspaper. 1952. No. 42 (2915). April 5. Pp. 1–4.

37. Gerovitch S. *From newspeak to cyberspeak: a history of Soviet cybernetics*. Massachusetts: The MIT Press, 2002. 384 p.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

УДК [910.470«1917»+902/904+930](092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.062

Материалы к истории Трапезундской экспедиции 1917 г.: письма Н. К. Клуге к Л. А. Моисееву

Шаманаев Андрей Васильевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург.

ORCID: 0000-0001-8955-8884. E-mail: shamanaev@mail.ru

Аннотация. Автор вводит в научный оборот ранее не опубликованные письма Н. К. Клуге (художник, реставратор, участник Трапезундских экспедиций 1916, 1917 гг.) к Л. А. Моисееву (заведующий раскопками Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе). Документы хранятся в фондах Научно-архивного отдела Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Республика Крым, Россия). Публикация следует современным тенденциям изучения истории науки с позиций историко-антропологического подхода, углубленного внимания к выявлению и использованию новых архивных материалов. Письма Н. К. Клуге содержат ценную информацию о научной и повседневной жизни ученых летом 1917 г., подробности работы второй экспедиции в Трапезунд, особенностях взаимодействия представителей научных организаций с военными властями в Севастополе и Трапезунде. Информация, содержащаяся в документах, показывает трудности организации научных исследований в Трапезунде, обусловленные конфликтными отношениями между участниками экспедиции, сложными бытовыми условиями, опасной санитарно-эпидемиологической обстановкой. Существенный интерес представляет характеристика формальных и не формальных связей ученых и офицеров Черноморского флота, влияния этих отношений на решение организационных вопросов деятельности экспедиции 1917 г. в Трапезунде, раскопок в Евпатории. Автор обосновывает достоверность сведений, содержащихся в письмах Н. К. Клуге, сопоставлением с данными современной историографии, верифицирует информацию сравнением с текстом письма Н. К. Клуге из Трапезунда к известному российскому археологу Б. В. Фармаковскому. Автор полагает, что материалы публикации могут быть использованы для изучения истории отечественной науки, особенностей межличностных коммуникативных практик в академической среде, организации междуведомственного взаимодействия научных и государственных структур в условиях военного времени.

Ключевые слова: история России, история науки, археология, архивоведение.

Актуальным направлением современных исследований является углубленный интерес к истории науки. Важной особенностью этого явления стал, по мнению И. В. Тункиной, «антропологический поворот», переориентировавший разработки в этой области на всестороннее изучение личности, академической повседневности, социальных практик представителей науки прошлого. При этом особое значение имеют обращение к принципам историко-антропологического подхода и введение в научный оборот документальных источников из архивных хранилищ [16].

В фондах Научно-архивного отдела Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (г. Севастополь) хранятся два рукописных подлинника писем Н. К. Клуге (1869–1947), отправленные летом 1917 г. Л. А. Моисееву (1882–1946) из Трапезунда [9, л. 114–117, 132–133]. Автор документов – профессиональный художник, реставратор, участник Трапезундских экспедиций 1916, 1917 г., переписывался с заведующим раскопками и складом древностей Императорской археологической комиссии (ИАК) в Херсонесе. Представленные ниже тексты имеют большой интерес для истории отечественной науки, публикуются впервые.

В 1916 г. существенным успехом военных действий России на Кавказском фронте стал захват крупного турецкого порта Трапезунд. В результате нескольких успешных операций, проведенных русскими войсками (Приморский отряд) совместно с Черноморским флотом

(Батумский отряд), 5 апреля 1916 г. город перешел под контроль российский вооруженных сил [6, с. 81–82; 12, с. 206–214]. Русская администрация Трапезунда осуществляла защиту интересов местного населения, предпринимала меры по охране средневековых древностей города [18, с. 85–89]. Важным гуманитарным проектом, нацеленным на изучение и сохранение объектов культурного наследия Трапезунда, были экспедиции под руководством известного российского историка-византиниста, директора Русского археологического института в Константинополе (РАИК) Федора Ивановича Успенского (май–июнь 1916, май–сентябрь 1917 г.) [18, с. 38–39].

В отечественной историографии специальное внимание было уделено истории организации, работам и результатам исследований 1916 г. в статьях Е. Ю. Басаргиной, Д. Н. Старостина [1; 13; 14]. Общий обзор условий функционирования и итогов работ 1916 и 1917 г. дан в публикации Д. Н. Старостина [14]. Наиболее полно история Трапезундских экспедиций представлена в нескольких статьях и монографии А. Г. Цыпкиной, основанных на широком круге источников, в том числе – архивных материалах [18].

Биография автора писем, Н. К. Клуге, подробно рассмотрена в статье О. В. Иодко [5]. Е. Ю. Басаргина дала краткий обзор основных направлений сотрудничества художника с РАИК [2, с. 120–122]. Подробности работы Николая Карловича в составе Трапезундских экспедиций изложены в книге А. Г. Цыпкиной [18, с. 18–68, 102–136, 220–250].

Личность Л. А. Моисеева многократно привлекала внимание исследователей, однако его полной детализированной биографии до сих пор нет. Краткие общие обзоры его жизненного пути опубликованы в монографии, посвященной истории ИАК, биобиблиографическом словаре членов Русского археологического общества [8, с. 234; 17]. Различные периоды его деятельности рассмотрены Л. О. Гриненко, Р. В. Стояновым (работа в Херсонесском музее), А. В. Шаманаевым (сохранение древностей Херсонеса в 1918 г.), А. А. Непомнящим (участие в охране памятников Крыма в 1920-е гг.), О. В. Григорьевой и М. В. Медведевой (сотрудничество с ГАИМК) [3; 4; 11; 15, с. 552–555; 19].

Николай Карлович Клуге обучался в Одесской художественной школе (1886–1891), Академии художеств (1891–1897), получил диплом Педагогических курсов, действовавших при этом учреждении (1897). За собственный счет отправился в путешествие на Ближний Восток (Сирия, Иордания). С 1899 г. сотрудничал с РАИК (почетный член с 1904 г.), принимал участие в изучении памятников Турции, Греции, Кипра. Особое значение имеет его вклад в исследование комплекса Кахрие-джами (церковь Христа Спасителя в Полях, Стамбул). После начала Первой мировой войны и эвакуации РАИК, он вернулся в Одессу. Весной и летом 1916 г. Н. К. Клуге принял участие в первой экспедиции в Трапезунд. В августе 1916 г. началось сотрудничество Николая Карловича с Л. А. Моисеевым, которому потребовался художник в связи с началом археологических раскопок в Евпатории. Летом 1917 г. Н. К. Клуге вошел в состав второй экспедиции в Трапезунд. После ее окончания он вернулся в Крым и продолжил работу Л. А. Моисеева. В марте 1920 г. Н. К. Клуге эмигрировал, получил турецкое гражданство и осел в Стамбуле. С 1930 г. он сотрудничал с Американским византийским институтом (Byzantine Institute of America), принимая участие в реставрации собора Святой Софии (Айя-София) [2, с. 120–122; 5; 18, с. 156].

Адресат Н. К. Клуге – Лаврентий Алексеевич Моисеев – получил образование на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (1903–1909). Со студенческих лет принимал участие в раскопках в Ольвии (1905–1912) под руководством Б. В. Фармаковского. В 1912 г. был направлен на стажировку в Гейдельберг для подготовки к профессорскому званию. После начала Первой мировой войны был вынужден вернуться в Россию, где получил назначение заведующим раскопками и складом древностей Императорской археологической комиссии в Херсонесе. После установления советской власти в Крыму Л. А. Моисеев возглавил Херсонесский музей. В 1924 г. он был арестован и находился под следствием до 1926 г. С 1927 по 1929 г. он сотрудничал с ГАИМК, принимал участие в работах по сохранению культурного наследия Крыма. В 1930-е гг. Л. А. Моисеев отошел от занятий археологией [4, с. 189–197; 15, с. 552–555].

Раскопки в Евпатории, приведшие к открытию античной Керкинитиды, Л. А. Моисеев осуществлял с 25 декабря 1916 г. по 14 июня 1917 г. и с 28 ноября 1917 г. по 16 января 1918 г. Н. К. Клуге выполнял художественно-графические, чертежные и фотографические работы [7, с. 25; 15, с. 552–553]. В 1919 г. между Л. А. Моисеевым и Н. К. Клуге произошел острый конфликт. Николай Карлович категорически отказывался возвращать оборудование и материа-

лы евпаторийских раскопок до полной оплаты его труда [10, л. 57–57 об.]. Лаврентий Алексеевич оказался в сложной ситуации, не имея ни денежных средств, ни административных возможностей для разрешения проблемы. Вероятно, это противостояние стало причиной разрыва отношений.

В письмах к Л. А. Моисееву из Трапезунда Н. К. Клуге затрагивает несколько тем. Так, существенное внимание он уделил характеристике сложных межличностных отношений между участниками экспедиции. При этом Николай Карлович старался избегать острых суждений. В первом письме самая резкая характеристика – «тип с невыносимым характером» (Н. Е. Макаренко). Свое удивление присутствием в составе экспедиции Г. К. фон Мейера (писавшего пейзажи со сценами охоты, а после 1914 г. увлекшегося батальными сюжетами) он маркирует сочетанием вопросительного и восклицательного знака после фамилии живописца [9, л. 114 об.]. Во втором письме Н. К. Клуге обещает сообщить Л. А. Моисееву некие «пикантные» подробности о руководителе экспедиции Ф. И. Успенском исключительно при личной встрече [9, л. 132 об.].

О работе экспедиции Н. К. Клуге пишет крайне мало. В письме от 29 июня 1917 г. он кратко упоминает о проблеме взаимоотношений с греческим духовенством и населением [9, л. 115]. В июле он высказывает мнение о том, что «результаты экспедиции довольно невелики», объясняя это плохой организацией и непрофессионализмом некоторых участников [9, л. 132 об.].

Большее внимание Н. К. Клуге уделил характеристике жизни в Трапезунде летом 1917 г. Он отметил ухудшение состояния города по сравнению с предыдущим годом. Большое беспокойство Николая Карловича вызывала опасность заразиться сыпным тифом или малярией [9, л. 115–115 об., 132 об.]. Нужно отметить, что эпидемиологическая ситуация в Трапезунде действительно была сложной, российская военная администрация принимала постоянные усилия для ее изменения в лучшую сторону. Предпринятые меры существенно снизить число заболевших позволили в 1917 г. [6, с. 88]. Самому Н. К. Клуге удалось избежать болезни.

Много внимания в переписке Николай Карлович уделил вопросу организации его возвращения в Крым, где он намеревался продолжить сотрудничество с Л. А. Моисеевым. В условиях военного времени требовались специальные разрешительные документы, которые оформлялись службами штаба командующего Черноморским флотом. Н. К. Клуге рассчитывал на содействие Л. А. Моисеева для получения возможности вернуться в Россию на военном корабле и беспрепятственно попасть в Севастополь. В письме от 29 июня 1917 г. он просил выяснить актуальность пропуска в город и воспроизвел текст разрешения от 31 мая 1917 г. для проезда в Трапезунд [9, л. 116–116 об.].

Примечательно, что Л. А. Моисеев весной 1917 г. оказал содействие Н. К. Клуге в получении документов для проезда в Трапезунд. В архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» сохранилась копия удостоверения, оформленного заведующим раскопками: «Настоящее удостоверение выдано художнику Русского Археологического Института в Константинополе Николаю Карловичу Клуге, для представления в Штаб командующего Черноморским Флотом, в том, что он состоял на службе при Херсонесском Музее и раскопках в Севастополе с октября 1916 по май 1917 и что ныне он отправлен в Трапезунд с ученой экспедицией, организованной Российской Академией Наук, для изучения и охраны памятников старины» [9, л. 105].

Стоит отметить высокую степень достоверности сведений, которые сообщил Н. К. Клуге своему адресату. Это подтверждается всей совокупностью информации, известной об экспедиции 1917 г. и положении русских вооруженных сил в Трапезунде. Кроме того, многие факты и сюжеты, изложенные Николаем Карловичем в переписке с Л. А. Моисеевым, верифицируются текстом письма художника к Б. В. Фармаковскому от 1 июля 1917 г. (фрагменты документа были опубликованы О. В. Иодко, А. Г. Цыпкиной) [5, с. 207; 18, с. 68–69].

Письмо Н. К. Клуге к Л. А. Моисееву от 29 июня 1917 г.

Трапезунд¹,
29 июня 1917

Многоуважаемый Лаврентий Алексеевич²,

¹ Трапезунд (Трабзон) – город на северо-востоке Турции, расположенный на берегу Черного моря (совр. административный центр ила Трабзон).

² Моисеев Лаврентий Алексеевич.

Только через месяц после моего отъезда из Евпатории³ могу написать Вам кое-что о нашей научной экспедиции. Начну с того, что по приезде 5 июня в Батум⁴ мне посчастливилось в этот же день встретиться с Успенским⁵, только накануне приехавшим с женой и еще двумя участниками экспедиции⁶. В этот же день на миноносце мы выехали в Трапезунд, куда прибыли 6 июня. Остальные члены экспедиции – москвичи приехали в Трапезунд только 16го июня, и с первого же дня отношения между ними и Успенским обострились до того, что 20 июня они хотели уже возвратиться в Россию. Профессору Крымскому⁷ кое-как удалось наладить дело, но все же отношения таковы, что разрыв может произойти ни сегодня – завтра. Дело поставлено очень плохо, все делается черт знает как скверно. Состав экспедиции такой: Успенский, профессор А. Е. Крымский – восточник, профес[сор] Н. Д. Протасов⁸ – истор[ик] искусств, архитектор Н. Б. Бакланов⁹, фотограф А. В. Лавров, отставной инженер майор Г. К. фон Мейер – пейзажист(?)¹⁰, Н. Е. Макаренко¹¹ – для раскопок, тип с невыносимым характером; студент восточник, фамилии которого не помню¹², помощник профес[сора] Крымского, и я, на которого возложено копирование фресок.

В Трапезунде экспедиция проработает 2 месяца, т. е. в конце июля мы начнем разъезжаться. Начало командировки считается со дня отъезда, так что 28 июля я освобожусь и сейчас же возвращусь в Евпаторию.

Как идут у Вас раскопки? Продолжаете ли Вы копать там, где была найдена гробница с 7 скелетами или где-нибудь в другом месте?¹³

Перемен в Трапезунде очень много. Бросается в глаза исчезновение целых кварталов, постройки которых употреблены зимой на топливо. Особенно же возмущает вид гнусно разрушенных турецких кладбищ и оскверненных мечетей и теке¹⁴, – все дело рук армян-солдат, которыми теперь кишит Трапезунд. Восточных человек здесь теперь так много, что так и кажется, что находишься в кавказском городе. Дороговизна на все выросла в сравнении с прошлым годом раз в 5–6, живем черт знает как скверно, приходится чуть ли не голодать.

Своей прошлогодней «политикой» Успенский так здорово восстановил против себя греков, что они на каждом шагу стараются ему пакостить и начали форменно травить его.

Я жду не дожусь конца командировки, чтобы поскорее убраться отсюда, не заполучив снова малярии. Больных – масса. В этом году появилась какая-то новая гадость – хава, тиф не тиф, а в общем дрянь изрядная¹⁵.

Благодаря Вашему любезному содействию, за что снова приношу мою благодарность, мне удалось проехать из Севастополя в Батум по морю. Я надеюсь, что и на этот раз Вы не откажете в содействии и снова исходатайствуете мне разрешение на право проезда на военном

³ Евпатория – город на западе Крыма, административный центр Евпаторийского у. Таврической губ. (совр. административный центр городского округа Евпатория Республики Крым).

⁴ Батум (Батуми с 1936 г.) – город на юго-западе Грузии, административный центр Батумской обл. (совр. столица Аджарской Автономной Республики).

⁵ Успенский Федор Иванович (1845–1928) – историк, византист, академик (1900). В 1894–1914 гг. – директор Русского археологического института в Константинополе.

⁶ В состав этой группы также входили Макаренко Н. Е., фон Мейер Г. К.

⁷ Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) – историк, востоковед, переводчик, профессор кафедры арабской словесности лазаревского института восточных языков в Москве (1901–1918).

⁸ Протасов Николай Дмитриевич (1886–1940) – искусствовед, археолог, профессор Московской духовной академии по кафедре церковной археологии (1917).

⁹ Бакланов Николай Борисович (1881–1959) – архитектор, художник, в 1916–1917 гг. преподаватель Московских политехнических курсов инженера М. К. Приорова, Варшавского политехнического института, эвакуированного в Москву.

¹⁰ фон Мейер Георгий Константинович (1853–1919?) – офицер-кавалерист, участник русско-турецкой войны, генерал-майор (в отставке, 1910), художник. В Российской империи работы кисти Г. К. фон Мейера тиражировались на открытках (пейзажи со сценами охоты, батальные сюжеты периода Первой мировой войны).

¹¹ Макаренко Николай Емельянович (1877–1938) – историк, искусствовед, археолог, преподаватель Женских курсов высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой (1912–1919).

¹² Лозеев Павел Никифорович (1894–?) – лингвист, тюрколог.

¹³ Летом 1917 г. Л. А. Моисеев раскопки не проводил, исследования он возобновил в ноябре 1917 г.

¹⁴ Текке – мусульманский (суфийский) монастырь.

¹⁵ В 1916–1917 г. в Трапезунде сложилась сложная эпидемиологическая ситуация. Распространение имели сыпной тиф, холера, др. заболевания. «Хава» – осложненная форма сыпного тифа.

судне из Трапезунда в Батум–Севастополь, или только Батум–Севастополь. При отъезде я лично подавал прошение на имя начальника штаба командующего Черноморским флотом, мотивируя мою просьбу тем, что мне необходимо соединиться с экспедицией до ее отъезда из Батума. Не найдете ли Вы возможность обратиться лично к начальнику штаба с бумагой, в которой ходатайствовали бы о выдаче мне разрешения на право проезда на военном судне Трапезунд–Батум–Севастополь, мотивируя Ваше ходатайство тем, что мне необходимо возможно скорее возвращаться в Евпаторию для окончания начатых мною работ на раскопках. Я уверен, что по Вашему ходатайству мне сейчас же выдадут просимое разрешение, тем более, если в этом деле Вам поможет тоже лицо, при содействии которого я получил разрешение при отъезде.

Письма отсюда идут очень долго; если я обращусь лично в штаб, то пройдет много времени, если же Вы будете так добры по получении этого письма написать бумагу начальнику штаба, то это дело сейчас же оборудуют, и к концу моей командировки у меня будет уже разрешение. Если имеющийся у меня пропуск на право въезда в Севастополь надо переменить на новый, то будьте добры исходатайствовать новый. Это удостоверение (постоянное) выдано мне из штаба Командующего Черноморского флота 18 сентября 1916 года № 71713.

Удостоверение на право проезда из Севастополя было выдано мне Начальником разведывательной части Командующего черноморским флотом 31 мая 1917 г. за № 624.

Содержание его таково: Удостоверение

Предъявителю сего художнику Русского Археологического Института в Константинополе¹⁶ Николаю Карловичу Клуге Начальником Штаба Командующего Черноморским флотом разрешено совершить переход на одном из военных судов из Севастополя в Батум-Трапезунд.

Настоящее подписями с приложением казенной печати удостоверяется.

Капитан 1 ранга Нищенков¹⁷

Флаг-офицер лейтенант: Квашнин-Самарин¹⁸

Если просимое разрешение на проезд может быть переслано прямо из Севастополя в Трапезунд в канцелярию Командира порта¹⁹, то тогда будьте добры сообщить мне об этом, чтобы я знал, когда я должен буду зайти в канцелярию за получением его. Если же разрешение пришлют Вам, то перешлите его простым письмом по адресу:

Трапезунд,

до востребования²⁰

Ник[лаю] Кар[ловичу] Клуге,

Члену ученой экспедиции

Академии Наук.

На почте в Трапезунде у нас имеется ящик, куда откладываются наши письма.

Очень извиняюсь, что беспокою Вас новой просьбой, но надеюсь, что Вы и на этот раз не откажете в Вашем любезном содействии, чем очень обяжете

Преданного Вам

Н. Клуге

НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 146. Л. 114–117.
Подлинник, рукопись.

Письмо Н. К. Клуге к Л. А. Моисееву от 25 июля 1917 г.

Трапезунд,

25 июля 1917 г.

Многоуважаемый Лаврентий Алексеевич,

Скоро оканчивается срок моей командировки, поэтому меня беспокоит то обстоятельство, что я не получил еще от Вас ответа на мое письмо, в котором просил Вас исходатайствовать мне разрешение на проезд из Трапезунда в Севастополь на военном судне, если окажется нужным, выслать новый пропуск на право въезда в Севастополь.

¹⁶ Формально Н. К. Клуге не состоял в штате Русского археологического института в Константинополе.

¹⁷ Нищенков Алексей Аркадьевич (1882–1934) – морской офицер, кап. 1-го ранга (1917), в 1916–1917 гг. заведовал разведывательной частью штаба командующего Черноморского флота.

¹⁸ Квашнин-Самарин Владимир Николаевич (1885–1966) – офицер, лейтенант, служил в оперативном отделе штаба командующего Черноморского флота.

¹⁹ В это время обязанности командира временного военного Трапезундского порта исполнял капитан 1-го ранга Никанов Иван Владимирович.

²⁰ Подчеркнуто в тексте.

Времени осталось уже мало, кружным путем письма идут очень долго, – поэтому будьте добры передать Ваше письмо и просимое разрешение для пересылки мне гардемарину Иосифу Николаевичу Колларо²¹, занимающемуся в разведывательном отделе штаба у капитана Нищенкова.

Вместе с письмом Вам я пишу г[осподину] Колларо.

До сих пор Бог меня миловал, но остальные члены нашей экспедиции все переохворали малярией, трое их них уже совсем уехали из Трапезунда.

Результаты экспедиции довольно невелики, что объясняется как неорганизованностью экспедиции, так и непригодностью некоторых членов ее к выполнению возложенных на них задач.

Что касается фотограф[ических] снимков стен кремля трапезундского, то кое-что можно будет приобрести у фотографа экспедиции по 1 рублю за снимок (18 × 24 см) и то только по возвращении фотографа в Москву.

Новостей у нас довольно много и довольно «пикантных» по отношению к Ф. И. Успенскому. Писать в письме по многим соображениям – неудобно, расскажу по возвращении.

Будьте добры, указать Ваш настоящий адрес и где Вы находитесь или будете находиться ко времени моего возвращения в Евпаторию.

Настоящее письмо будет доставлено Вам частью по воздуху (на гидроплане), частью по морю, так что Вы получите его наверняка очень скоро.

Буду надеяться на Ваш скорый ответ.

Преданный Вам

Н. Клуге

**НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 146. Л. 132–133.
Подлинник, рукопись.**

Список литературы

1. Басаргина Е. Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. 23. С. 295–306.
2. Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе (очерки истории). СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 245 с.
3. Григорьева О. В., Медведева М. В. Л. А. Моисеев (1882–1946) и ГАИМК: работы в Крыму 1927–1929 гг. // Западная Таврида в истории и культуре средневекового Средиземноморья : мат-лы IV научно-практической конференции, п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 г. Симферополь : АРИАЛ, 2022. С. 48–62.
4. Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея // Харьковский историко-археологический ежегодник: Древности. 1997–1998. Харьков : Бизнес-информ, 1999. С. 190–197.
5. Иодко О. В. Николай Карлович Клуге (1869–1947) копиист и реставратор византийских памятников // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2016. С. 197–222.
6. Кондакова О. Н. Обустройство российских портов на побережье Анатолии. Порт Трапезунд в 1916–1918 гг. // Елагинские чтения. СПб. : РГАВМФ, 2016. Вып. 8. С. 78–91.
7. Кутайсов В. А. История исследования античных памятников северо-западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. 17. С. 30–63.
8. Медведева Л. М., Всевиов Л. М. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. / А. Е. Мусин, И. Л. Тихонов // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.
9. НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»). Д. 146.
10. НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 148.
11. Непомнящий А. А. «Что можем, делаем...»: охрана культурного наследия в Крыму в 1917–1920 годах // Очерки истории отечественной археологии. М. : Институт археологии РАН, 2019. Вып. 5. С. 219–236.
12. Новиков Н. С. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М. : Государственное военное издательство, 1937. 269 с.
13. Старостин Д. Н. Археология... на фронте. Русские ученые в Трапезунде // Наука из первых рук. 2006. № 5 (11). С. 92–97.
14. Старостин Д. Н. Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 283–291.

²¹ Колларо Иосиф Николаевич (1889–?) – окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве, гардемарин, служил в структурах разведывательной службы Черноморского флота.

15. Стоянов Р. В. Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 522–555.

16. Тункина И. В. История отечественной науки на современном этапе: антропологический поворот // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород : Институт истории материальной культуры РАН, 2011. Т. 2. С. 354–356.

17. Тункина И. В. Моисеев Лаврентий Алексеевич // Жебелев С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921 : Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). М. : Индрик, 2017. С. 440–441.

18. Цыпкина А. Г. Русские научные экспедиции в Трапезунд (1916, 1917 гг.). СПб. : Алетейя, 2021. 264 с.

19. Шаманаев А. В. Организация охраны памятников Херсонеса в условиях немецкой оккупации Крыма в 1918 г. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма : сб. ст. по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 24–25 ноября 2022 г. Симферополь : АРИАЛ, 2023. С. 187–193.

Materials for the history of the Trebizond expedition of 1917: a letter from N. K. Kluge to L. A. Moiseev

Shamanaev Andrey Vasilyevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Archaeology and Ethnology of the Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg.
ORCID: 0000-0001-8955-8884. E-mail: shamanaev@mail.ru

Abstract. The author introduces the letters published in the Russian Academy of Sciences by N. K. Kluge – an artist, restorer, participant in the Trebizond expeditions of 1916, 1917) to L. A. Moiseev (head of the excavations of the Imperial Archaeological Commission in Kherson). The documents are kept in the funds of the scientific and archival department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos" (Simferopol). Sevastopol, Republic of Crimea, Russia). The publication follows modern trends in the study of the history of science from the standpoint of a historical and anthropological approach, in-depth attention to the identification and use of new archival materials. The letter from N. K. Kluge contains valuable information about the scientific and daily life of scientists in the summer of 1917, details of the work of the second expedition to Trebizond, and features of the interaction of representatives of scientific organizations with the military authorities in Sevastopol and Trebizond. The information contained in the documents shows the complexity of organizing scientific research in Trebizond, due to conflicting relations between the expedition participants, difficult living conditions, and a dangerous sanitary and epidemiological situation. Of significant interest is the characteristic of formal and informal relations between scientists and officers of the Black Sea Fleet, the influence of these relations on the solution of organizational issues of the 1917 expedition in Trebizond, the bishop in Yevpatoria. The author substantiates the reliability of the information contained in N. K.'s letters. Kluge, comparing with the data of modern historiography, verifies the information with the text of a letter from N. K. Kluge from Trebizond to the famous Russian archaeologist B. N. V. Farmakovskiy. The author believes that the materials of the publication can be used to study the history of Russian science, the peculiarities of interpersonal communication practices in the academic environment, the organization of interdepartmental interaction between scientific and government structures in wartime conditions.

Keywords: Russian history, historical sciences, archeology, archival science.

References

1. Basargina E. Yu. *Istoriko-arheologicheskaya ekspeditsiya v Trapezund (1916 g.)* [Historical and archaeological expedition to Trebizond (1916)] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny – Auxiliary historical disciplines*. 1991. Vol. 23. Pp. 295–306.

2. Basargina E. Yu. *Russkij arheologicheskij institut v Konstantinopole (oчерki istorii)* [Russian Archaeological Institute in Constantinople (essays on history)]. SPb. Dmitry Bulanin, 1999. 245 p.

3. Grigor'eva O. V., Medvedeva M. V. L. A. Moiseev (1882–1946) i GAIMK: raboty v Krymu 1927–1929 gg. [L. A. Moiseev (1882–1946) and GAIMK: works in the Crimea 1927–1929] // *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture srednevekovogo Sredizemnomor'ya : mat-ly IV nauchno-prakticheskoy konferencii, p. Chernomorskoe, 9–11 sentyabrya 2022 g.* – Western Taurida in the history and culture of the medieval Mediterranean: proceedings of the IV scientific and practical conference, Chernomorskoye settlement, September 9–11, 2022 Simferopol. ARIAL, 2022. Pp. 48–62.

4. Grinenko L. O. *Iz istorii Hersonesskogo muzeya* [From the history of the Chersonesos Museum] // *Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik: Drevnosti. 1997–1998* – Kharkiv Historical and Archaeological Yearbook: Antiquities. 1997–1998. Kharkov. Business Inform, 1999. Pp. 190–197.

5. Iodko O. V. *Nikolaj Karlovich Kluge (1869–1947) kopiist i restavrador vizantijskih pamyatnikov* [Nikolai Karlovich Kluge (1869–1947) copyist and restorer of Byzantine monuments] // *Nemcy v Sankt-Peterburge. Biograficheskij aspekt. XVIII–XX vv – Germans in St. Petersburg. Biographical aspect. XVIII–XX centuries*. SPb. Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera), 2016. Pp. 197–222.
6. Kondakova O. N. *Obustrojstvo rossijskih portov na poberezh'e Anatolii. Port Trapezund v 1916–1918 gg.* [Arrangement of Russian ports on the coast of Anatolia. The port of Trebizond in 1916–1918] // *Elaginskije chteniya – Elagin readings*. SPb. RAVMF, 2016. Is. 8. Pp. 78–91.
7. Kutajsov V. A. *Istoriya issledovaniya antichnyh pamyatnikov severo-zapadnogo Kryma* [The history of the study of ancient monuments of the North-Western Crimea] // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii – Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. 2011. Is. 17. Pp. 30–63.
8. Medvedeva L. M., Vsevirov L. M. *Ocherk istorii deyatel'nosti Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii v 1859–1917 gg.* [An essay on the history of the activity of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917] / A. E. Musin, I. I. Tikhonov // *Imperatorskaya Arheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo naslediya – Imperial Archaeological Commission (1859–1917): on the 150th anniversary of its foundation. At the origins of Russian archeology and protection of cultural heritage*. SPb. Dmitry Bulanin, 2009. Pp. 21–247.
9. SAD SHAMR "Tauric Chersonesos" (Scientific and archival department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos"). File 146.
10. SAD SHAMR "Tauric Chersonese". D. 148.
11. Nepomnyashchij A. A. *"Chto mozhem, delaem...": ohrana kul'turnogo naslediya v Krymu v 1917–1920 godah* ["What we can do": protection of cultural heritage in the Crimea in 1917–1920] // *Ocherki istorii otechestvennoj arheologii – Essays on the history of Russian Archaeology*. M. : Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Is. 5. Pp. 219–236.
12. Novikov N. S. *Operacii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 gg.* [Fleet operations against coastal defense on the Black Sea in 1914–1917]. M. State Military Publishing House, 1937. 269 p.
13. Starostin D. N. *Arheologiya... na fronte. Russkie uchenye v Trapezunde* [Archeology at the front. Russian scientists in Trebizond] // *Nauka iz pervyh ruk – Science from the first hand*. 2006. No. 5 (11). Pp. 92–97.
14. Starostin D. N. *Trapezundskaya ekspeditsiya 1916–1917 gg.* [Trebizond expedition 1916–1917] // *Novejshaya istoriya Rossii – Modern history of Russia*. 2014. No. 3 (11). Pp. 283–291.
15. Stoyanov R. V. *Imperatorskaya Arheologicheskaya Komissiya i izuchenie Hersonesa Tavricheskogo* [Imperial Archaeological Commission and the study of Tauric Chersonesos] // *Imperatorskaya Arheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo naslediya – Imperial Archaeological Commission (1859–1917): on the 150th anniversary of its foundation. At the origins of Russian archaeology and the protection of cultural heritage*. SPb. Dmitry Bulanin, 2009. Pp. 522–555.
16. Tunkina I. V. *Istoriya otechestvennoj nauki na sovremennom etape: antropologicheskij povorot* [The history of Russian science at the present stage: an anthropological turn] // *Tr. III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda – Works of the III (XIX) The All-Russian Archaeological Congress*. SPb.–M.–Veliky Novgorod. Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2011. Vol. 2. Pp. 354–356.
17. Tunkina I. V. *Moiseev Lavrentij Alekseevich* [Moiseev Lavrenty Alekseevich] // *Zhebelev S. A. Russkoe arheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya. 1897–1921 : Istoricheskij ocherk. Prilozhenie: Biobibliograficheskij slovar' chlenov RAO (1846–1924)* [Russian Archaeological Society for the third quarter of a century of its existence. 1897–1921: A historical sketch. Appendix: Bio-bibliographic dictionary of RAO members (1846–1924)]. M. Indrik, 2017. Pp. 440–441.
18. Cypkina A. G. *Russkie nauchnye ekspeditsii v Trapezund (1916, 1917 gg.)* [Participated in Russian scientific expeditions to Trebizond (1916, 1917)]. SPb. Aleteya, 2021. 264 p.
19. Shamanaev A. V. *Organizatsiya ohrany pamyatnikov Hersonesa v usloviyah nemeckoj okkupatsii Kryma v 1918 g.* [Organization of the protection of monuments of Chersonesos in the conditions of the German occupation of Crimea in 1918] // *Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma : sb. st. po materialam IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Simferopol', 24–25 noyabrya 2022 g.* – Actual issues of protection and use of the cultural heritage of Crimea : Collection of articles based on the materials of the IX All-Russian Scientific and Practical conference, Simferopol, November 24–25, 2022 Simferopol. ARIAL, 2023. Pp. 187–193.

Ремесленные и хозяйственные орудия Плесинского могильника

Моряхина Кристина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь.

ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. Плесинский могильник расположен в Гайнском районе Пермского края. Раскопки на памятнике проводились в 1960–1961 гг. под руководством В. А. Оборина. На памятнике обнаружен разнообразный погребальный инвентарь: украшения, погребальные сосуды, орудия труда, вооружение, детали конской упряжи. Цель данной статьи – рассмотреть ремесленный и хозяйственный инструментарий, обнаруженный на Плесинском могильнике, и его место в погребальном обряде. Ремесленные орудия представлены деревообрабатывающим, металлургическим, универсальным инструментарием, предметами женского ремесла. Деревообрабатывающие орудия чаще всего обнаружены в виде комплексов предметов, которые могли включать в себя скобели, стамески, резцы, топоры, тесло. Металлургический инструментарий встречен в единичных случаях – в одном погребении были кузнечные клещи и молоточек. В наибольшем количестве найдены универсальные орудия (оселки, шила, ножи). Ножи были в 60,8 % погребений. В сравнении с другими средневековыми могильниками это наиболее высокий процент встречаемости ножей на памятнике. Найденные хозяйственные орудия отражают занятия охотой и земледелием. Теоретически все наконечники стрел и копий могли использоваться в охоте, поэтому они были рассмотрены в рамках данной статьи. Наконечники стрел были в 41,2 % погребений, в одном погребении их количество могло варьироваться от одного до восьми. Орудие, связанное с земледелием, – зернотерка – было обнаружено не в погребении, а в жертвенной яме. Вероятно, земледелию не отводилось значимой роли. Планиграфически ремесленные и хозяйственные орудия, за исключением ножей и наконечников стрел, располагались в северной части могильника. Возможно, в этой части памятника были захоронены лица более высокого статуса, которые выполняли несколько важных функций: занимались ремеслом, участвовали в охоте, защищали население.

Ключевые слова: ремесло, хозяйство, Плесинский могильник, средневековье, погребальный обряд, Пермское Предуралье.

Вводная часть. Изучение хозяйственной и ремесленной деятельности дает представление об уровне жизни населения, его традициях. Хозяйственная деятельность включает такие занятия, как земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, бортничество. В археологической науке представление о хозяйственном укладе складывается на основе изучения костных останков животных, орудий труда, связанных с земледелием, охотой и рыболовством, обнаруженных на поселенческих и погребальных памятниках. Изменения в хозяйственном укладе могли быть связаны с изменением климата, расширением знаний и навыков человека, культурными влияниями извне. Не менее важную роль в жизни человека играет ремесло, поскольку именно оно направлено на создание орудий труда, вооружения, бытовых предметов, одежды, жилища и пр. Общество со временем совершенствует свои ремесленные навыки, осваивает все более сложные техники. Изучение ремесла на конкретной территории позволяет определить, какие ремесла были освоены и распространены у конкретного народа, уровень развития техник, и как следствие, сравнивать полученные данные с соседними территориями.

На данный момент ремесленная и хозяйственная деятельность средневекового населения Пермского Предуралья недостаточно изучена, в том числе не обобщены материалы раскопок последних лет, не по всем памятникам имеются представления хозяйственной и ремесленной деятельности населения. Наиболее изученными аспектами являются земледелие [24], вооружение [12–15], ювелирное дело [20; 23], деревообрабатывающее ремесло [26]. Стоит

отметить статью А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой «Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения» [9], в которой были рассмотрены материалы Рождественского могильника. Эта статья послужила отправной точкой для проведения данного исследования.

В данной работе рассмотрены материалы Плесинского могильника. Объектом исследования был выбран данный памятник, поскольку на нем было обнаружено значительное количество ремесленных орудий, отражающих разные виды деятельности, а также предметов вооружения, которые могли быть использованы в охоте.

Плесинский могильник расположен на склоне высокого левого берега р. Камы на расстоянии 350 м от реки, в 100 м к востоку от д. Плесо Гайнского района Пермского края [3, с. 7]. Памятник датируется VII – началом X в. и относится к ломоватовской археологической культуре.

Первые находки украшений вблизи д. Плесо были найдены еще в конце XIX в. и вошли в коллекцию Теплоуховых [27, с. 54–60]. Сам могильник был обнаружен только в 1960 г. во время строительных работ. Когда рабочие стали рыть траншею, были выкопаны человеческие кости, украшения, оружие, конская сбруя. Вещи были переданы в Кудымкарский краеведческий музей. Предположительно, было разрушено три погребения. Осенью того же года под руководством В. А. Оборина начались раскопки на месте строительных работ. Была вскрыта площадь 136 кв. м, на которой изучено 9 погребений [3, с. 6]. В 1961 г. В. А. Обориным были продолжены работы на памятнике, в ходе которых было вскрыто еще 352 кв. м. Всего за два года раскопок было изучено 51 погребение [1, с. 2]. Коллекция Плесинского могильника хранится в Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка.

На Плесинском могильнике погребения преимущественно ориентированы в западную сторону: на запад – 49,0 %, на юго-запад – 29,4 %, на северо-запад – 13,7 %. Относительно плана местности погребенные лежали ногами к реке. Выбиваются из общего ряда одно погребение, ориентированное на север, и два – на юг. Погребальные ямы имеют, как правило, малые и средние размеры – 41,2 % и 51,0 % соответственно. Глубина могильных ям неглубокая, варьируется от 10 до 38 см. Погребальные ямы без конструктивных особенностей. Захоронения совершены по обряду ингумации, все захоронения одиночные. В 11 погребениях зафиксированы остатки деревянной конструкции, вероятно, гробовища. Вместе с этим на могильнике можно отметить еще одну традицию – заворачивание тела покойного в бересту или луб, что удалось проследить в трех погребениях. В заполнении погребальной ямы в единичных случаях встречались угли (1,9 %), кости животных отсутствуют [19].

Частично материалы могильника были опубликованы автором раскопок В. А. Обориным в 1962 г. (9 погребений) [21]. Погребальный обряд и отдельные предметы могильника были рассмотрены в рамках фундаментальных работ, посвященных родановской культуре [22], ломоватовской культуре [10], истории прикамского костюма [16]. Автором данной статьи в 2020 г. была опубликована работа, посвященная погребальному обряду Плесинского могильника [19]. Предметы вооружения (наконечники стрел, наконечники копий, топоры, сабли), в том числе обнаруженные на Плесинском могильнике, были изучены и опубликованы А. В. Даничем [12–15]. А. Р. Смертиным в статье «Деревообрабатывающий инструментарий Пермского Предуралья в эпоху средневековья» были рассмотрены наряду с другими памятниками орудия с Плесинского могильника [26].

В основе данного исследования лежал типологический метод, который позволил выделить категории предметов и конкретные типы орудий, обнаруженных на памятнике. Обращение к планиграфическому методу позволило выявить концентрацию ремесленных и хозяйственных орудий в определенной части памятника, комплексы орудий и их сочетание в конкретных погребениях. В статье были приведены аналогии с других средневековых памятников Пермского Предуралья. Автор статьи опиралась на материалы отчетов [3; 1] и коллекцию памятника, хранящуюся в Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка.

Основная часть. На памятнике среди погребального инвентаря и в жертвенных ямах обнаружен ремесленный и хозяйственный инструментарий, а также вооружение, предметы конской упряжи.

Ремесленные орудия представлены деревообрабатывающим, металлургическим, универсальным инструментарием, предметами женского ремесла.

Деревообрабатывающий инструментарий (22 экз.). Скобель (п. 5, 12, 16, 19, 33; в 9,8 % погребений) – инструмент, предназначенный для строгания бревен после обработки их топором, для снятия остатков коры [25, с. 203]. Орудие представляет собой скобу с лезвием.

Скобель закреплялся в деревянной колодке клином, благодаря чему можно было регулировать нажим. Обнаруженные на Плесинском могильнике, как и на других средневековых памятниках Пермского Предуралья, орудия были П-образной формы. По мнению А. Р. Смертина, инструмент корректнее называть ввиду его меньшего размера настругом, а не скобелем [26, с. 95].

Резец (п. 5, 10, 16, 19, 33; в 9,8 % погребений) – инструмент, применявшийся для обработки объемных изделий, например, ложек [25, с. 207]. Обнаруженные на Плесинском могильнике относятся к подгруппе ручных, тип – ложкарные. Орудие представляет собой стержень длиной 7–15 см с закругленным лезвием, заточенным на одну или обе стороны. Такой тип резцов наиболее часто встречающийся на средневековых памятниках Пермского Предуралья [26, с. 96].

Стамеска (п. 5, 12, 33; в 5,88 % погребений) – ручной режущий инструмент, использующийся для выборки небольших углублений в древесине, зачистки пазов [25, с. 207]. Найденные орудия имеют прямое и расходящиеся лезвия.

Тесло (п. 5, 16, 19; в 5,88 % погребений) – инструмент, использовавшийся для выдалбливания желобов, пазов и вытесывания выемок в бревнах [25, с. 202].

На Плесинском могильнике были найдены втульчатые тесла двух типов (классификация приведена по А. Р. Смертину [26, с. 94]): фигурные (п. 16) и с прямым лезвием (п. 5, 19). Фигурные тесла имеют изогнутую основу и дугообразное лезвие. Они крепились на коленообразной рукояти. Такими орудиями делались пазы и проходы в древесине. Тесла с прямым лезвием имеют прямые трубицу и рабочую часть. Они насаживались на прямую рукоять, и ими можно было выполнять как рубку и долбление, так и строгание. Такой инструмент также мог использоваться в качестве мотыги.

Топоры (п. 3, 6, 12, 20, 25, 36; в 11,8 % погребений). Топоры разделяются на боевые, универсальные и плотницкие. На Плесинском могильнике было обнаружено 14 топоров, из них 8 относятся к боевым (автор статьи опирался на определения автора раскопок В. А. Оборина [3; 1] и А. В. Данича [12]), остальные к деревообрабатывающим и универсальным. Последние представлены двух типов: проушные (широколезвийные (4 экз.) и узколезвийные (1 экз.)) и кельты (1 экз.).

В 5 погребениях их 51 деревообрабатывающий инструментарий представлен в виде комплексов, среди которых можно выделить 4 типа наборов:

Тип 1. Скобель или наструг + стамеска + топор – п. 12.

Тип 2. Скобель + резец-ложкарь + стамеска – п. 33.

Тип 3. Скобель + резец-ложкарь + тесло – п. 16, 19.

Тип 4. Скобель + резец-ложкарь + стамеска + тесло – п. 5.

В восьми погребениях инструменты представлены одним из предметов в могильной яме: в одном случае (п. 10) – ложкарь, в пяти – топоры (п. 3, 17, 20, 25, 36).

Как мы видим, комплексы включают в себя три или четыре предмета, что, вероятно, указывает на высокий уровень мастерства погребенных.

Погребения с деревообрабатывающим инструментарием сосредоточены в северной части памятника. В первом ряду погребения № 12, 16, 33 расположены единой группой [1, с. 4–5]. Скорее всего, все погребения принадлежат индивидам мужского пола.

В погребении, как правило, орудия располагаются на поясе (в 6 случаях) или в ногах/между ног (в 6 случаях). В единичных случаях обнаружены в районе головы комплексы предметов (скобель, ложкарь и тесло), в районе груди – топор.

В процентном соотношении количество погребений с деревообрабатывающим инструментарием от общего количества изученных составляет 13,7 %. Погребения, в которых были найдены орудия, датируются VIII–IX в.

В погребениях с деревообрабатывающим инструментарием часто встречается оружие. В 9 из 12 погребений были стрелы, в трех из них еще были копье и сабля. В трети погребений были детали конской упряжи, в таком же количестве захоронений найдены другие орудия труда (оселки, шило). В больше половине погребений (58,3 %) были кресала. Из украшений преобладали височные кольца (58,3 %), поясная гарнитура (58,3 %), браслеты (41,7 %). В одном захоронении была погребальная маска (п. 6).

Комплексы деревообрабатывающих орудий, состоящих из трех предметов, были обнаружены в погребениях и на других средневековых памятниках Пермского Предуралья – Агафоновский II (п. 309) [2], Редикарский могильник (п. 9) [5], Рождественский (п. 120) [8, с. 120–121], Плотниковский (п. 29) [17, с. 30–31].

Металлургический инструментарий (2 экз.). Кузнечные клещи (п. 35) имеют длину 35 см, длину губ – 15 см. Ввиду своего размера клещи могут быть отнесены к кузнечным. В этом же погребении был обнаружен молоточек.

Молоточек (п. 35). Рабочая поверхность имеет с обеих сторон прямоугольную форму. Размер рабочей поверхности составлял 2,2–3 см, длина молоточка 11,8 см. Изделия могли использоваться при ковке изделий как из цветного, так и из черного металла.

Оба орудия обнаружены в погребении 35 в центральной части. Помимо этого в погребении были височное кольцо, пронизки с привеской, нож и кресало.

Подобные орудия известны по материалам других памятников. Metallургические молоточки были найдены на Агафоновском I (п. 129) [6], Редикарском (п. 4) [18, с. 126], Рождественском (п. 257) [7], Шукинском (в межмогильном пространстве) [4, рис. 134] могильниках. На Редикарском и Рождественском могильниках в этих же погребениях были обнаружены тигельные клещи. Тигельные клещи отличаются от кузнечных меньшим размером.

Универсальный инструментарий (40 экз.). К универсальным орудиям труда были отнесены оселки, шилья, ножи.

Оселок (п. 5, 16, 28, 40; в 7,8 % погребений) – точильный камень, как правило, прямоугольной формы, предназначен для затачивания инструментов. Стоит отметить, что инструмент был необходим, в том числе, для столяров и плотников, для которых была важна своевременная и правильная заточка орудий [2, с. 19]. Оселки в погребениях находились чаще в ногах, в одном случае в районе пояса.

Шило (п. 5, 8, 19, 25, 29, 43; в 9,8 % погребений) – орудие, использовавшееся для проколки, например, кожи. Шила могли быть расположены в разных частях погребения: в трех случаях – в ногах, по одному случаю – в районе головы и пояса.

В погребениях с оселками и шильями в 77,8 % было оружие (в основном наконечники стрел). В половине погребений (55,6 %) были детали конской упряжи и кресала. Из украшений преобладали поясной набор (в 77,8 % погребений), височные кольца (44,4 %), подвески (33,3 %).

К универсальным орудиям также относятся *ножи (31 экз. в 60,8 % погребений)*, которые являются весьма распространенной находкой на могильнике. То же самое характерно и для других средневековых погребений Пермского Предуралья. Например, в свыше 30 % погребений ножи были обнаружены на Аверинском I (50 %), Аверинском II (31,3 %), Баяновском (45,5 %), Каневском (35,9 %), Шукинском (36,6 %) могильниках.

Орудия женского домашнего производства (16 экз.). К орудиям женского производства отнесены иглы и пряслица.

Иглы (13 экз.). Все иглы были обнаружены в одном погребении (п. 18) слева от локтевой кости. Судя по инвентарю (бусы, медальон, монета) погребение было женское.

Пряслица (п. 4, 8, 29; в 5,9 % погребений) – грузики в форме диска со сквозным отверстием, применявшиеся для утяжеления ручного веретена и крепления пряжи на нем.

Два пряслица были в погребениях, где также было найдено шило. С другими орудиями труда, оружием и конской упряжью они не встречаются.

Погребения с женскими орудиями труда располагались в тех же рядах погребений, что и погребения с деревообрабатывающим ремеслом. В двух случаях погребения располагались по соседству.

Помимо ремесленных инструментов на памятнике обнаружены хозяйственные орудия, которые были связаны с охотой и земледелием.

Орудия, используемые в охоте (59 экз.). Теоретически любое копье или стрела могли использоваться как орудие для охоты.

Наконечники стрел (52 экз.). Они были обнаружены в 21 погребении (в 41,2 % погребений). Количество наконечников стрел в одном погребении могло варьироваться от одного до восьми. Наконечники стрел были железные и костяные. При выделении типов автор статьи опиралась на классификации стрел Р. Д. Голдиной [10, с. 56–57] и А. В. Данича [14; 15].

Отдел А. Железные (50 экз.).

Группа 1. Черешковые (47 экз.).

Тип 1. Ромбические с прямыми сторонами и расширением в нижней части пера (п. 3, 5, 6, 13 (2 экз.), 26, 32 (3 экз.), 43 (4 экз.), 45, 47).

Тип 2. Ромбические с расширением в верхней части пера и прямыми сторонами (п. 16, 19, 20, 22, 26, 28).

Тип 3. Листовидные с усеченным основанием (п. 33 (5 экз.), 40, 43, 46).

Тип 4. С коротким треугольным пером с шипами в основании (п. 10, 22, 24).

Тип 5. Узкое шиловидное ромбического сечения с перехватом у черешка (п. 43). Такие наконечники стрел считаются типичными противокольчужными [15, с. 102–103], и вряд ли использовались в охоте.

Тип 6. Двурогие без упора в виде буквы «V» (п. 12, 20, 33, 47).

Тип 7. Двурогие с упора в виде буквы «V» (п. 6, 40).

Тип 8. Двурогие без упора в виде полумесяца (п. 33, 47).

Типы 6–8 относятся к наконечникам срезням. Срезни использовались для нанесения раны незащищенному доспехами воину или животному. Такое оружие позволяло наносить жертве глубокие резаные раны, которые приводили к сильным кровотечениям [14, с. 49].

Группа 2. Втульчатые (3 экз.). Втульчатый наконечник конусовидной формы (п. 6, п. 33 (2 экз.)).

Отдел Б. Костяные (2 экз.).

Тип 1. Треугольные в сечении без четко выраженного черешка (п. 43).

Тип 2. Втульчатый четырехгранный с четырьмя вставленными в основание железными когтями (п. 5).

Наконечники стрел в погребениях располагались в равном количестве в районе головы или ног – в 38,1 % погребений, в 23,8 % – в районе груди или рук.

В пяти погребениях (в 23,8 % от количества погребений с наконечниками стрел) наконечники стрел обнаружены в комплексе с другим оружием:

– сабля + наконечник копья + топор + наконечник стрелы (п. 5, 19, 26). Погребения 19 и 26 находятся по соседству во втором ряду, погребение 5 расположено недалеко от них в третьем ряду;

– наконечник копья + топор + наконечник стрелы (п. 16, 32).

Погребения с наконечниками стрел не выделяются планиграфически, расположены в разных частях памятника.

Стоит отметить, что на Плесинском могильнике наибольший процент встречаемости наконечников стрел в погребениях в сравнении с другими средневековыми могильниками Пермского Предуралья. Следующими «в рейтинге» по количеству погребений с наконечниками стрел являются Рождественский и Каневский могильники, где процент погребений с наконечниками стрел составляет 25,8 % и 20,5 % соответственно. Нельзя исключать того, что при дальнейшем изучении Плесинского могильника процент погребений с наконечниками стрел может снизиться, и общая картина может поменяться.

Наконечники копий (7 экз.).

Наконечники копий обнаружены в тех же погребениях, где были наконечники стрел. Всего в 6 погребениях (в 11,8 % от общего количества). Классификация приведена по А. В. Даничу [13].

Тип 1. Втульчатое четырехгранное (п. 16).

Тип 2. Коротковтульчатое с ромбическим сечением пера (п. 19 – 2 экз.).

Тип 3. Длинновтульчатые с ребром жесткости (п. 26, 46).

Тип 4. Втульчатые равновеликие с ромбическим сечением пера (п. 32).

Наконечник копья из погребения 5 сохранился во фрагментарном состоянии, из-за чего не удалось определить его тип.

В погребении наконечники копий располагались во всех случаях в районе головы. Планиграфически захоронения расположены в северной части памятника.

В половине погребений (52,4 %) с орудиями, используемыми в охоте, были топоры, с такой же частотой встречались кресала. В 38 % погребений были обнаружены элементы конской упряжи, в 23,8 % – скобели и ложки. Из украшений преобладали поясная гарнитура (в 61,9 % погребений) и височные кольца (в 47,6 %). В 5 погребениях (в 23,8 %) были погребальные маски. Всего на памятнике было найдено 6 погребальных масок.

Орудия земледелия (1 экз.). В погребениях предметы, связанные с земледелием, не встречаются. На Плесинском могильнике в жертвенной яме была обнаружена *зернотерка*. В заполнении ямы помимо этого были угли, зола, фрагменты керамики, кости животных. Жертвенная яма располагалась в северной части могильника вблизи погребения 29.

Несмотря на то, что в Плесинском могильнике орудий земледелия практически нет, на других могильниках VIII–XI вв. Пермского Предуралья обнаружены мотыжки – Аверинском II, Редикорском, Рождественском, Урьинском могильниках [24, с. 10].

Заключение. Изучение ремесленных и хозяйственных орудий на Плесинском могильнике позволило прийти к следующим выводам:

– погребения с ремесленными и хозяйственными орудиями сосредоточены в северной части могильника. Люди, занимающиеся ремеслом, охотой, защитой своего поселения, являлись, можно сказать, элитой общества. Вероятно, в северной части памятника хоронили людей, имеющих высокий социальный статус. В этом плане Плесинский могильник отличается от чуть более позднего Рождественского могильника (сравнение проведено с этим памятником, поскольку на данный момент схожее исследование опубликовано только по Рождественскому могильнику). На Рождественском могильнике погребения с орудиями располагались в разных частях памятника (за исключением п. 247, 249, 250), и, как предполагали А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова, такие погребения могли принадлежать главам семейств [9, с. 17, 26].

– погребения с женскими орудиями труда располагались рядом с захоронениями, где были обнаружены деревообрабатывающий инструментарий и вооружение. Можно предположить, что членов семьи хоронили рядом друг с другом.

– на памятнике обнаружены инструменты, отражающие разные виды ремесленной деятельности (деревообработка, металлургия, прядение). Такое же многообразие орудий отмечено на Аверинском II, Агафоновском II, Рождественском, Щукинском могильниках [9; 6, рис. 58, 61].

– специализированный деревообрабатывающий инструментарий представлен в захоронениях, как правило, в виде комплекса орудий, что говорит о достаточно высоком уровне профессионализма.

– на памятнике высокий процент встречаемости погребений с ножами (60,8 %) и с наконечниками стрел (41,2 %). Последнее говорит о том, что охота и защита поселения играли важную роль в жизни населения, оставившего Плесинский могильник.

– земледельческие орудия, наоборот, на памятнике слабо представлены. Орудие было найдено даже не в погребении, а в жертвенной яме. Это связано с тем, что в VIII–IX вв. земледелие еще не играло значительную роль в хозяйственной жизни средневекового населения Пермского Предуралья, на пашенное земледелие перешли только в конце XI в. [24, с. 20].

– на Плесинском могильнике не было обнаружено орудий, связанных с рыбной ловлей. На других памятниках, например, на Аверинском II [11, рис. 61], Рождественском могильниках [9] известны находки рыболовных крючков.

– орудия труда часто встречались в одних погребениях с оружием, что, судя по всему, свидетельствует о том, что мужчины, обладающие высоким статусом, выполняли несколько важных функций для своего общества: занимались ремеслом, участвовали в охоте, защищали население.

Список литературы

1. Архив ИА РАН (Архив Института археологии Российской академии наук). Д. 2280. В. А. Оборин, Р. Д. Вотинцева Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в июле 1961 г. Пермь, 1961.
2. Архив ИА РАН. Д. 5576. Р. Д. Голдина Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции летом 1974 г. Ижевск, 1975.
3. Архив ИА РАН. Д. 2091. В. А. Оборин Отчет о работе археологической экспедиции Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в сентябре и октябре месяце 1960 г. Пермь, 1961.
4. Архив ИА РАН. Р-1. Д. 6650. В. А. Кананин Отчет об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области, проведенных летом 1977 года. 1978.
5. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4788. В. А. Оборин Отчет о раскопках в Чердынском районе Пермской области в 1971 г.
6. Архив ИА РАН. Д. 4005. Р. Д. Голдина Отчет о раскопках Агафоновского могильника в 1969 г. Ижевск, 1970.
7. Архив МАЭ ПГГПУ (Архив музея археологии и этнографии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета). Н. Б. Крыласова Отчет о раскопках городища и могильника у с. Рождественск Карагайского района Пермского края в 2014 г. Пермь, 2015.
8. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
9. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). С. 16–27.

10. *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.
11. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Средневековые памятники Верхней Камы. Екатеринбург : Уральский ун-т, 1989. 215 с.
12. *Данич А. В.* Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. № 10. С. 71–124.
13. *Данич А. В.* Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2010. № 3. С. 20–43.
14. *Данич А. В.* Средневековые наконечники стрел – срезы с территории Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2022. № 21. С. 48–68. DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-48-68.
15. *Данич А. В.* Типология броневых наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. № 7. С. 98–115.
16. *Крыласова Н. Б.* История Прикамского костюма. Пермь : ПГПУ, 2001. 260 с.
17. *Крыласова Н. Б., Брюхова Н. Г.* Плотниковский могильник. Пермь : ПГПУ, 2017. 222 с.
18. *Лунегов И. А.* Редикарский могильник // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 124–128.
19. *Моряхина К. В.* Особенности погребального обряда Плесинского могильника // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1 (17). С. 112–119.
20. *Моряхина К. В.* Технологические особенности средневековых украшений рук Пермского Предуралья и возможность их местного изготовления // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 7–18.
21. *Оборин В. А.* Раскопки памятников железного века в верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 2. С. 95–99.
22. *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. 1969. Вып. 9. С. 20–21.
23. *Подосенова Ю. А.* Об организации металлообрабатывающего ремесла на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. № 13. С. 55–64.
24. *Сарапулов А. Н.* Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным : дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 24 с.
25. *Сингх В. К.* Деревообработка средневекового Новгорода // Археология Пскова и Псковской земли. Семинар им. Академика В. В. Седова : мат-лы 60-го заседания. Вып. 30. М. ; Псков ; СПб. : Нестор-История, 2015. С. 200–211.
26. *Смертин А. Р.* Деревообрабатывающий инструментарий Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2021. № 19. С. 92–102. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-92-102.
27. *Спицын А. А.* Древности камской Чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. 1902. № 26. 110 с.

Handicraft and household tools of the Plesinsk burial ground

Moryakhina Kristina Viktorovna

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of National and Universal History,
Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm.

ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Abstract. The Plesinsk burial ground is located in the Gaynsky district of the Perm Territory. Excavations at the monument were carried out in 1960–1961 under the direction of V. A. Oborin. A variety of funerary implements were found on the monument: jewelry, burial vessels, tools, weapons, details of horse harness. The purpose of this article is to consider the handicraft and household tools found at the Plesinsk burial ground and its place in the funeral rite. Handicraft tools are represented by woodworking, metallurgical, universal tools, objects of women's craft. Woodworking tools are most often found in the form of complexes of objects that could include scrapers, chisels, axes, adzes. Metallurgical tools were found in isolated cases – in one burial there were blacksmith's tongs and a hammer. Universal tools (axes, awls, knives) were found in the largest number. Knives were in 60.8 % of burials. In comparison with other medieval burial grounds, this is the highest percentage of knives on the monument. The found household tools reflect hunting and farming. Theoretically, all arrowheads and spears could be used in hunting, so they were considered in this article. Arrowheads were in 41.2 % of the burials, in one burial their number could vary from one to eight. A tool related to agriculture, a grain grinder, was found not in a burial, but in a sacrificial pit. Agriculture probably did not play a significant role. Planographically, handicraft and household tools, with the exception of knives and arrowheads, were located in the northern part of the burial ground. It is possible that persons of higher status who performed sev-

eral important functions were buried in this part of the monument: they were engaged in crafts, participated in hunting, and protected the population.

Keywords: craft, economy, Plesinsk burial ground, the Middle Ages, funeral rite, Permian Urals.

References

1. Archive of IA RAS (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). File 2280. V. A. Oborin, R. D. Votinceva *Otchet o rabote arheologicheskoy ekspedicii Permskogo gosudarstvennogo universiteta i Komi-Permyackogo okruzhnogo kraevedcheskogo muzeya im. P. I. Subbotina-Permyaka v iyule 1961 g.* [Report on the work of the archaeological expedition of Perm State University and the Komi-Permyak Regional Museum n. a. P. I. Subbotin-Permyak in July 1961]. Perm, 1961.
2. Archive of IA RAS. File 5576. R. D. Goldina *Otchet ob issledovaniyah Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii letom 1974 g.* [Report on the research of the Kamsko-Vyatka archaeological expedition in the summer of 1974]. Izhevsk, 1975.
3. Archive of IA RAS. File 2091. V. A. Oborin *Otchet o rabote arheologicheskoy ekspedicii Komi-Permyackogo okruzhnogo kraevedcheskogo muzeya im. P. I. Subbotina-Permyaka v sentyabre i oktyabre mesyace 1960 g.* [Report on the work of the archaeological expedition of the Komi-Permyak Regional Museum n. a. P. I. Subbotin-Permyak in September and October 1960]. Perm, 1961.
4. Archive of IA RAS. P-1. File 6650. V. A. Kananin *Otchet ob issledovaniyah v Afanas'evskom rajone Kirovskoj oblasti, provedennyh letom 1977 goda.* [Research report in the Afanasyevsky district of the Kirov region, held in the summer of 1977]. 1978.
5. Archive of IA RAS. Ф-1. P-1. No. 4788. V. A. Oborin *Otchet o raskopkah v Cherdynskom rajone Permskoj oblasti v 1971 g.* [Report on excavations in the Cherdynsky district of the Perm region in 1971].
6. Archive of IA RAS. File 4005. R. D. Goldina *Otchet o raskopkah Agafonovskogo mogil'nika v 1969 g.* [Report on the excavations of the Agafon burial ground in 1969]. Izhevsk, 1970.
7. Archive of the MAE PSHPU (Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm State Humanitarian Pedagogical University). N. B. Krylasova *Otchet o raskopkah gorodishcha i mogil'nika u s. Rozhdestvensk Karagajnskogo rajona Permskogo kraja v 2014 g.* [Report on the excavations of the settlement and burial ground near the village of Rozhdestvensk in the Karagaysky district of the Perm Territory in 2014]. Perm, 2015.
8. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arheologicheskij kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: archaeological complex near the village. Rozhdestvensk]. Perm. PF IIA UrD RAS, 2008. 603 p.
9. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Kompleksy orudij v muzhskih zahoroneniyah lomovatovskoj kul'tury kak otrazhenie osnovnyh hozyajstvennyh i proizvodstvennyh zanyatij naseleniya* [Complexes of tools in the male graves of the Lomovatov culture as a reflection of the main economic and industrial occupations of the population] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State University. 2015. No. 6 (361). Pp. 16–27.
10. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhнем Prikam'e* [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing house of Irkutsk University, 1985. 280 p.
11. Goldina R. D., Kananin V. A. *Srednevekovye pamyatniki Verhnej Kamy* [Medieval monuments of Upper Kama]. Yekaterinburg. Uralsky University, 1989. 215 p.
12. Danich A. V. *Klassifikaciya srednevekovykh toporov Permskogo Predural'ya* [Classification of medieval axes of the Permian Urals] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii* – The works of the Kama archaeological and ethnographic expedition. 2015. No. 10. Pp. 71–124.
13. Danich A. V. *Nakonechniki kopij na territorii Permskogo Priural'ya* [Spearheads on the territory of the Perm Urals] // *Vestnik Muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* – Herald of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Permian Urals. 2010. No. 3. Pp. 20–43.
14. Danich A. V. *Srednevekovye nakonechniki strel – srezni s territorii Permskogo Predural'ya* [Medieval arrowheads – cuts from the territory of the Permian Urals] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii* – The works of the Kama archaeological and ethnographic expedition. 2022. No. 21. Pp. 48–68. DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-48-68.
15. Danich A. V. *Tipologiya bronebojnykh nakonechnikov strel Permskogo Predural'ya* [Typology of armor-piercing arrowheads of the Permian Urals] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii* – The works of the Kama archaeological and ethnographic expedition. 2011. No. 7. Pp. 98–115.
16. Krylasova N. B. *Istoriya Prikamskogo kostyuma* [The history of the Kama costume]. Perm. PSPU, 2001. 260 p.
17. Krylasova N. B., Bryuhova N. G. *Plotnikovskij mogil'nik* [Plotnikovsky burial ground]. Perm. PSHPU, 2017. 222 p.
18. Lunegov I. A. *Redikarskij mogil'nik* [Redikarsky burial ground] // *KSIIMK* – Brief reports of the Institute of the History of Material Culture. 1955. Is. 57. Pp. 124–128.
19. Moryahina K. V. *Osobennosti pogrebal'nogo obryada Plesinskogo mogil'nika* [Features of the funeral rite of the Plesinsky burial ground] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2020. No. 1 (17). Pp. 112–119.

20. Moryahina K. V. *Tekhnologicheskie osobennosti srednevekovyh ukrashenij ruk Permskogo Predural'ya i vozmozhnost' ih mestnogo izgotovleniya* [Technological features of medieval hand ornaments of the Permian Urals and the possibility of their local manufacture] // *Gumanitarnye issledovaniya. Istorija i filologija – Humanitarian studies. History and philology*. 2023. No. 12. Pp. 7–18.

21. Oborin V. A. *Raskopki pamyatnikov zheleznogo veka v verhnem Prikam'e* [Excavations of Iron Age monuments in the Upper Kama region] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of archeology of the Urals*. 1962. Is. 2. Pp. 95–99.

22. Oborin V. A. *Etnicheskie osobennosti srednevekovyh pamyatnikov Verhnego Prikam'ya* [Ethnic features of medieval monuments of the Upper Kama region] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of the archeology of the Urals*. 1969. Is. 9. Pp. 20–21.

23. Podosenova Yu. A. *Ob organizacii metalloobrabatyvayushchego remesla na territorii Permskogo Predural'ya v epohu srednevekov'ya* [On the organization of metalworking crafts on the territory of the Permian Urals in the Middle Ages] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii – The works of the Kama archaeological and ethnographic expedition*. 2017. No. 13. Pp. 55–64.

24. Sarapulov A. N. *Srednevekovoe zemledelie Permskogo Predural'ya po arheologicheskim dannym : diss. ... kand. ist. nauk* [Medieval agriculture of the Permian Urals according to archaeological data : diss. ... PhD in of Historical Sciences]. SPb. 2014. 24 p.

25. Singh V. K. *Derevoobrabotka srednevekovogo Novgoroda* [Woodworking of medieval Novgorod] // *Arheologiya Pskova i Pskovskoj zemli. Seminar im. Akademika V. V. Sedova : mat-ly 60-go zasedaniya. Vyp. 30 – Archeology of Pskov and Pskov land. The seminar n. a. Academician V. V. Sedov : the proceedings of the 60th meeting*. Is. 30. M., Pskov, SPb. : Nestor-Istorija (Nestor-History), 2015. Pp. 200–211.

26. Smertin A. R. *Derevoobrabatyvayushchij instrumentarij Permskogo Predural'ya v epohu srednevekov'ya* [Woodworking tools of the Permian Urals in the Middle Ages] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii – The works of the Kama archaeological and ethnographic expedition*. 2021. No. 19. Pp. 92–102. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-92-102.

27. Spicyn A. A. *Drevnosti kamskoj Chudi po kollekcii Teplouhovyh* [Antiquities of the Kama Chud according to the Teploukhov collection] // *Materialy po arheologii Rossii – Materials on Archeology of Russia*. 1902. No. 26. 110 p.

Образ пустоты в повести Дж. Конрада «Сердце тьмы»

Михайленко Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий. Россия, г. Уфа. E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

Аннотация. «Сердце тьмы» Дж. Конрада – одно из самых сложных и неоднозначных произведений европейской литературы рубежа XIX–XX вв., породивших – прежде всего в западном литературоведении – обширную критическую традицию. Новизна данного исследования состоит в попытке автора статьи доказать, что одним из универсальных принципов, организующих пространство повести, является идея пустоты. Этому аспекту художественной структуры «Сердца тьмы» в отечественном конрадоведении не было уделено должного внимания.

Понятие пустоты в западной культуре, начиная со Средневековья, предстает преимущественно негативно окрашенным, поскольку позитивные коннотации благодаря влиянию христианства закреплены за понятием полноты. Круг ассоциаций, связанных с пустотой, включает в себя образы тьмы, смерти, небытия, пустого пространства, пустотелости, ирреальности, бессмысленности, непознаваемости, невыразимости и тщетности. Автор статьи обращает внимание на то, что они представлены в «Сердце тьмы» во всей совокупности, и последовательно анализирует компоненты произведения, в которых они реализованы. Отмечается, что Конрад обращался к ним при создании пространственно-временного фона, при изображении образов персонажей и при выстраивании сложной повествовательной стратегии со сменой рассказчиков и точек зрения. Вывод статьи заключается в том, что образы и мотивы, воплощающие идею пустоты, пронизывают все уровни повести и, взаимодействуя друг с другом, формируют идейный, тематический и символический каркас произведения.

Результат настоящего исследования может быть полезен специалистам по английской культуре и литературе, а также всем интересующимся творчеством Джозефа Конрада.

Ключевые слова: Джозеф Конрад, «Сердце тьмы», пустота, символ, лейтмотив.

«Сердце тьмы» Дж. Конрада (1900) можно отнести к числу самых непростых и противоречивых книг западной литературы конца XIX – начала XX столетий. По замечанию британского писателя Ричарда Гекоски, возникает впечатление, что повесть едва ли не намеренно создана для того, чтобы обеспечить работой литературоведов и критиков, и существует столько же ее истолкований, сколько слоновой кости у мистера Куртца [21, р. 57]. Едва ли можно согласиться с Карен Хьюитт, утверждающей, что, хотя Конрад и исследует тьму человеческого сердца, это «ни в коем случае не символическое или метафизическое произведение» [12, с. 176] в силу его предельной реалистичности. На наш взгляд, это очевидное и неоправданное упрощение проблематики повести, которая даже в немногих отечественных исследованиях советского периода была отнесена к разряду «книг-парабол» и «романов-притч» [11, с. 9]. В письме 1918 г. Конрад предельно осторожно объясняет одному из своих корреспондентов: «..произведение искусства крайне редко имеет одно-единственное истолкование и совсем необязательно сводится к какому-то определенному тезису» [6, с. 236]. Мысль писателя можно сформулировать откровеннее: имеет ли вообще отношение к искусству произведение, допускающее лишь одно истолкование и сводимое к одному определенному тезису?

В настоящей статье предпринята попытка показать, что ключевую роль в художественной структуре «Сердца тьмы» играет наряду с образом тьмы образ пустоты, пронизывающий все уровни текста – от повествовательной структуры до символики. Постановка проблемы тем более правомерна, что уже в названии повести фигурирует очевидная и едва ли не самая

явная для человека западной культуры негативная ассоциация с пустотой. Тем не менее предложенная тема – идея пустоты как сквозной структурообразующий принцип «Сердца тьмы» – прежде не становилась, насколько нам известно, предметом специального комплексного исследования, и этим обусловлена научная новизна работы.

В западном литературоведении «Сердце тьмы» является предметом неослабевающего пристального внимания со второй половины XX в. В огромном массиве опубликованного материала выделяются посвященные повести тематические издания, выходившие в авторитетных академических сериях „Modern Critical Interpretations“, „Case Studies in Contemporary Criticism“ и др. На наш взгляд, наибольший интерес среди них представляет вышедший в 1987 г. в Нью-Йорке под редакцией профессора Йельского университета Гарольда Блума сборник работ 60–80 гг., без преувеличения составивших золотой фонд конрадианы [24]. Усилиями выдающихся англо-американских исследователей в образах и мотивах «Сердца тьмы» обнаружены отсылки к целому ряду мифологических и литературных памятников; выяснены нюансы конрадовского восприятия западных философских и естественно-научных тенденций рубежа веков; повесть включена в политический и общекультурный контекст рубежа XIX–XX вв.

Следующей вехой академического конрадоведения стало издание 1996 г. под редакцией профессора университета Майами Росса Мерфина, включающее помимо авторизованного текста «Сердца тьмы» несколько эссе в русле актуальных течений критической мысли – литературной деконструкции [30], гендерных исследований [32], «нового историзма» [15] и «культурной критики» [14]. Наконец, появление английского перевода эссе Филиппа Лаку-Лабарта «Ужас Запада» привело к выходу в 2012 г. коллективной монографии «Возвращение к ужасу с Лаку-Лабартом» под редакцией профессора Лейденского университета Нидеша Лоту [18]. Цель издания была сформулирована редактором так: «открыть новую литературно-философскую линию исследования, которая вновь обращается к «Сердцу тьмы» в свете современной мысли» [26, р. 1]. Практически во всех эссе двух последних упомянутых сборников повесть рассматривается сквозь призму духовного, идеологического и политического опыта XX и отчасти XXI столетий. Так, в картинах колониального геноцида, созданных Конрадом в преддверии XX в., один из основателей теории литературной деконструкции Джон Х. Миллер [30] и Филипп Лаку-Лабарт [25] увидели сценарии грядущего апокалипсиса, инициируемого Западом, – механизированного уничтожения людей, в том числе холокоста.

Из недавних работ хотелось бы отметить монографию немецкого исследователя Маттиаса Лоренца «Дальнее родство» (2022). В фокусе автора – ряд затронутых в «Сердце тьмы» проблем, по разным причинам требующих сегодня переосмысления. Отметим среди них две наиболее значимые, на наш взгляд. Во-первых, Лоренц демонстрирует свою позицию в рамках продолжающейся дискуссии, вызванной обвинениями Конрада в расизме со стороны нигерийского писателя Чинуа Ачебе. Во-вторых, автор книги объясняет бросающиеся в глаза странности повествования Марлоу его травматическим опытом: «Марлоу оказывается типичным ненадежным травмированным рассказчиком. У него наблюдается частичная амнезия; все разнообразные элементы его рассказа кажутся ему эквивалентными, он не способен иерархизировать, упорядочивать и интерпретировать их» [27, р. 33].

Эти издания обладают, по нашему мнению, достаточной репрезентативностью для того, чтобы дать представление об уровне и ориентирах зарубежного конрадоведения. Можно заметить, что идеологическая и философская проблематика повести со времени ее публикации в журнале „Blackwood’s Magazine“ в 1899 г. стала приоритетной для западных рецензентов и критиков по сравнению с собственно художественными аспектами произведения, по сей день воспринимаемого прежде всего как «событие мысли» (выражение „*événement de pensée*“ принадлежит Ф. Лаку-Лабарту [25, р. 112]).

Отечественная традиция изучения «Сердца тьмы» существенно уступает западной по объему опубликованного материала и отличается по охвату проблем: научные интересы российских специалистов связаны преимущественно с художественной составляющей повести. Конрадоведение советского периода представлено очень небольшим количеством исследований – прежде всего программной статьей И. А. Кашкина «Конрад» [3], монографией Д. М. Урнова «Джозеф Конрад» [11] и несколькими статьями и диссертациями по поэтике произведений Конрада.

Среди новейших трудов, посвященных «Сердцу тьмы», выделяется коллективная монография «Эстетизация личного опыта в европейском романе XVIII – XX вв.» (2014). В. С. При-

ходько, автор главы «Отчужденность и откровение: парадоксальность взаимодействия с «Другим» в «Сердце тьмы» Джозефа Конрада» [8] рассматривает философскую и социокультурную категорию Другого на материале отношений Марлоу и Куртца, а также Марлоу и рамочного повествователя. Автор работы исследует характер их взаимодействия и решает проблему разграничения позиций биографического автора и двух рассказчиков. И. В. Кабанова, посвятившая «Сердцу тьмы» главу своего учебного пособия (2002), называет Конрада одним из основоположников модернизма в силу его понимания мира как враждебного человеку непостижимого хаоса и связывает замысел повести с исследованием природы зла, выделяя в качестве лейтмотивов произведения «зло, тьму и мрак» [2, с. 237]. З. А. Сафарова, автор вышедшей в 2022 г. статьи «Значимость "человеческого фактора" в произведениях Джозефа Конрада», делает по итогам краткого анализа «Сердца тьмы» вывод о том, что «повествуя о жизни, он (Марлоу. – Е. М.) находит разгадку души героя и одновременно с этим познает самого себя» [10, с. 728].

В западном культурном сознании, начиная с античности, понятие пустоты традиционно имеет нейтральную (то, чего нет; несуществующее) либо негативную (хаос, небытие и смерть) коннотацию [7, с. 131–132]. В христианском богословии божественной полноте противостоит негативная пустота, так что в этой системе координат зло означает отсутствие добра, тьма – отсутствие света, а ложь – отсутствие истины. В конечном счете пустота закономерно связывается здесь с дьявольским началом [4, с. 55]. Наконец в обыденном сознании человека западной культуры с пустотой – помимо ее непосредственного пространственного измерения – обычно ассоциируются тщетность, бессмысленность и бесцельность.

В «Сердце тьмы» мотив пустоты впервые возникает в начале африканского вояжа Марлоу, когда он на французском пароходе добирается до Центральной Станции – места своей будущей работы: однообразие плавания и вынужденное безделье вызывают у него ощущение мрачной, тягостной и бессмысленной галлюцинации ("the toil of a mournful and senseless delusion" [17, p. 28]). Реальность как полнота вещей, смыслов, свойств, связей оборачивается – в силу их нехватки или отсутствия – ирреальностью, предстающей естественным коррелятом пустоты. Временами Марлоу ловит себя на потребности хвататься за любые непреложные факты, которые позволяют сохранить почву под ногами. Это желание не покинет его на протяжении всего срока пребывания в Африке. Занимаясь починкой парохода на Центральной Станции, он день за днем вынужден наблюдать, как по двору, подобно сомнамбулам, слоняются деморализованные глушью агенты по добыче слоновой кости, «пилигримы без веры», убивающие время в ожидании непонятно чего и вяло интригующие друг против друга. Марлоу отмечает нереальность происходящего вокруг него и констатирует, что от нелепой участи «пилигримов» его спасает именно повседневная работа, привязывающая к реальности и позволяющая противостоять мороку обступающей глуши: "In that way only it seemed to me I could keep my hold on the redeeming facts of life" [17, p. 38]. Трудно сказать, стоит ли за этой уверенностью Марлоу сам Конрад, который определенно разбирался в «сложных системах самообмана» [1, с. 183], выстраиваемых людьми. С другой стороны, исследователями отмечена приверженность Конрада трудовой этике, сближающая его с Фрейдом [33, p. 100].

Мотив пустоты как ирреальности сопровождает в тексте и все, что касается европейского присутствия в Африке. Сильное впечатление на Марлоу оказывает французский военный корабль, который «в пустой необъятности земли, неба и воды» (здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев перевод подстрочный, "in the empty immensity of earth, sky, and water" [17, p. 29]) с завидным упорством, но без малейшего результата обстреливает пустой берег с невидимым (несуществующим?) лагерем туземцев. В этой сцене рутинного, механического безумия к мотиву пустоты-ирреальности добавляется мотив пустоты-абсурда, и, взятые вместе, они определяют в повести характер взаимодействия Запада и первобытной Африки. Беспольным, неуместным и бессмысленным выглядит там не только европейское оружие, но и остальные атрибуты цивилизации, на которых останавливается взгляд Марлоу: железнодорожная вагонетка вверх колесами, похожая на скелет животного, куча ржавых рельсов, разбитые дренажные трубы и пр. В окрестностях офиса компании Марлоу наблюдает жуткую и в то же время абсурдную сцену железнодорожного строительства, в которую вовлечено множество чернокожих рабочих, более похожих на невольников, умирающих от болезней и голода тут же, под деревьями, в подобии призрачной рощи смерти. М. Лоренц обратил внимание на символическое значение белой нитки, повязанной вокруг шеи умирающего черного юноши и вызвавшей недоумение Марлоу. По мнению исследователя, нить – своеобраз-

ная эмблема западной индустрии, – сменившая металлический ошейник на шее раба, ясно дает понять, что в колониальном капитализме – при номинальной отмене рабства – рабство лишь сменило свою маску. Характерно, что сразу же после этой сцены в роже Марлоу встречается главного бухгалтера станции в белоснежном костюме, так что читатель получает возможность в полной мере оценить глубину символа и вместе с тем сарказм Конрада [17, p. 29].

Продвигаясь с караваном пешком вглубь джунглей, к Центральной Станции, Марлоу отмечает бьющий в глаза контраст между разбегающимися тропинками и безлюдьем некогда населенной, а ныне опустевшей, точнее, опустошенной во имя прогресса, земли. Так появляется мотив пространственной пустоты ("emptiness"), который органично сочетается с мотивами ирреальности и абсурда, формируя эмоциональный и в то же время символический фон для событий повести.

Пустота в художественном пространстве «Сердца тьмы» предстает принципом, организующим (впрочем, скорее дезорганизующим) не только фон, но и фигуры. Устами Марлоу называя охотников за слоновой костью «пилигримами без веры» ("faithless pilgrims"), Конрад создает выразительный оксюморон, характеризующий незнакомую прежде рассказчику категорию людей – примитивных по выбору и убеждению, избавивших себя от какой бы то ни было системы ценностей.

Ключевым при создании образов представителей администрации и самого Куртца становится мотив пустотелости ("hollow"), спустя четверть века позаимствованный именно у Конрада Т. С. Элиотом для стихотворения «Полые люди» – "The Hollow Men" [13, с. 139–149]. Внутренняя пустота, у Элиота исключительно метафорическая, в «Сердце тьмы» предстает еще и фантазмагорически буквальной: некоторые из попадающихся Марлоу европейцев, приехавших в Африку за слоновой костью, – полые, пустотелые люди. Так, главный менеджер Центральной Станции описан Конрадом как человек без свойств, не вызывающий никаких эмоций, кроме чувства неловкости. Единственное его достоинство заключается в том, что он никогда не болеет там, где тропические болезни косят людей. Вспоминая о нем, Марлоу то ли в шутку, то ли всерьез предполагает, что у него не было ничего внутри ("Perhaps there was nothing within him" [17, p. 37]). В многократно издававшемся русском переводе «Сердца тьмы», сделанном А. Кривцовой, по какой-то причине устранена возможность буквального понимания фразы: «Быть может, он ровно ничего собой не представлял» [5, с. 39], что, на наш взгляд, существенно искажает авторское видение образа. Это решение переводчика выглядит тем более необъяснимым, что в соседнем абзаце идея буквальной внутренней пустоты чиновника получает адекватный перевод: сетуя на постоянные болезни подчиненных, тот замечает, что «людям, сюда приезжающим, не следовало бы иметь никаких внутренних органов» ("Men who come out here should have no entrails" [17, p. 37]).

Еще один едва ли не гротескный персонаж – агент Центральной Станции, обладатель неуместных в африканской глуши повадок аристократа, прибывший сюда организовать производство кирпичей и занимающийся чем угодно, но не своим делом. После разговора с этим Мефистофелем из папье-маше ("this papier-mache Mephistopheles"), с ухмылкой разглагольствующим о прогрессе и милосердии, Марлоу снова ловит себя на ощущении, что перед ним кукла, в которой, если проткнуть ее пальцем, обнаружится разве что немного жидкой грязи: "it seemed to me that if I tried I could poke my forefinger through him, and would find nothing inside but a little loose dirt, maybe" [17, p. 41].

Таким образом, в обоих случаях физическая пустота приверженцев культа слоновой кости предельно выразительно иллюстрирует степень их моральной и духовной пустоты. Мартин де ла Рошер в работе «Звучание пустого сердца Запада» допустил, что на художественное решение Конрада изобразить колониальный персонал в виде полых фигур прямо повлияла открытая в конце XIX в. технология рентгена. Будучи символом западного технологического прогресса и вызванного им чувства превосходства, она по иронии судьбы стала еще и инструментом, позволяющим обнаружить внутреннюю пустоту западного человека [31, p. 225].

Насколько можно понять, пустотелые фигуры служащих в свою очередь служат фоном для Куртца, который с определенного момента завладевает мыслями Марлоу. Этим моментом становится невольно подслушанный им разговор между главным менеджером и его дядей, обсуждающими Куртца как опасного и нежелательного конкурента, приславшего со своей Внутренней Станции много слоновой кости и счет-фактуру ("invoice"). Внутри этого сугубо финансового термина содержится слово "voice" – «голос», так что "invoice" – по аналогии с английским поэтическим неологизмом «inscape» («внутренний ландшафт» или «внутренний

пейзаж») [20, p. 132] – может означать что-то вроде «ландшафта, созданного голосом» или «отдельно существующего голоса». Этот образ, возникший из игры слов, которую уловил в неродном английском языке поляк Конрад, отныне будет единственной репрезентацией Куртца в сознании Марлоу, рвущегося в джунгли только для того, чтобы услышать, *как* говорит этот человек, но не *что* он говорит.

Марлоу вспоминает, что еще до встречи с ним никогда не представлял его действующим, но только рассуждающим ("I had never imagined him as doing, you know, but as discoursing" [17, p. 63]). Получив представление о «необоснованном методе» ("unsound method") мистера Куртца – увидев в бинокль отрубленные головы туземцев на шестах вокруг его хижины – Марлоу пытается объяснить самому себе причины невероятной перемены, которая произошла с блестяще образованным и некогда в высшей степени цивилизованным европейцем: первобытная глушь заворожила его, нашептала ему то, чего он сам не знал о себе, и этот шепот «громким эхом отозвался в нем, потому что он был пуст в своей основе» ("It echoed loudly within him because he was hollow at the core" [17, p. 74]). Бертран Рассел, знакомый с Конрадом лично, отметил присущее писателю в силу его морского опыта острое понимание того, что «цивилизованная и хоть сколько-нибудь нравственно приемлемая жизнь» подобна «опасной прогулке по едва застывшей лаве, которая в любой миг может разверзнуться и поглотить неосторожного» [9, с. 252]. После смерти Куртца Марлоу сожалеет, кажется, только о том, что его великолепный голос исчез, и не без удивления осознает, что кроме голоса там ничего и не было, так что оплакивать некого. На наш взгляд, именно искренним разочарованием, а не цинизмом вызвано это неожиданное «пилигримы похоронили что-то в грязной яме» ("The voice was gone. What else had been there? But I am of course aware that next day the pilgrims buried something in a muddy hole" [17, p. 87]).

Куртц не имеет личности, или, точнее, она целиком сведена к голосу, однако в глазах Конрада сам факт пустоты ни в коем случае не уравнивает его с кирпичником и менеджером. Попытки разграничить два вида пустоты предприняты несколькими английскими и американскими литературоведами. Так, Чарльз Кокс в своей работе «Выбор между кошмарами?» усматривает разницу в том, что в отличие от Куртца его коллеги лишены эмоций, мертвы при жизни, и потому невосприимчивы к опасному очарованию тьмы [19, p. 41]. Ричард Гекоски в эссе «Сердце тьмы» в свою очередь отмечает, что здесь противостоят друг другу пустота как простое отсутствие любого содержания ("void") и небытие ("the nothingness"), в котором эхом отдается конечная бессмысленность всех вещей [21, p. 70]. Исследователь задается вопросом, в какой степени деградация Куртца действительно обусловлена его пустотой, и пытается понять, как в сознании Марлоу уживаются два противоречащих друг другу представления: констатация внутренней пустоты Куртца и едва ли не преклонение перед замечательным человеком, который в отличие от многих осмелился заглянуть в тьму своей души и вынес себе приговор, тем самым одержав моральную победу – а именно так Марлоу оценивает знаменитые последние слова Куртца ("Horror! Horror!"). Гекоски приходит к выводу о том, что Конрад не дает (не может дать?) удовлетворительного ответа ни на один из этих вопросов. Внутренняя пустота Куртца вызывает вопросы и у Альберта Герарда, по мнению которого главное противоречие «Сердца тьмы» заключается в том, что Конрад расценивает зло в природе Куртца как активную энергию, но определяет его как пустоту [22, p. 7].

Джеймс Гетти посвящает «Сердцу тьмы» одну из глав своей монографии «Пределы метафоры» и размышляет в ней над противоречием между вдохновенным красноречием Куртца и его пустотой – противоречием, которое Марлоу, видимо, отчасти смог разрешить для себя после встречи в Брюсселе с журналистом, бывшим коллегой агента Внутренней Станции. Тот запомнил Куртца как человека, который «имел веру» – «мог заставить себя поверить во что угодно» и стал бы «отличным лидером какой-нибудь крайней партии» ("He had faith – don't you see? – he had the faith. He could get himself to believe anything-anything. He would have been a splendid leader of an extreme party") [17, p. 89]. На наивный уточняющий вопрос Марлоу о том, какую именно партию его собеседник имеет в виду, последовал ответ: «Любую партию!» ("Any party"). Гетти обращает внимание на это недоразумение: вера Куртца не была верой в единый моральный идеал, объединяющий людей одной конфессии или политической партии. Куртц верил в себя как в человека, который вправе придерживаться морали или отказаться от нее [23, p. 48].

Так в повести подспудно возникает образ музыкального инструмента, звучащего за счет своей пустотелости и только благодаря ей. Куртц действительно подобен инструменту,

который может с одинаковой страстью исполнять любую музыку. По мысли Джона Х. Миллера, сама дикая глушь использует Куртца как манекен чревоугодника, транслируя через него свои ужасные послания миру [30, р. 50]. Читатель, получивший представление о прошлом «универсального гения», экстремиста и идеалиста, без труда распознает в нем романтического индивидуалиста – тип, широко распространенный в западной культуре Нового времени; к концу XIX столетия он естественным образом обретает черты ницшеанского сверхчеловека. Иэн Уотт, например, именно и предлагает рассматривать Куртца как романтического индивидуалиста эпохи позитивизма и хищнического утилитаризма, который претерпел атавистическую регрессию [34, р. 88], но до конца сохранял крохи романтического энтузиазма, хотя и чудовищно искаженного.

Наконец, пустота окутывает и Марлоу, рассказывающего на яхте «Нелли» свою историю и временами осознающего невозможность артикулировать опыт и переживания, вынесенные из первобытной глуши. Язык как система упорядочивания реальности способен передать лишь «поверхностные истины» („surface truth”), под которыми клубится невыразимое – это чувство беспомощности знакомо каждому, кто пытался пересказать сон. Марлоу именно его и испытывает: "It seems to me I am trying to tell you a dream – making a vain attempt, because no relation of a dream can convey the dream-sensation, that commingling of absurdity, surprise, and bewilderment.." [17, р. 42]. Питер Брукс, посвятивший повести Конрада эссе «Нечитаемый отчет», обращает внимание на это сопротивление языка и приходит к выводу, что сердце тьмы, куда заглянул Марлоу, а до него Куртц, пребывает за пределами культуры, делающей язык возможным, и потому принципиально экстралингвистично [16, р. 116].

С проблемой ограниченных возможностей языка естественным образом коррелирует проблема принципиальной непознаваемости реальности, актуальная для Конрада в силу присущего ему скептицизма – не философского, а интуитивного, выработанного под влиянием жизненного опыта [28, р. 9]. Марлоу, который в своем африканском путешествии почти физически ощущал непроницаемость немой глуши, потому и не может позже подобрать слов ни для выражения впечатлений от нее, ни для подведения итога своего путешествия. Как слова лишь скользят по поверхности вещей, так и Марлоу может только подсветить смутные очертания фигуры Куртца, выбравшего стать частью этой первобытной жизни. Рассказчик не в состоянии прояснить ни себе, ни слушателям смысл рассказанной истории. В высшей степени двусмысленные финальные слова Куртца также не содержат ответов на вопросы и не могут расцениваться как подведение итогов.

Единственным ощутимым результатом путешествия к сердцу тьмы для Марлоу становится ясное видение двух отдельных реальностей, двух «кошмаров» ("nightmares") – глянцевого лицемерия цивилизации и первозданной животной откровенности. Выбор между ними для героя невозможен, и этот зазор между культурой и природой, дисциплинированным миром разума и скрытой нефотогеничной сутью вещей отныне становится местом пребывания Марлоу, неприкаянного и как бы подвешенного в пустоте между двумя несовместимыми уровнями бытия. Видимо, не случайно он рассказывает свою историю в позе проповедующего Будды, правда, без цветка лотоса. В сгустившихся сумерках он становится невидимым для собеседников, и все, что им остается во тьме и в пустоте, – его голос ("For a long time already he, sitting apart, had been no more to us than a voice" [17, р. 43]).

Наконец, идея пустоты обнаруживает себя на уровне повествовательной структуры повести с ее многослойностью и сложным взаимодействием нарративов. В своем эссе «Голос тьмы» Клод Мизона (Claude Maisonnat) замечает, что всякое великое произведение содержит в себе сущность, которая может быть названа «голосом текста» («textual voice»). По мысли исследователя, это «средство, которое успешно преобразует и распространяет голос автора в вымышленные голоса, составляющие повествование» [29, р. 165]. Будучи своеобразным незримым дирижером, безмолвной «реальностью, исключенной из репрезентации» [29, р. 166], иными словами – пустотой, голос текста обнаруживает свое присутствие по производимым им эффектам. Его действие можно уподобить тому самому конрадовскому призрачному лунному сиянию, благодаря которому становится видимым подсвеченный им туман.

Итак, идея пустоты проходит красной нитью сквозь все уровни повести Конрада. В тексте задействован целый комплекс связанных с пустотой ассоциаций, среди которых – тьма, смерть, ничто, пустое пространство, пустотелость, ирреальность, абсурдность, невыразимость, непознаваемость и бесплодность. Переплетаясь между собой, они формируют идейный, тематический и символический каркас «Сердца тьмы».

Список литературы

1. Гэрко Л. Один из нас // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 179–183.
2. Кабанова И. В. Зарубежная литература : пособие для учащихся старших классов и студентов. Саратов : Лицей, 2002. 272 с.
3. Кашкин И. А. Конрад // Для читателя-современника. Статьи и исследования. М. : Советский писатель, 1977. С. 295–319.
4. Коковкина А. А. Аксиология пустоты в европейской и восточной традициях // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. 2011. № 1–1 (7). С. 53–62.
5. Конрад Дж. Сердце тьмы и другие повести. СПб. : Азбука, 1999. 640 с.
6. Конрад Дж. Письма // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 235–245.
7. Никулина А. Г. Сакральные и профанные смыслы пустоты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 131–134.
8. Приходько В. С. Отчужденность и откровение: парадоксальность взаимодействия с «Другим» в «Сердце тьмы» Джозефа Конрада // Эстетизация личного опыта в европейском романе XVIII – XX вв. / кол. авт.: О. А. Джумайло, В. В. Котелевская, В. С. Приходько, И. А. Черненко. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2014. С. 162–206.
9. Рассел Б. Джозеф Конрад // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 251–254.
10. Сафарова З. А.-Г. Значимость «человеческого фактора» в произведениях Джозефа Конрада // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 726–730. DOI: 10.30853/phil20220125.
11. Урнов Д. М. Джозеф Конрад. М. : Наука, 1977. 127 с.
12. Хьюитт К. Джозеф Конрад: проблема двойственности // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 169–178.
13. Элиот Т. С. Полые люди (пер. С. Степанова) // Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. СПб. : Северо-Запад, 1994. С. 139–149.
14. Brantlinger P. Heart of Darkness: Anti-Imperialism, Racism, or Impressionism? // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 277–296.
15. Brook T. Preserving and Keeping Order by Killing Time in Heart of Darkness // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 239–258.
16. Brooks P. An Unreadable Report: Conrad's Heart of Darkness // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 105–127.
17. Conrad J. Heart of Darkness. Complete, Authoritative Text with Biographical and Historical History, and Essays from Five Contemporary Critical Perspectives // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. P. 315.
18. Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. P. 284.
19. Cox C. B. Heart of Darkness: A Choice of Nightmares? // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 29–43.
20. Fogel A. Forceful Overhearing // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 129–138.
21. Gekoski R. A. Heart of Darkness // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 57–75.
22. Guerard A. J. The Journey Within // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 5–16.
23. Guetti J. "Heart of Darkness": The Failure of Imagination // The Limits of Metaphor; a Study of Melville, Conrad, and Faulkner. New York : Cornell University Press, 1967. Pp. 46–68.
24. Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. P. 160.
25. Lacoue-Labarthe P. The horror of the West // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 111–120.
26. Lawtoo N. Introduction: "An emotion of thought" // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 1–15.
27. Lorenz M. N. Distant Kinship. Joseph Conrad's "Heart of Darkness" in German Literature: Gender, Class, Race, and Trauma. Springer-Verlag GmbH Germany, 2022. P. 514. DOI: 10.1007/978-3-476-05878-2.
28. McGinnity M. Form and Function of Scepticism in the Fiction of Joseph Conrad. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate School of Loyola University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Doctor of Philosophy. 1968. P. 322.
29. Maisonnat C. The voice of darkness // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 164–178.
30. Miller J. Hillis. The "Heart of Darkness" Revisited // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 206–220.

31. Rochère M. H. D. Sounding the hollow heart of the West: X-rays and the technique de la mort // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 221–235.

32. Smith J. M. "Too Beautiful Altogether?": Ideologies of Gender and Empire in Heart of Darkness // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 169–184.

33. Tessitore J. Freud, Conrad and Heart of Darkness // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 91–103.

34. Watt I. Heart of Darkness and Nineteenth-Century Thought // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 77–89.

The image of emptiness in the story of J. Conrad "The Heart of Darkness"

Mikhaylenko Elena Nikolaevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Publishing at the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology.
Russia, Ufa. E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

Abstract. "The Heart of Darkness" by J. Conrad is one of the most complex and ambiguous works of European literature at the turn of the XIX–XX centuries, which gave rise, first of all in Western literary studies, to an extensive critical tradition. The novelty of this research consists in the author's attempt to prove that one of the universal principles organizing the space of the story is the idea of emptiness. This aspect of the artistic structure of the "Heart of Darkness" has not been given due attention in Russian Conrad studies.

The concept of emptiness in Western culture, since the Middle Ages, appears predominantly negatively colored, since positive connotations due to the influence of Christianity are fixed to the concept of completeness. The range of associations associated with emptiness includes images of darkness, death, nothingness, empty space, emptiness, unreality, meaninglessness, unknowability, inexpressibility and futility. The author of the article draws attention to the fact that they are presented in the "Heart of Darkness" in their entirety, and consistently analyzes the components of the work in which they are implemented. It is noted that Conrad turned to them when creating a spatio-temporal background, when depicting images of characters and when building a complex narrative strategy with a change of narrators and points of view. The conclusion of the article is that the images and motifs embodying the idea of emptiness permeate all levels of the story and, interacting with each other, form the ideological, thematic and symbolic framework of the work.

The result of this study may be useful to specialists in English culture and literature, as well as to anyone interested in the work of Joseph Conrad.

Keywords: Joseph Conrad, "Heart of Darkness", emptiness, symbol, leitmotif.

References

1. Gerko L. *Odin iz nas* [One of us] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 179–183.
2. Kabanova I. V. *Zarubezhnaya literatura : posobie dlya uchashchihsya starshih klassov i studentov* [Foreign literature : a manual for high school students and students]. Saratov. Lyceum, 2002. 272 p.
3. Kashkin I. A. *Konrad* [Conrad] // *Dlya chitatel'nykh i issledovaniya* – For a contemporary reader. Articles and research. M. Sovetskiy pisatel' (Soviet writer), 1977. Pp. 295–319.
4. Kokovkina A. A. *Aksiologiya pustoty v evropejskoj i vostochnoj tradicijah* [The axiology of emptiness in European and Eastern traditions] // *Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj social'no-gumanitarnoj akademii* – Herald of Far Eastern State Social and Humanitarian Academy. 2011. No. 1–1 (7). Pp. 53–62.
5. Conrad J. *Serdce t'my i drugie povesti* [The Heart of Darkness and other stories]. SPb. Azbuka (ABC), 1999. 640 p.
6. Conrad J. *Pis'ma* [Letters] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 235–245.
7. Nikulina A. G. *Sakral'nye i profannye smysly pustoty* [Sacred and profane meanings of emptiness] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2017. No. 8 (82). Pp. 131–134.
8. Prihod'ko V. S. *Otchuzhdennost' i otkrovenie: paradoksal'nost' vzaimodejstviya s "Drugim" v "Serdce t'my" Dzhozefa Konrada* [Alienation and revelation: the paradoxical nature of interaction with the "Other" in Joseph Conrad's "Heart of Darkness"] // *Eстетизация личного опыта в европейском романе XVIII – XX вв.* – Aestheticization of personal experience in the European novel of the XVIII – XX centuries / col. of authors: O. A. Dzhumailo, V. V. Kotelevskaya, V. S. Prihodko, I. A. Chernenko. Rostov-na-Donu. Publishing House of Southern Federal University, 2014. Pp. 162–206.

9. Russell B. *Dzhozef Konrad* [Joseph Conrad] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 251–254.
10. Safarova Z. A.-G. *Znachimost' "chelovecheskogo faktora" v proizvedeniyah Dzhozefa Konrada* [The importance of the "human factor" in the works of Joseph Conrad] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 726–730. DOI: 10.30853/phil20220125.
11. Urnov D. M. *Dzhozef Konrad* [Joseph Conrad]. M. Nauka (Science), 1977. 127 p.
12. Hewitt K. *Dzhozef Konrad: problema dvojstvennosti* [Joseph Conrad: The problem of duality] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 169–178.
13. Eliot T. S. *Polye lyudi (per. S. Stepanova)* [Hollow people (transl. S. Stepanov)] // *Izbrannaya poeziya. Poemy, lirika, dramaticheskaya poeziya* – Selected poetry. Poems, lyrics, dramatic poetry. SPb. Severo-Zapad (North-West), 1994. Pp. 139–149.
14. Brantlinger P. *Heart of Darkness: Anti-Imperialism, Racism, or Impressionism?* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 277–296.
15. Brook T. *Preserving and Keeping Order by Killing Time in Heart of Darkness* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 239–258.
16. Brooks P. *An Unreadable Report: Conrad's Heart of Darkness* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 105–127.
17. Conrad J. *Heart of Darkness. Complete, Authoritative Text with Biographical and Historical History, and Essays from Five Contemporary Critical Perspectives* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. P. 315.
18. *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. P. 284.
19. Cox C. B. *Heart of Darkness: A Choice of Nightmares?* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 29–43.
20. Fogel A. *Forceful Overhearing* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 129–138.
21. Gekoski R. A. *Heart of Darkness* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 57–75.
22. Guerard A. J. *The Journey Within* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 5–16.
23. Guetti J. *"Heart of Darkness": The Failure of Imagination* // *The Limits of Metaphor; a Study of Melville, Conrad, and Faulkner*. New York : Cornell University Press, 1967. Pp. 46–68.
24. *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. P. 160.
25. *Lacoue-Labarthe P. The horror of the West* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 111–120.
26. Lawtoo N. *Introduction: "An emotion of thought"* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 1–15.
27. Lorenz M. N. *Distant Kinship. Joseph Conrad's "Heart of Darkness" in German Literature: Gender, Class, Race, and Trauma*. Springer-Verlag GmbH Germany, 2022. P. 514. DOI: 10.1007/978-3-476-05878-2.
28. McGinnity M. *Form and Function of Scepticism in the Fiction of Joseph Conrad. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate School of Loyola University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Doctor of Philosophy*. 1968. P. 322.
29. *Maisonnat C. The voice of darkness* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 164–178.
30. Miller J. Hillis. *The "Heart of Darkness" Revisited* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 206–220.
31. Rochère M. H. D. *Sounding the hollow heart of the West: X-rays and the technique de la mort* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 221–235.
32. Smith J. M. *"Too Beautiful Altogether?": Ideologies of Gender and Empire in Heart of Darkness* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 169–184.
33. Tessitore J. *Freud, Conrad and Heart of Darkness* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 91–103.
34. Watt I. *Heart of Darkness and Nineteenth-Century Thought* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 77–89.

Функции «взгляда» в рассказах Рэймонда Карвера

Марковненков Дмитрий Викторович

аспирант кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород.
ORCID: 0000-0003-2385-8010. E-mail: gelio123@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной статьи, посвященной осмыслению лакановских понятий взгляда и глаза на материале рассказов американского писателя Рэймонда Карвера, обусловлена двумя факторами. Во-первых, творчество Карвера почти не рассматривается отечественными литературоведами, несмотря на его популярность как среди американских читателей, так и среди критиков и исследователей. Во-вторых, методологии, разработанные французским психоаналитиком Жаком Лаканом, очень востребованы в дискурсах искусства вообще и литературы в частности, потому что они позволяют осмыслить каждую эстетическую практику по отдельности и на стыке их онтологического и эпистемологического пересечения. Целью статьи является анализ «взгляда» в рассказах Карвера «Идея», «Самые маленькие мелочи» и «Ну как?». Методологической основой работы выступают теории Лакана, связанные с понятиями взгляда и глаза, получившие свое развитие в работах словенского философа Славоя Жижека. Результаты исследования представлены в раскрытии функций и коннотаций «взгляда» в рассказах Карвера. С одной стороны, анализ показал, что Карвер использует «взгляд» произвольно, не привязывая его к одному устойчивому значению. Автор подстраивает понятие под различные диегетические ситуации, усиливая, тем самым, его художественный и герменевтический потенциал. С другой стороны, в рассказах Карвера «взгляд» становится местом воплощения метапрозаических идей, связанных с позициями читателя (в том числе, смотрящего, наблюдающего) и писателя, шире – интерпретатора и творца. Полученные результаты могут быть применены как в сфере дальнейших исследований, посвященных творчеству Карвера, так и в области толкования других литературных текстов.

Ключевые слова: Жак Лакан, «глаз», «взгляд», писатель, читатель.

В 1964 г., с 19 февраля по 11 марта, французский психоаналитик Жак Лакан проводит ряд семинаров, посвященных понятию взгляда. Этому курсу он дает примечательное название – «О взгляде как *objet petit a*¹», – заявляя, что взгляд вовлечен в формирование желания субъекта [17, р. 125]. Известно, что Лакан не первый, кто обращался к идее взгляда, о чем он упоминал в своих лекциях. До него «взгляд» подвергали философской интерпретации французские мыслители экзистенциалистского толка Ж.-П. Сартр [8, с. 276–324] и М. Мерло-Понти [7]. Лакан polemизирует с их версиями и, вместе с тем, дорабатывает их, благодаря чему взгляд становится понятием, не ограничивающимся дискурсами психоанализа и философии, оно активно применяется в области политики, кино, живописи и литературы [17, р. 125]. Во многом это объясняется спецификой подхода Лакана к репрезентации психоанализа – его теории наполнены художественными метафорами, что упрощает миграцию отдельных понятий и систем означивания между языковыми кодами. Такой особенностью отмечен и «взгляд» в дискурсе Лакана, который является одним из способов объяснения бессознательного.

Лакан полагал, что бессознательное проявляет себя в своего рода «зазорах», «щелях», «разъемах», в общем, в местах, где возникает дизъюнкция, семиотическое напряжение между явлениями. Бессознательное – это, что стоит по другую сторону вещей, оно есть исток и суть, онтология субъекта, которая неявным образом проявляет себя в отношениях между видимостью и бытием: «светящаяся точка, исток излучения, струение, пламя, искрящийся отблесками фонтан» [6, с. 104]. Видение Лаканом бессознательного органично экстраполируется в логику литературоведческого анализа, в котором бессознательным можно считать скрытый

© Марковненков Дмитрий Викторович, 2024

¹ *objet petit a* – одна из константных формул лакановского дискурса, не имеющая однозначного перевода на русский язык. По своей сути она обозначает недостижимый и вместе с тем желанный объект, скрывающийся в сфере человеческого бессознательного. Неуловимость и недоступность этого объекта позволяет выразить динамику душевной организации человека, если говорить о понятии в контексте психоанализа, и процессуальность творческого производства или интерпретации произведения, если использовать его в контексте теорий эстетики и литературы.

смысл, завуалированный содержанием и формой художественного произведения. В таком случае «взгляд» оказывается частью интерпретации, одной из возможных точек входа в текст. Неспроста сам Лакан, говоря о «взгляде», обращается к картине немецкого живописца Г. Гольбейна-младшего «Послы», показывая герменевтические возможности данного понятия [6, с. 95].

Интересно, что в литературе к идее взгляда обращался американский писатель Рэймонд Карвер (Raymond Carver, 1938–1988), автор многочисленных рассказов и стихов. В своем эссе «О творчестве» («On writing», 1984), рассуждая о писательской деятельности, он говорит о важности видения: «Любой писатель, который обладает особым взглядом на вещи и который этот взгляд способен выразить художественными средствами, сможет заявить о себе» (перевод наш. – Д. М.) («But a writer who has some special way of looking at things and who gives artistic expression to that way of looking: that writer may be around for a time» [14, p. 728]). Как пишет исследователь А. Амир, одним из главных принципов Карвера был отказ от каких-либо «трюков», то есть предпочтение жизни искусству, конкретного и ясного – абстрактному и запутанному [13, p. 11–12]. В этой писательской доктрине также имплицитно обнаруживается присутствие того, что отсылает к видимому и созерцательному. Примечательно и то, что Карвер не ограничивал свою позицию эссеистическими декларациями, он настойчиво создавал такие повествовательные ситуации в своих рассказах, которые актуализировали «взгляд» в качестве объекта письма. Так, в рассказе «Ложь» («The Lie», 1971) важное значение обретает взгляд мужа на свою жену, который разрывает единство образа на отдельные жесты, лишая части их общего основания. Из-за чего жена в оптике мужа предстает набором самостоятельных действий и визуальных знаков, способных произвольно развиваться в совершенно новых семиотических направлениях (курение, облизывание губ, маникюр) [14, p. 329–331]. Рассказ «Видоискатель» («Viewfinder», 1978) связывает взгляд с медиумом – по сюжету один из героев является фотографом, делающим снимок, другой – тем, кто попадает в кадр и этот снимок воспринимает, что, по сути, сталкивает взгляды оператора и зрителя [14, p. 228–230]. А, например, в рассказе «Как же много воды вокруг» («So Much Water So Close to Home», 1981), взгляд становится катализатором бытового конфликта между женой и мужем [14, p. 273–279].

Можно сказать, что «взгляд» семантически варьируется в рассказах Карвера, подстраиваясь под разные диегетические условия. Он находит свое выражение как в сюжете, так и в символических структурах, которые не укоренены в нарративных линиях. В теории психоанализа Лакан разводит понятия симптома и синтома. Как пишет С. Жижек, симптом является «шифром смысла», тогда как синтом не обладает никаким смыслом, «его повторяющийся паттерн просто предоставляет тело для некоей элементарной матрицы jouissance, или крайнего наслаждения» [1, с. 121]. Отсюда следует, что симптом тяготеет к устойчивости, его функционирование определяется стоящим за ним значением, он выступает всего лишь вариацией некоего понятия, в то время как синтом произволен, универсален и динамичен, его репрезентативная способность обуславливается временностью и ситуативностью, исходящих из момента желания субъекта. Применяя понятие синтома к анализу произведений искусства, Жижек говорит о нем как о повторяющемся мотиве, «характерной детали, которая сохраняется и повторяется, не заключая в себе общего значения» [10, с. 120]. В этом смысле «взгляд» в рассказах Карвера можно определить как синтом, который устанавливает особую поэтическую связь между содержанием рассказов, его отдельными деталями и их способами выражения и воплощения как внутри текста, так и за его пределами.

Теперь рассмотрим, какими статусами наделяется «взгляд» в таких рассказах Карвера, как «Идея» («The Idea», 1976), «Самые мелкие мелочи» («I could see the smallest things», 1985) и «Ну как?» («How about this?», 1981).

Итак, в рассказе «Идея» семейная пара подглядывает за соседом, пытающимся прокрасться в свой дом, чтобы не потревожить жену. В этой нарративной модели взгляд заявляет о себе в ролях главных героев, которые становятся зрителями, что сводит повествование к одному действию – созерцанию. Рассказ начинается с того, что героиня смотрит в окно («Мы поужинали, а потом я сидела целый час за кухонным столом с выключенным светом и наблюдала» [14, p. 14] (здесь и далее перевод рассказа наш. – Д. М.)), и заканчивается тем же («Наконец, я подняла штору на кухне и выглянула наружу. Было поздно. Подул ветер, и я услышала, как хрустнули ветки» [14, p. 17]). Получается, что взгляд закольцовывает повествование. Нарративно историю можно поделить на две части: сначала герои наблюдают, комментируя происходящее, а затем они возвращаются к своим обычным делам, параллельно обмениваясь мнениями по поводу увиденного.

В эксплицитной форме «взгляда», которой соответствует тайное наблюдение, прослеживаются несколько любопытных деталей. Во-первых, в подглядывании принимают участие оба героя: и муж, и жена. Во-вторых, как отмечает героиня, выступающая нарратором в рассказе, они следят за соседом уже три месяца: «Это происходит на протяжении трех месяцев. С 3 сентября, если быть точным. По крайней мере, то была первая ночь, когда я увидела его там» [12, р. 14]. И, в-третьих, пара не знает, по какой причине сосед регулярно возвращается домой поздно.

Отмеченные нюансы уместно рассмотреть в категориях Лакана, предложившего различать глаз и взгляд. М. Ямпольский объясняет, что в лакановской трактовке глаз – это «простая вещь, оптическое устройство, обращенное к миру и способное его воспринимать». В свою очередь, под взглядом понимается «нечто обращенное извне на меня» [10, с. 33]. Далее Ямпольский делает важное пояснение, экстраполируя наметившуюся концептуальную антитезу на анализ искусства: «когда изображение построено по законам глаза, когда глаз доминирует, оно аполлоническое, успокаивающее, оно контролирует мир» [10, с. 33]. Мы считаем, что в оппозиции глаза/взгляда можно говорить о фигурах писателя и читателя. Если глаз принадлежит писателю, то взгляд – читателю. Глаз организует реальность посредством художественной формы, создает произведение, взгляд читает, интерпретирует. В контексте рассказа мы имеем дело с репрезентацией взгляда, отсылающего к читательской практике, а точнее, к зрительской. Семейная пара, наблюдая за соседом, уподобляется зрителям театра или кино. Это подчеркивается через реплики героев. Они сопровождают каждое действие соседа комментариями, за счет чего происходящее за окном превращается в напряженный драматический эпизод. Почти вся сцена подается не прямым описанием, а диалогом между мужем и женой:

«– Посмотри на него, – сказал Верн. <...>
– Боже мой, – сказал Верн.
– Что у нее есть такого, чего нет у остальных женщин? – спросила я Верна через минуту. <...>
– Ну, вот и все, – сказал Верн» [12, р. 15].

Фокус на зрителях, а не на самом действии, актуализирует «взгляд» в качестве внешнего явления, того, что смотрит не изнутри текста, а извне. Позиция наблюдателя придает действию логику художественного произведения, в котором есть свое сюжетное и эмоциональное развитие. Герои занимаются интерпретацией видимого, наполняют его своим содержанием. Примечателен здесь и локус повествования. Пара наблюдает за соседом из комнаты своего дома через окно. Рассуждая о «взгляде», Лакан также использует метафору окна: «Вот, например, окно: если немного стемнеет и если у меня будут причины думать, что за окном кто-нибудь есть, – оно станет с тех пор взглядом» [6, с. 283]. В рассказе окно является необходимым условием, чтобы сработало сравнение героев со зрителями. Оно создает лиминальную архитектуру, условное двоемирие между реальностью и вымыслом. Причем это понимает и сама пара, организующая пространство комнаты для подглядывания. Верн, муж героини, все время напоминает о том, что к окну нельзя подходить слишком близко, а жена, в свою очередь, выключает в комнате свет. Таким образом, разделительная линия маскируется, взгляд рассеивается в процессе наблюдения, а зрители целиком и полностью погружены непосредственно в просмотр.

Показательно здесь и то, что в подглядывании задействовано два зрителя. Разный способ восприятия просматривается в том, как муж и жена следят за соседом. Напомним, что никто из них не знает настоящих причин поздних приходов соседа домой. Эта лакуна продолжает аналогию с художественным произведением. Попытки пары объяснить, что может происходить в личной жизни соседей, напоминают собой феноменологию художественного произведения, строящуюся на интерпретации. Во-первых, главные герои убеждены, что сосед изменяет своей жене. В этом смысле их объяснение выглядит как то, что американский литературовед Поль де Ман называл «слепотой» (blindness), подразумевая, что интерпретатор достигает своего открытия или озарения посредством адаптации метода или теории к произведению [15, pp. 66–67]. То есть материал здесь вторичен, он подчиняется предшествующей ему структуре, разработанной аналитиком. Герои рассказа не выдвигают никаких других версий, кроме супружеской измены, они убеждены в верности своих догадок. Во-вторых, в главных героях угадываются два разных типа читателей. Жена обладает плохим зрением: когда в первый раз она увидела соседа, пытающегося незаметно проскользнуть в дом, она даже не поняла, что это был он. Все поняла она только благодаря мужу, который видит лучше ее, так как

носит очки. Верн же, помимо прочего, способен разглядеть и самые неочевидные детали, о чем говорит жена, напрямую устанавливая своего рода зрительскую иерархию между ними: «Теперь я могла кого-то разглядеть за занавеской. Должно быть, она раздевается. Но больше я не могла увидеть. Я напрягла свои глаза. Верн носил специальные очки для чтения, поэтому он мог разглядеть все гораздо лучше меня» [14, р. 15]. Особым значением наполняются как раз очки для чтения Верна, которые метафорически связывают акт наблюдения с актом интерпретации. Герои не просто подглядывают за соседями, а вовлекаются в происходящее своими размышлениями и трактовками. Только герои воспринимают и считывают ситуацию по-разному: жена привязана к визуальному, поверхностному, видимому, ее муж, наоборот, увлечен символической стороной действия, занавеска, перекрывающая соседское окно, усиливает его погружение в историю. Таким образом, следуя логике Умберто Эко, Верн представляет собой образцового читателя, способного распознавать сложные семиотические связи внутри текста, а его жена – эмпирического читателя, руководствующегося личными наблюдениями и чувствами при интерпретации текста [11, с. 68–69].

Если в рассказе «Идея» возникает лакановская концепция взгляда именно потому, что в героях выявляются черты зрителей, интерпретирующих то, что они видят, то в рассказе «Самые маленькие мелочи» появляется деталь, которая меняет восприятие пространства не за счет наблюдательной способности героя, а с помощью внешнего воздействия, получающего свое воплощение уже в понятии, которое Лакан противопоставлял взгляду и выражал его в образе глаза.

В центре сюжета оказывается девушка по имени Нэнси, которая, готовясь ко сну, внезапно слышит звук открывающихся во дворе ворот. Посмотрев в окно и никого не обнаружив, она возвращается в кровать. Однако мысли о незапертых воротах не дают ей уснуть, из-за чего она решает выйти на улицу и закрыть ворота.

В рассказе снова повторяется сцена с окном и стоящим за ним наблюдателем: «Поэтому я встала и подошла к окну» [3]. Она продолжает обыгрывать метафорически феноменологию художественного произведения. Окно также выполняет функцию разделения, расчерчивая диегетическое пространство рассказа на мир реальный и мир вымышленный. Только теперь взгляд интерпретатора устанавливается не просто сторонним актом наблюдения, а реализуется посредством глаза творца, воплощенного в образе луны. Смотря на луну, Нэнси замечает, что она похожа на лицо: «Большая луна разлталась по горам, окружавшим город. Белая такая, вся в шрамах. Любому остолопу на ней лицо примерещится» [3]. Далее она переводит свой взгляд на двор, который раскрывается ей в лунном свете: «Света было достаточно, чтобы я осмотрела весь двор – шезлонги, иву, бельевую веревку между столбов, петунии, изгороди, широко открытые ворота» [3].

В приведенном выше эпизоде происходит вторжение «глаза» в пространство обыденной реальности. Луна, в которой Нэнси разглядела лицо, освещает двор, детализируя предметный мир. Она настраивает оптику наблюдателя, задает принцип композиции, тем самым устанавливая связь между видящим и видимым. Луна становится своего рода пятном, местом, в котором художник заявляет о своем видении и предлагает зрителю сменить взгляд обыденный на взгляд эстетический, интерпретирующий. Лакан описывает этот феномен так: «Художник дает тому, кому предстоит стать зрителем его картины, нечто такое, что можно было бы для живописи – по крайней мере, для значительной ее части – сформулировать так – *Тебе хочется поглядеть? Так на, посмотри вот на это!* (курсив. – Ж. Л.). Он дает взгляду некую пищу, но в то же время приглашает зрителя полотно свой взгляд отложить...» [6, с. 112]. По сути, то, о чем говорит Лакан, является остранением. Примечательно, что и в примере Лакана, и в рассказе приводится случай двойного остранения – видоизменяется реальность под воздействием лунного света, трансформируется и взгляд главной героини, которая начинает воспринимать предметы, сосредоточенные во дворе, как комплекс деталей, проводников символического. Характерно, как Нэнси описывает опыт перехода объектов из регистра реального в регистр эстетического: «Все лежало в лунном свете, и я могла разглядеть самые мелкие мелочи. Прищепки на веревке, например» [3]. Действительность теряет свою обыденную структуру, распадаясь на отдельные элементы, «мелкие мелочи», связать которые теперь можно только при помощи взгляда интерпретатора.

С другой стороны, эта сцена дает нам оригинальную точку зрения на форму рассказа как литературного жанра. Глаз художника расщепляет реальность, фокусируясь на отдельных предметах. Такой же эффект свойственен и камере. Как пишет С. Сонтаг, взгляд через ка-

меру лишает мир «его взаимосвязей, непрерывности, но придает каждому моменту характер загадочности» [9, с. 37]. В свою очередь, исследователь А. Амир находит онтологическую близость между жанром рассказа и фотографией. Рассказ, в силу своего небольшого объема, укрупняет изображаемое, переводя действие в статическую поверхность и отдавая всю интенсивность письма и интерпретации символическому уровню, закодированному деталями диегетической реальности [13, р. 119]. Следовательно, рассказ представляет собой идеальный коррелят взгляда вообще: как для писателя, так и для читателя. Писатель своим глазом захватывает фрагменты реальности, кодирует их, а читатель расшифровывает. Такой способ видения представлен в рассказе: луна, освещая двор, осуществляет художественную селекцию, выделяя отдельные предметы, Нэнси подмечает складывающуюся композицию. Конечная интерпретация становится прерогативой уже абстрактного читателя, приглашение к анализу осуществляется, с одной стороны, повествованием от первого лица, сокращая дистанцию между текстом и читателем, с другой стороны, названием рассказа, который у нас перевели не совсем корректно, лишив читателя возможной рецептивной сцепки с главной героиней – «Я смогла разглядеть даже самые маленькие вещи» («I could see the smallest things»). Таким образом, рассказ становится местом выражения сразу двух взглядов: писательского и читательского.

В свою очередь, рассказ «Ну как?» полностью акцентируется на фигуре художника, что соответствует лакановской метафоре глаза. История здесь строится вокруг семейной пары, решившей сменить городскую жизнь на сельскую. Гарри является писателем, работающим над романом, его жена Эмили – художницей. Уже на сюжетном уровне эксплицитно выводится два способа взгляда на мир, два глаза, используя лакановскую метафору. Однако такая расстановка образов не создает синхронность восприятия, напротив, она приводит к диссонансу, к конкуренции письменного знака и знака визуального.

По сюжету мы узнаем, что желание сменить обстановку в большей степени исходило от Гарри. Он полагал, что сельская местность поспособствует творческому раскрепощению, и он, наконец, сможет закончить свой роман. В свою очередь, Эмили была готова принять любое решение, ее работе ничего не мешало. Чтобы помочь мужу, она предложила ему вариант с загородным домом, который принадлежал ее родителям.

Дизъюнкция, нарративная и концептуальная, оформляется в рассказе с первых строк. Проезжая по сельской дороге и наблюдая весь местный колорит, Гарри чувствует разочарование: «Оптимизм, в радужные цвета окрасивший его побег из города, испарился в первый же вечер. <...> Он вел машину вперед, и чем дальше от города они уезжали, тем сильнее охватывало его чувство безнадежности и несправедливости происходящего» [4, с. 104]. Начало рассказа очень важно с точки зрения видения. Несмотря на повествование от третьего лица, весь фокус сосредоточен на Гарри, а не на его жене. Следовательно, источником напряжения становится глаз писателя. Рецептивный разрыв, который испытывает Гарри, используется в качестве символического входа в письмо, в творческий процесс. Несовпадение ожидаемого и наблюдаемого является дихотомией между авторским замыслом и его последующей реализацией на бумаге. Задуманное преломляется, деформируется, исток художественного творения теряется в сети означающих, всплывающих в моменте письма. Проблема, которую фиксирует Карвер, находит общее основание в толковании Лаканом принципа желания: «...субъект вовсе не призван найти объект своего желания: никакие каналы, никакие реальности инстинктивной, более или менее предустановленной, хотя и не вполне успешной, адаптации, не приведут его к этой цели <...> Объект этот он, конечно, никогда не находит – в этом принцип реальности и состоит» [5, с. 114]. Объект желания не достижим: Гарри мечтал о жизни за городом. Получая такую возможность и реализуя ее, он переживает другие эмоции и получает другую реальность, противоречащие его задумкам и фантазиям. Вместе с тем в таких же негативных категориях осмысливается и письмо: объект, предшествующий письму, ускользает от фиксации, воплощения, синхронизации внутреннего и внешнего. Соответственно, трагедия Гарри – это трагедия и писательского видения. Глаз писателя запрограммирован на расщепление и отчуждение. Усиливается этот мотив за счет контраста, заданного кодификациями главных героев. Эмили, носительница глаза художника, напротив, принимает реальность вокруг нее.

Различие между взглядами писателя и художника передается не только посредством окружения, но и тем, как герои смотрят друг на друга. Эмили всегда направляет глаза прямо на мужа, в то время как Гарри наблюдает за ней украдкой, стараясь спрятать свой взгляд. В

этом также прочитывается метапрозаический дискурс. Эмили олицетворяет собой живопись, которая, как замечает американский философ и литературовед Ф. Джеймисон, отражает реальность как таковую, являясь «бытием-смотрящим-в» (being-looked-in) [16, p. 206]. Гарри – это литературное письмо. Его попытки замаскировать свой взгляд, но при этом продолжать смотреть, говорят о том, что писательский процесс возможен только в пограничной позиции, между скрытым и явным, когда реальность не подозревает, что она является объектом глаза писателя. Такая оппозиция письменного и визуального репрезентирует капитуляцию письма перед реальностью. Гарри осознает, что есть большая разница между тем, что он пишет, и тем, что он видит. Проблема в том, что он не находит подходящего знака, соответствующего эквивалента, чтобы осуществить стыковку реального и художественного.

Разные способы видения не только сигнализируют об особенностях творческой деятельности героев, но и усиливают семейную драму между ними. Отдаляясь от реальности в письменных знаках, Гарри отдаляется от своей жены. Расхождение взглядов Гарри и Эмили представляет собой формулу, которую Лакан обозначил как «*ты никогда не глядишь на меня там, где я вижу тебя*» (курсив. – Ж. Л.) [6, с. 113]. Гарри смотрит на мир вообще и на свою жену в частности из точки неудовлетворенности, нехватки и неполноты. Его реальность – это непостоянство (примечательно, что он пробовал себя не только в литературе, но также в музыке и кино), ускользание. Этим же определяются и его чувства к Эмили – их внешнее выражение всегда расходится с внутренним содержанием. В этом смысле символическим оказывается финал рассказа, когда Гарри после короткой прогулки по лесу возвращается домой. В руках он держит пустой коробок, воплощающий и его творческий кризис, и его отношения с Эмили.

В рассмотренных рассказах Рэймонда Карвера обозначенные в ходе анализа мотивы взгляда и глаза в связи с концепцией Лакана определяются несколькими важными значениями. Во-первых, взгляд позволяет организовать сюжетные линии произведений, становясь своего рода нарративным центром тяжести, как, например, в рассказах «Идея» или «Самые маленькие мелочи». Герои Карвера постоянно смотрят, они кодифицируются позициями зрителя и наблюдателя. Во-вторых, взгляд расширяет смысловое пространство рассказов и позволяет вывести интерпретацию в сторону фигур читателя и писателя. Для Карвера важным оказывается и то, что создается, и то, как это, в конечном счете, воспринимается. Акт интерпретации наряду с творческим актом неразрывно связан с изменением внутренних и внешних параметров реальности, разница в том, что взгляд художника активизирует взгляд интерпретатора, предлагает ему ненавязчиво перевести видение из обыденного регистра в эстетический. И, наконец, в-третьих, взгляд оказывается метапрозаической метафорой, отсылающей непосредственно к писательской деятельности. Ситуация, представленная в рассказе «Ну как?», изображает литературное письмо в состоянии постоянного разрыва между видимым и невидимым, задуманным и реализованным, словесным и визуальным.

Список литературы

1. Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология : сборник эссе. Екатеринбург : Гонзо, 2014. 472 с.
2. Карвер Р. Видоискатель. URL: https://royallib.com/read/karver_raymond/vidoiskatel.html#0 (дата обращения: 03.07.2024).
3. Карвер Р. Самые мелкие мелочи. URL: <https://spintongues.vladivostok.com/carver15mx.htm> (дата обращения: 05.07.2024).
4. Карвер Р. Собор : рассказы. М. : Известия, 1987. 160 с.
5. Лакан Ж. Психозы : семинар. Кн. III (1955/56). М. : Гнозис : Логос, 2014. 432 с.
6. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа : семинары. Кн. XI (1964). М. : Гнозис : Логос, 2004/2017. Изд. 2-е. 304 с.
7. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Мн. : Логвинов, 2006. 400 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. 639 с.
9. Сонтаг С. О фотографии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
10. То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока) / под ред. Славоя Жижека. М. : Логос, 2022. Изд. 2-е. 336 с.
11. Эко У. Откровения молодого романиста. М. : АСТ: CORPUS, 2013. 320 с.
12. Ямпольский М. Изображение. Курс лекций. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.
13. Amir A. The Visual Poetics of Raymond Carver. Lanham : Lexington Books, 2010. 230 p.
14. Carver R. Collected Stories. N. Y. : Literary classics of the United States, Inc. 2009. 1024 p.
15. Jamalinesari A. Blinds Bluffing of Vision: Paul de Man on Text // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. Vol. 3. No. 6. November 2014. Pp. 64–67.

16. Jameson F. *The Years of Theory. Postwar French Thought to the Present*. London, New York : Verso, 2024. 468 p.

17. Ma Y. Lacan on Gaze. *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 5. No. 10 (1). October 2015. Pp. 125–137.

The functions of the "gaze" in Raymond Carver's short stories

Markovnenkov Dmitry Viktorovich

postgraduate student of the Department of Foreign Literature at the Institute of Philology and Journalism,
Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. Russia, Nizhny Novgorod.
ORCID: 0000-0003-2385-8010. E-mail: gelio123@mail.ru

Abstract. The relevance of this article, devoted to understanding the Lacanian concepts of the gaze and the eye based on the stories of the American writer Raymond Carver, is due to two factors. Firstly, Carver's work is almost not considered by domestic literary critics, despite his popularity among both American readers and critics and researchers. Secondly, the methodologies developed by the French psychoanalyst Jacques Lacan are in great demand in the discourses of art in general and literature in particular, because they allow us to comprehend each aesthetic practice separately and at the junction of their ontological and epistemological intersection. The purpose of the article is to analyze the "gaze" in Carver's stories "The Idea", "I Could See the Smallest Things" and "How About This?". The methodological basis of the work is Lacan's theories related to the concepts of gaze and eye, which were developed in the works of Slovenian philosopher Slavoj Žižek. The results of the study are presented in the disclosure of the functions and connotations of the "gaze" in Carver's stories. On the one hand, the analysis showed that Carver uses the "gaze" arbitrarily, without tying it to a single stable value. The author adapts the concept to various diegetic situations, thereby enhancing its artistic and hermeneutic potential. On the other hand, in Carver's stories, "gaze" becomes a place of embodiment of metaprosaic ideas related to the positions of the reader (including the viewer, the observer) and the writer, more broadly – the interpreter and the creator. The results obtained can be applied both in the field of further research on Carver's work and in the field of interpretation of other literary texts.

Keywords: Jacques Lacan, "the eye", "the gaze", writer, reader.

References

1. Žižek S. *Kinogid izvrashchenca: Kino, filozofija, ideologija : sbornik esse* [The pervert's film guide: Cinema, philosophy, ideology : collection of essays]. Yekaterinburg. Gonzo, 2014. 472 p.
2. Carver R. *Vidoiskatel'* [Viewfinder]. Available at: https://royallib.com/read/karver_raymond/vidoiskatel.html#0 (date accessed: 03.07.2024).
3. Carver R. *Samye melkie melochi* [The smallest details]. Available at: <https://spintongues.vladivostok.com/carver15mx.htm> (date accessed: 05.07.2024).
4. Carver R. *Sobor : rasskazy* [Cathedral : stories]. M. Izvestia (News), 1987. 160 p.
5. Lacan J. *Psihozy : seminar. Kn. III (1955/56)* [Psychoses : a seminar. Book III (1955/56)]. M. Gnosis : Logos, 2014. 432 p.
6. Lacan J. *Chetyre osnovnye ponyatiya psihoanaliza : seminary. Kn. XI (1964)* [The four basic concepts of psychoanalysis : seminars. Book XI (1964)]. M. Gnosis : Logos, 2004/2017. Ed. 2nd. 304 p.
7. Merleau-Ponty M. *Vidimoe i nevidimoe* [The visible and the invisible]. Mn. Logvinov, 2006. 400 p.
8. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. M. Respublika (Republic), 2000. 639 p.
9. Sontag S. *O fotografii* [About photography]. M. Ad Marginem Press, 2013. 272 p.
10. *To, chto vy vseгда hoteli znat' o Lakane (no boyalis' sprosit' u Hitchkoka)* – What you always wanted to know about Lacan (but were afraid to ask Hitchcock) / ed. by Slavoy Žižek. M. Logos, 2022. Ed. 2nd. 336 p.
11. Eco U. [Revelations of a young novelist]. M. AST: CORPUS, 2013. 320 p.
12. *Yampol'skij M. Izobrazhenie. Kurs lekcij* [Image. Course of lectures]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review), 2019. 424 p.
13. Amir A. *The Visual Poetics of Raymond Carver*. Lanham : Lexington Books, 2010. 230 p.
14. Carver R. *Collected Stories*. N. Y. : Literary classics of the United States, Inc. 2009. 1024 p.
15. *Jamalinesari A. Blinds Bluffing of Vision: Paul de Man on Text // International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. Vol. 3. No. 6. November 2014. Pp. 64–67.
16. Jameson F. *The Years of Theory. Postwar French Thought to the Present*. London, New York : Verso, 2024. 468 p.
17. Ma Y. Lacan on Gaze. *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 5. No. 10 (1). October 2015. Pp. 125–137.

Семиотика социальных медиа в социокультурном ландшафте современного общества

Зотова Анна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных процессов, СМИ и рекламных технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ).

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-0025-5332. E-mail: annazot@bk.ru

Аннотация. Актуальность исследования основана на новом научно-практическом интересе к семиотике и ее возможностям в сфере цифровых медиа при создании медиаконтента, цифровых медийных продуктов, а также в процессе популяризации социокультурных трендов через социальные медиа веб 2.0. Целью работы является анализ знаковой природы цифровых социальных медиа в контексте социокультурного ландшафта современного информационного общества. В качестве предмета исследования социальных медиа веб 2.0 представлены подкасты и их обложки, включающие обширный семиотический корпус, состоящий из вербальных, визуальных и графических знаков как части социокультурного кода современного общества в рамках семиотического подхода. Результатами исследования являются сформулированные нами на примере вербально-визуального оформления обложек подкастов критерии семиотической структуры знака, которая представляет собой диаду (означающее и означаемое), способную через материальное воплощение (объект/предмет) порождать идею и ассоциативно-эмоциональную рефлексию индивида. Таким образом, выводом может служить тот факт, что обложка подкаста, состоящая из знаков, способна передавать идею, основную мысль, вызывать эмоциональный отклик и тематический ассоциативный ряд у целевой аудитории. Знаковая природа подкастов и других цифровых новых медиа – это семиотическая композиция из слов-маркеров, ключевой лексики, шрифтов, логотипа, фирменных цветов, стикеров, эмоджи, инфографики, хештегов и многого другого. Контент подкастов как новых социальных медиа веб 2.0 ориентирован на культуру, образование, семейные ценности, поведенческие нормы, новые социальные практики (волонтерство, экологичность, разумное потребление, осознанное родительство и др.). Эти особенности формируют концепт современного информационного общества и тренды на социокультурные коды. Область применения результатов исследования включает в себя междисциплинарный подход к семиотике в научной и образовательной среде, а также в сфере медиакommunikаций и бизнеса.

Ключевые слова: социокультурный код, семиотика, социальные медиа, информационное общество, цифровые медиа, подкасты.

Актуальность. Современное общество планирует свое развитие в соответствии с новыми социокультурными и гуманитарными тенденциями, сформировавшимися не только под влиянием глобализации, но и благодаря повсеместному распространению информационно-коммуникационных технологий. Информация и технологии во многом являются определяющими для прогресса, в том числе и культурно-исторического, поскольку оказывают серьезное влияние на все те сферы жизнедеятельности, в рамках которых у представителей современного общества формируется потребность в культуре и социальных практиках, направленных на благо человека и природы. Научно-практическое осмысление мировоззренческих основ нового времени включает в себя семиотический подход к анализу социокультурных маркеров нашей эпохи в контексте их включения в цифровое пространство.

Новые информационно-коммуникационные технологии и повсеместное распространение цифровых социальных сервисов способствует развитию интернет-коммуникации не только между индивидами, но и между государством и обществом, брендами и потребителями, медиа и целевой аудиторией и т. д. Практически все сферы деятельности активно используют в своей работе цифровые продукты и услуги, ориентированные на представителей со-

временного информационного общества. Знаковая природа такой цифровизации разнообразна и представляет собой компиляцию единиц различных знаковых систем (символические, иконические, индексные и др.).

Популярность сетевых социальных медиа как информационно-коммуникационного канала стала не только приметой нового времени, но и определила целый ряд социокультурных трендов современного общества, базирующихся на идеях экзистенциализма и антропоцентризма. Сегодняшняя система координат информационного общества представлена мультикультурными кодами, поведенческими нормами (традиционными и новыми), социальными практиками и ценностными установками. Так, границы социокультурного кода трактуются шире, выходя за пределы национальной культурной идентичности, встраиваясь в концепты межкультурной коммуникации, наиболее активно осуществляемой в социальных медиа. Безусловно, нельзя игнорировать и тот факт, что в этом же пространстве транслируются и маргинальные, антисоциальные установки, направленные на расшатывание культурных традиций, поведенческих норм и ценностей (хейт, буллинг, шутинг, харрасмент, холивар, обесценивание, эйджизм и др.). Однако анализ данного контента не входит в задачи нашего исследования, поэтому мы лишь констатируем данный факт, не углубляясь в его социальную и семиотическую природу.

Эти процессы отразились и на развитии электронной экономики, бизнес-процессах, и на взаимодействии различных организаций/компаний с общественностью. Сегодня компании «работают» с целевой аудиторией не только посредством традиционной рекламы в СМИ, на транспорте, в сети Интернет, а зачастую и вовсе отказываются от нее, но также и в сетевых социальных медиа (например, в соцсетях, мобильных приложениях, подкастах и иных веб-сервисах, используя нейросети, AR и VR и другие цифровые инструменты). Так строится глобальное мультикодовое пространство современного информационного общества, и одним из основных инструментов, позволяющих это пространство создавать, является семиотика. Процессы взаимодействия и передачи информации транслируются семиотическими системами с помощью вербальных знаков (ключевая лексика, хештеги, слова-маркеры и др.), визуальных (изображения, символы, эмоджи, стикеры, анимация, gif-изображения и др.) или графических (инфографика, элементы фирменного стиля, логотипы, графики, анимированные карты и др.). Таким образом, семиотическая природа информационно-коммуникационного пространства в социальных медиа является отражением общепринятых норм и ценностей, социальных установок, культурных кодов современного общества.

Основные положения исследования. Сегодня научные работы в области семиотики основываются на традициях, сформированных ведущими отечественными и зарубежными семиотистами XX в., однако в определенной трансформации, сопряженной с техническим прогрессом и цифровизацией. Так, большинство исследований изучает семиотику в социокультурной парадигме, где культура понимается как знаковая система (М. В. Завьялова, Н. В. Злыднева, И. А. Седакова [18] и др.). С. Зенкин [9] в своих статьях указывает на трансдисциплинарный характер семиотики и необходимость использования диахронического подхода в ее анализе. Анализу современной коммуникативистики и семиотике новых медиа в культурологическом разрезе посвящены работы О. В. Шлыковой [26]. Феномен культурного кода и его знаковая природа представлены в работах В. А. Масловой и М. В. Пименовой [14], культурный код современного медиадискурса и социальных медиа в семиотическом векторе исследуют Л. В. Матвеева, Т. Я. Аникеева, Ю. В. Мочалова, О. Б. Степанова [16] и др. А. А. Лисенкова исследует вопросы знаковой природы социокультурной идентичности и цифровой культуры в современных социальных медиа [13]. Научные труды В. Е. Чернявской во многом посвящены лингвокультурологии, семиотическому анализу текста, а также современной коммуникации в межкультурной проекции [24]. Вопросы семиотики рекламного дискурса и бренд-коммуникации представлены в работах Е. Г. Борисовой [5]. Аванесов С. С. исследует визуальную городскую среду и ее влияние на локальную идентичность в парадигме территориального брендинга [1]. Зарубежная научная мысль в области семиотики и культурологии представлена работами Е. Фарино [21], А. Флаккер [22], О. Ханзен-Леве [23] и др.

Современное общество многие исследователи определяют как информационное (Г. Л. Смолян, Д. С. Черешкин [19] и др.), сетевое (М. Кастельс [11]), общество потребления (Ж. Бодрийяр [4]), общество знаний (Ф. Махлуп [29, с. 5] и др.) и т. д. В современной науке информационное общество изучается не только в традиционной научной теории, но и с точки зрения культуры и культурологического дискурса (И. Д. Тузовский [20], Е. Е. Алтынкович [2] и

др.). В нашей статье мы используем определения «информационное общество» и «общество потребления» применительно к современному обществу. Мы попытались выявить основные признаки данного общества, опираясь на концепции и теории указанных выше авторов, с учетом основных сфер деятельности нового времени.

Экономическая сфера включает информатизацию и роботизацию производства, переход к сфере услуг, наукоемкие технологии, искусственный интеллект, AR и VR, цифровизацию управленческих, корпоративных и производственных процессов и др.

Для общественно-политической сферы характерны развитие правового государства и гражданских инициатив, глобализация политических процессов, укрепление демократии, популяризация социальных институтов, e-government и внедрение цифровых сервисов и продуктов.

В социальной сфере отмечается развитие социальных лифтов и сервисов по взаимодействию власти и общества, приоритетная роль образования и профессиональных компетенций, рост среднего класса, развитие сферы услуг, появление и поддержка населением фондов и благотворительных организаций, интеллектуальное разделение общества, внедрение новых социальных практик и др.

В сфере культуры происходит внедрение цифровых технологий, формирование единого информационно-коммуникационного пространства, востребованность высокого уровня образования и культуры, появление «элитарного» сознания и четкое разведение границ с «неэлитарным», научное знание – социальная сила, развитие массовой культуры, внедрение мультимедиа и нейросетей, появление новых медиа и соцсетей как явления социально-культурного пространства общества.

Таким образом, мы наблюдаем активный переход к цифровизации всех сфер деятельности, который сопровождается цифровым контентом, создание которого основано на знаковых системах. Семиотика участвует в прямой и опосредованной коммуникации государства и общества, бизнеса и потребителей, медиа и целевой аудитории и т. п., что делает ее одним из основных инструментов в создании информационно-коммуникационного контента.

Наше исследование затрагивает семиотический аспект взаимодействия компаний/организаций с обществом в социальных сервисах веб 2.0. В структуру веб 2.0 входят социальные поисковые системы, карты знаний, соцсети, геосервисы, новые цифровые медиа, сетевые закладки, сетевые дневники, нейросети и др. Также ряд компаний развивает свою экосистему, ориентированную на предоставление различных услуг и продуктов населению. Например, экосистема Яндекс включает Я-маркет, Я-такси, Я-кинопоиск, Я-еда, Я-недвижимость и др., чем удобно пользоваться в рамках одной системы в формате мобильного приложения.

Одним из популярных соцсервисов сегодня являются новые медиа (иначе: цифровые медиа, сетевые социальные медиа), которые активно развиваются как интернет-продукт в сфере масс-медиа. Данный тип медиа функционирует с помощью цифровых технологий, реагирует на развитие информационно-коммуникационных технологий и постоянно совершенствуется. В научной среде нет единого мнения относительно определения социальных медиа, исследователи трактуют его по-разному (Б. Айзенберг [28], П. Гиллен [7], Е. Л. Вартанова [6], А. Н. Чумиков [25] и др.). В нашей работе мы ориентируемся на определение, составленное нами на основании различных научных подходов и трактовок, а также из собственных наблюдений: сетевые социальные медиа представляют собой информационно-коммуникационные проекты веб 2.0, ориентированные на взаимодействие интернет-пользователей с целью обмена информацией, мнениями, новостным, образовательным и экспертным контентом по различным темам, в текстовом, аудио-, фото- или видеоформате. Такое взаимодействие развивает социокультурные связи и тенденции, содействует решению общественных проблем и нивелирует острые социальные вопросы, а также способствует диалогу между обществом и властью.

Так, к примеру, московские порталы «Активный гражданин» и «Город идей» активно поддерживают культурные городские проекты, вовлекают горожан в процессы развития городской инфраструктуры, культурно-исторических объектов и т. д. Также стимулируют участие в городских референдумах, по результатам которых участники получают поощрительные баллы, которые можно потратить на билеты в театр, выставку, кино, концерты, либо перечислить эти баллы в какой-либо благотворительный фонд (баллы конвертируются в рубли).

Контент социальных медиа создается с помощью знаков, среди которых инфографика, фирменный стиль, элементы цифрового дизайна, логотипы, иконические знаки, слова-марке-

ры, шрифты и др. Цифровая семиотика интуитивно понятна интернет-пользователям, они легко декодируют смыслы вербальных и визуальных знаковых единиц.

Социокультурная ориентированность сетевых социальных медиа свидетельствует о запросе со стороны общества на контент, относящийся к культуре и искусству, литературе, истории, обучающим мастер-классам, образовательным технологиям, туризму, экологии, ЗОЖ, семейным и личным отношениям, поиску себя и своей профессии и т. д. Информационное общество ориентировано на сохранение национальной культурной идентичности, в которую входит национальное самоопределение, исторические культурные традиции и ценности, а также новые явления, такие как вовлеченность в проекты благотворительности, развития городской среды, электронных референдумов, экологической грамотности и многие другие.

Культура является мощным инструментом в развитии гражданского общества, и правильно выбранная социокультурная стратегия способна сдерживать спорные и негативные тенденции, проникающие в жизнь социума, а также развивать и популяризировать массовую культуру, информационно-коммуникационные технологии, общественно значимые события и новые тренды. Одним из эффективных каналов социокультурного развития общества являются социальные медиа, например, подкасты, ставшие особенно популярными за последние 2–3 года. Подкасты представляют собой канал трансляции аудио- или видеоконтента по различным темам и направлениям, которые пользователи выбирают по своим интересам. Подкасты имеют удобный цифровой формат и работают в основном с помощью сети Интернет (однако некоторые сервисы предлагают опцию загрузки передач из подкастов на смартфоны или планшеты для возможности прослушивания без сети). Каждый подкаст, помимо контента, включает айдентику: свой фирменный стиль, логотип, шрифты, обложку, которые создаются с помощью семиотики.

Результаты исследования. В рамках нашего исследования мы провели семиотический анализ нескольких подкастов (сервис Яндекс Музыка, раздел «Подкасты и книги») для обоснования роли сетевых социальных медиа в формировании социокультурного ландшафта современного общества.

«Российская газета» отмечает, что аудитория подкастов в России на 2023 г. составила более 10 миллионов человек, что также является фактом популярности данных медиа. Так, «лидерами российского рынка подкаст-платформ являются Яндекс Музыка и Apple Podcasts, на которых приходится 60 % аудитории подкастов. Остальные 40 % распределены по другим платформам (VK музыка, Google подкасты и др.)» [17]. Яндекс [10] исследования показывают активный рост популярности подкастов за последние три года, а также увеличение количества подкастов по различным тематическим категориям. Наибольшим спросом у аудитории пользуются категории «общество», «культура», «наука», «образование», «искусство», «бизнес» и ряд других. Большинство слушателей используют смартфоны и планшеты для прослушивания передач, реже пользуются ноутбуками и ПК, этот факт связан с тем, что смартфоны и планшеты более удобны, всегда в доступе, мобильны и небольшого размера.

С точки зрения семиотического анализа обложки подкастов представляют собой вербально-визуальное единство знаков, объединенное одной концепцией с учетом тематики медиаконтента, транслируемого в подкасте. Семиотика помогает создать визуальную идентичность таким медиа, аудитория запоминает обложки и начинает ассоциировать их с конкретным подкастом и его контентом. Многие пользователи, выбирая тему или подкаст, зачастую ориентируются сначала на обложку, на то, как себя визуальное позиционирует подкаст, и только потом анализируют сам контент во время прослушивания. Тем самым, мы можем утверждать, что обложка подкаста, как и логотип бренда, участвует в продвижении медиапродукта и влияет на выбор потребителей.

Приведем несколько примеров обложек подкастов и проанализируем их семиотическую структуру (таблица 1).

С точки зрения семиотики обложки подкастов представляют собой информационно-коммуникационное единство вербальных и визуальных знаковых систем. Знаковая природа обложки включает различные элементы: слова-маркеры, ключевую лексику, объекты и предметы, персоналий и др. В каждом знаке информация передается посредством диады «означающее – означаемое» с учетом интерпретации индивидом того сообщения, который он видит на обложке.

Таблица 1

Семиотическая структура обложек подкастов

Обложка подкаста	Означающее (план выражения)	Означаемое (план содержания)
	Визуальный знак: объект в форме здания.	Ассоциация: многоэтажный панельный дом = город. Интерпретация: многоэтажный панельный дом, который есть в каждом российском городе.
	Вербальный знак: словосочетание «выход в город».	Ассоциация: устойчивое выражение выход в город (др.: выход в свет/выход в люди и т. д.), означающее прогулки по городу, встречи с друзьями, посещение мероприятий, наблюдение за жизнью современного города и его жителей. Интерпретация: урбанистика, история развития городов, их инфраструктуры и жизнь горожан.
	Визуальный знак: пространство со множеством предметов: микрофон, наушники, ноутбук, измерительные приборы, планеты, элементы формул, робот и др.	Ассоциация: микрофон и наушники = аудиоэфир, радио, подкаст; предметы = технологии, наука. Интерпретация: подкаст на тему современных технологий и научных исследований.
	Вербальный знак: словосочетание «детский научный подкаст», также имеет название в форме аббревиатуры ДНК.	Ассоциация: подкаст = аудиопередача; детский = для детской аудитории; научный = о науке. ДНК = научный термин, относящийся к современной науке. Интерпретация: научпоп для детей о технологиях, инновациях, научных открытиях, ученых и интересных фактах.

Также интересна тематика подкастов с точки зрения процесса популяризации социокультурных трендов и вовлечения в социокультурные практики общества. К примеру, подкаст от Третьяковской галереи «С искусством на Т.», где знаковая природа графического элемента «Т» порождает сразу две ассоциации: «быть с чем-либо/кем-либо на «ты», т. е. хорошо, близко знать, разбираться и «на Третьяковке», т. е. в пространстве, вместе с Третьяковкой, таким образом, семиотика обложки подкаста интерпретируется как «хорошо разбираться в искусстве с помощью познавательного проекта от Третьяковской галереи». Следует также отметить, что обложка выполнена в фирменном стиле галереи, в том числе и по шрифтам. Приведем некоторые темы подкаста: выставка «Николай Ульянов. Искусство без манифеста»; «Эпоха романтизма в русском изобразительном искусстве первой половины XIX века»; выставка «Александр Константинов. От линии до архитектуры»; «Музей Виктора Васнецова»; выставка «Герои и современники Серебряного века» и др. Контент ориентирован на художественные произведения и художников, находящихся в собрании Третьяковской галереи, что не только популяризирует искусство, но и продвигает саму Третьяковку как бренд.

Анализируя социокультурную вовлеченность социальных медиа посредством семиотического анализа, мы исследуем знаковую природу сообщения, которое в том числе заложено и в обложке подкаста, поскольку она способна передавать информацию и транслировать идеи и смыслы через диаду «означающее – означаемое», тем самым имея возможность изучать репрезентативные свойства знака. На основе данного подхода нами сформулированы следующие положения.

1. Социокультурная тематика новых медиа (подкастов) передается с помощью знаковой природы различных элементов, где *означающее* – это материальная сторона знака, его экспонент, воспринимаемый индивидом с помощью слуха, зрения, осязания или обоняния, а *означаемое* – это транслируемая в знаке идея, способная породить ассоциативно-эмоциональную рефлексию, сопровождающую основное высказывание.

2. Сообщение, передаваемое обложкой подкаста, представлено языковыми (лексический корпус), визуальными (фирменный знак, шрифты, дизайн, анимация, логотип и др.), графическими знаками (типографика, инфографика, эмоджи, стикеры, хештеги, аватары и гифки и др.).

3. Знаковая система обложки в подкастах, содержащая означающее и означаемое, раскрывает суть сообщения следующим образом: *означающее* – какой-либо объект, предмет, материальная сторона сообщения, *означаемое* – смысловая и эмоциональная связь с подкастом, его контентом, в котором объединяются культурная составляющая и социальные практики.

4. Сетевые социальные медиа являются частью социокультурного ландшафта современного российского общества, продвигают семейные ценности, культурные традиции, просветительский и образовательный контент, ориентированный на повышение уровня знаний населения, новые экологичные и волонтерские тренды и т. д.

Выводы. Семиотика цифровых социальных медиа сегодня носит практический характер, направленный на формирование и развитие новых эффективных способов презентации медиапродуктов, медиаконтента и культурных трендов, как уже существующих, так и новых, появляющихся в результате развития современного информационного общества. Знаковая природа современной коммуникации ориентирована на вербальный, визуальный, графический корпус, интуитивно понятный индивиду, отражающий точные ассоциативные смыслы и образы, а также культурные коды, закрепленные в общественном сознании. С помощью семиотики социальные сервисы веб 2.0 не только являются частью информационно-коммуникационной повестки, но и участвуют в формировании картины мира.

Список литературы

1. Аванесов С. С. Визуальные паттерны городской среды и локальная идентичность // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЕНМА. Journal of Visual Semiotics). М., 2023. Вып. 4 (38). С. 14–36.
2. Алтынкович Е. Е. Динамика культурных ценностей личности в информационном обществе : дисс. ... канд. философских наук: 09.00.13 / Е. Е. Алтынкович. М., 2016. 26 с.
3. Барт Р. Мифологии. М. : Академический Проект, 2008.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика : Культ. революция, 2006. 269 с.
5. Борисова Е. Г., Зотова А. С. Семиотика в инструментарию рекламиста. М. : Гребенников, 2023. № 3. С. 224–230.
6. Вартанова Е. Л. Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. М. : Изд-во МГУ, 1999. 287 с.
7. Гиллен П. Новые агенты влияния. USA : Society for New Communications Research, 2009. С. 66–70.
8. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла : сб. статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2007. С. 606–622.
9. Зенкин С. Семиотика культуры : учеб. пособие. М. : ИД ВШЭ, 2023. 176 с.
10. «Исследования Яндекс». URL: <https://yandex.ru> (дата обращения: 13.05.24).
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
12. Кошетарова Л. Н. Архетип и символ как основные формы выражения культурных смыслов рекламы // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 122–126.
13. Лисенкова А. А. Формирование и репрезентация социокультурной идентичности российской городской молодежи в пространстве социальных медиа : дисс. ... докт. культурологии: 24.00.01 / А. А. Лисенкова. Санкт-Петербург, 2021. 45 с.
14. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М. : ФЛИНТА, 2018. 180 с.
15. Масуда Й. Информационное общество как постиндустриальное общество. Вашингтон : World Future Society, 1983. 171 с.
16. Матвеева Л. В., Анисеева Т. Я. Образ России в сознании российской молодежи: особенности ценностно-смыслового кода культурных представлений / Ю. В. Мочалова, О. Б. Степанова // Психологический журнал. М. : Наука, 2021. Т. 42. № 6. С. 99–110.
17. Российская газета. URL: <https://www.rg.ru> (дата обращения: 13.05.24).
18. Семиотика в прошлом и настоящем / отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. В. Завьялова, Н. В. Злыднева, А. Б. Ипполитова. М. : Институт славяноведения РАН, 2023. 384 с.
19. Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О формировании информационного общества в России // Информационное общество. М. : Институт развития информационного общества, 1998. № 6. С. 8–13.
20. Тузовский И. Д. Культура Цифровой эпохи: утопический и гуманистический потенциал «Информационного общества» : дисс. ... докт. культурологии: 24.00.01 / И. Д. Тузовский. Челябинский государственный институт культуры. Челябинск, 2021. 44 с.
21. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
22. Флакер А. Живописная литература и литературная живопись. М. : Три квадрата, 2008. 428 с.
23. Ханзен-Леве О. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М. : Изд-во РГГУ, 2016. 450 с.
24. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. : URSS, 2023. 200 с.
25. Чумиков А. Н. Медиарилейшнз : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Аспект Пресс, 2014. 184 с.

26. Шлыкова О. В., Карцева Е. А. Российский паблик-арт: актуальные практики и тренды // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 169–181.

27. Eco U. Trattato di semiotica generale. Milano : La nave di Teseo, 2016.

28. Eisenberg B. Understanding and Aligning the Value of Social Media. New York, 2011. 137 p.

29. Godin B. The Knowledge Economy: Fritz Machlup's Construction on a Synthetic Concept. Montreal, 2008. P. 5.

The semiotics of social media in the socio-cultural landscape of modern Society

Zotova Anna Sergeevna

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Social Processes, Media and Advertising Technologies, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (PKU).
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-0025-5332. E-mail: annazot@bk.ru

Abstract. The relevance of the research is based on a new scientific and practical interest in semiotics and its possibilities in the field of digital media when creating media content, digital media products, as well as in the process of popularizing socio-cultural trends through social media web 2.0. The purpose of the work is to analyze the iconic nature of digital social media in the context of the socio-cultural landscape of modern information society. Podcasts and their covers, including an extensive semiotic corpus consisting of verbal, visual and graphic signs as part of the sociocultural code of modern society within the framework of a semiotic approach, are presented as the subject of research on social media web 2.0. The results of the research are the criteria of the semiotic structure of the sign formulated by us on the example of the verbal-visual design of podcast covers, which is a dyad (signifier and signified) capable of material embodiment (object/object) to generate an idea and associative-emotional reflection of an individual. Thus, the conclusion can be the fact that the cover of a podcast, consisting of signs, is able to convey an idea, the main idea, evoke an emotional response and a thematic associative series among the target audience. The iconic nature of podcasts and other digital new media is a semiotic composition of marker words, key vocabulary, fonts, logo, corporate colors, stickers, emojis, infographics, hashtags and more. The content of podcasts as new social media web 2.0 is focused on culture, education, family values, behavioral norms, new social practices (volunteerism, environmental friendliness, reasonable consumption, conscious parenting, etc.). These features form the concept of the modern information society and trends in socio-cultural codes. The scope of the research results includes an interdisciplinary approach to semiotics in the scientific and educational environment, as well as in the field of media communications and business.

Keywords: sociocultural code, semiotics, social media, information society, digital media, podcasts.

References

1. Avanesov S. S. *Vizual'nye patterny gorodskoj sredy i lokal'naya identichnost'* [Visual patterns of the urban environment and local identity] // ПРАЭЗМА. *Problemy vizual'noj semiotiki (ПРАЭЗМА. Journal of Visual Semiotics) – ПРАЭЗМА. Problems of visual semiotics (ПРАЭЗМА. Journal of Visual Semiotics)*. M. 2023. Is. 4 (38). Pp. 14–36.
2. Altyukovich E. E. *Dinamika kul'turnyh cennostej lichnosti v informacionnom obshchestve : diss. ... kand. filosofskih nauk: 09.00.13* [Dynamics of cultural values of personality in the information society : diss. ... of PhD in Philosophical Sciences: 09.00.13] / E. E. Altyukovich. M. 2016. 26 p.
3. Barth R. *Mifologii* [Mythologies]. M. Academic Project, 2008.
4. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. His myths and structures]. M. Republic : Cult. revolution, 2006. 269 p.
5. Borisova E. G., Zotova A. S. *Semiotika v instrumentarii reklamista* [Semiotics in the tools of an advertiser]. M. Grebennikov, 2023. No. 3. Pp. 224–230.
6. Vartanova E. L. *Finskaya model' na rubezhe stoletij: Informacionnoe obshchestvo i SMI Finlyandii v evropejskoj perspektive* [The Finnish model at the turn of the century: Information society and mass media of Finland in a European perspective]. M. Publishing House of Moscow State University, 1999. 287 p.
7. Gillen P. *Novye agenty vliyaniya* [New agents of influence]. USA : Society for New Communications Research, 2009. Pp. 66–70.
8. Dem'yankov V. Z. *Termin "koncept" kak element terminologicheskoy kul'tury* [The term "concept" as an element of terminological culture] // *Yazyk kak materiya smysla : sb. statej v chest' akademika N. Yu. Shvedovoj – Language as a matter of meaning : collection of articles in honor of academician N. Y. Shvedova*. M. Azbukovnik, 2007. Pp. 606–622.
9. Zenkin S. *Semiotika kul'tury : ucheb. posobie* [Semiotics of culture : tutorial]. M. HSE Publishing House, 2023. 176 p.

10. "Issledovaniya Yandeks" – "Yandex Research". Available at: <https://yandex.ru> (date accessed: 13.05.24).
11. Castels M. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: economics, society and culture]. M. Higher School of Economics, 2000. 608 p.
12. Koshetarova L. N. *Arhetip i simvol kak osnovnye formy vyrazheniya kul'turnyh smyslov reklamy* [Archetype and symbol as the main forms of expression of cultural meanings of advertising] // *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Ability*. 2010. No. 4. Pp. 122–126.
13. Lisenkova A. A. *Formirovanie i reprezentaciya sociokul'turnoj identichnosti rossijskoj gorodskoj molodezhi v prostranstve social'nyh media : diss. ... d-ra kul'turologii: 24.00.01* [Formation and representation of the socio-cultural identity of Russian urban youth in the space of social media : diss. ... Dr. of Culturology: 24.00.01] / A. A. Lisenkova. SPb. 2021. 45 p.
14. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Kody lingvokul'tury* [Codes of linguoculture]. M. FLINT, 2018. 180 p.
15. Masuda Y. *Informacionnoe obshchestvo kak postindustrial'noe obshchestvo* [The information society as a post-industrial society]. Washington, D.C. World Future Society, 1983. 171 p.
16. Matveeva L. V., Anikeeva T. Ya. *Obraz Rossii v soznanii rossijskoj molodezhi: osobennosti cennostno-smyslovogo koda kul'turnyh predstavlenij* [The image of Russia in the minds of Russian youth: features of the value-semantic code of cultural representations] / Yu. V. Mochalova, O. B. Stepanova // *Psihologicheskij zhurnal – Psychological journal*. M. Nauka (Science), 2021. Vol. 42. No. 6. Pp. 99–110.
17. *Rossiyskaya gazeta* – Russian newspaper. Available at: <https://www.rg.ru> (date accessed: 13.05.24).
18. *Semiotika v proshlom i nastoyashchem* – Semiotics in the past and present / ed. by I. A. Sedakov, ed. by M. V. Zavyalov, N. V. Zlydneva, A. B. Ippolitova. M. Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. 384 p.
19. Smolyan G. L., Chereshkin D. S. *O formirovanii informacionnogo obshchestva v Rossii* [On the formation of the information society in Russia] // *Informacionnoe obshchestvo – Information Society*. M. Institute for the Development of Information Society, 1998. No. 6. Pp. 8–13.
20. Tuzovskij I. D. *Kul'tura Cifrovoj epohi: utopicheskij i gumanisticheskij potencial "Informacionnogo obshchestva" : diss. ... d-ra kul'turologii: 24.00.01* [Culture of the Digital age: utopian and humanistic potential of the "Information Society" : diss. ... Dr. of Cultural Studies: 24.00.01] / I. D. Tuzovskij; [place of protection: Chelyabinsk State Institute of Culture]. Chelyabinsk. 2021. 44 p.
21. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. SPb. Publishing House of the A. I. Herzen State Pedagogical University, 2004. 639 p.
22. Flaker A. *Zhivopisnaya literatura i literaturnaya zhivopis'* [Pictorial literature and literary painting]. M. Publishing house "Tri kvadrata" ("Three squares"), 2008. 428 p.
23. Hansen-Levet O. *Intermedial'nost' v russoj kul'ture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture. From symbolism to the avant-garde]. M. Publishing House of the Russian State University, 2016. 450 p.
24. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of the text. Linguistics of discourse]. M. URSS, 2023. 200 p.
25. Chumikov A. N. *Mediarilejshnz : ucheb. posobie dlya stud. vuzov* [Media Relations : tutorial for students of higher institutions]. M. Aspect Press, 2014. 184 p.
26. Shlykova O. V., Karceva E. A. *Rossijskij pablik-art: aktual'nye praktiki i trendy* [Russian public art: current practices and trends] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* – Herald of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2022. No. 1. Pp. 169–181.
27. Eco U. *Trattato di semiotica generale*. Milano : La nave di Teseo, 2016.
28. Eisenberg B. *Understanding and Aligning the Value of Social Media*. New York, 2011. 137 p.
29. Godin B. *The Knowledge Economy: Fritz Machlup's Construction on a Synthetic Concept*. Montreal, 2008. P. 5.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(476).084.6«1937-1939»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.067

Молчальники и начальники советской Белоруссии в 1937–1939 гг.*

Казанков Александр Игоревич

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Аннотация. Исследование И. Н. Романовой затрагивает широкий круг проблем: итоги коллективизации в БССР и, в особенности, в ее приграничных районах; восприятие крестьянами социально-экономических и культурных процессов, в которые они были вовлечены; попытки сопротивления интервенциям власти; особенности народной религиозности в условиях гонения на церковь, репрессии в среде советской и партийной номенклатуры и массовые операции; изменения государственной политики и их последствия на институциональном уровне и на уровне повседневной жизни. Книга начинается с рассмотрения происшествия, произошедшего в Лепельском районе БССР в момент проведения переписи населения в январе 1937 г., – происшествия, запустившего целую серию событий и приобретшего в итоге общегосударственное значение. Несмотря на то, что анализ последствий «Лепельского дела» часто уводит И. Н. Романову в область большой политики, она с удивительным постоянством возвращается к исходному пункту – положению белорусских крестьян: колхозников и единоличников. Свой предмет И. Н. Романова целенаправленно ограничивает во времени и пространстве, используя для реконструкции событий различные виды источников: архивные документы; интервью детей, родственников и односельчан участников событий; публикации в периодической печати; нормативные документы. Затронутые в исследовании проблемы и предложенные выводы носят дискуссионный характер, но представляют несомненный интерес для всех, кто интересуется историей предвоенного советского общества.

Ключевые слова: советские крестьяне, БССР, религия, репрессии, советская история.

Вышедшая в серии «История сталинизма» в 2021 г. монография Ирины Романовой «Клеймение Красного Дракона: 1937–1939 гг. в БССР» удачно вписывается сразу в несколько историографических линий. Прежде всего, она продолжает традицию крестьяноведения – при всей хозяйственной, бытовой и религиозной специфике обитателей сел и хуторов белорусского приграничья – это все-таки советские крестьяне. Более того, как убедительно доказывает И. Романова, происходившие именно там в 1937 г. события оказали влияние на крестьянскую политику в масштабах всего СССР. Далее, исследование вызовет интерес историков религиозного сопротивления политике советской власти, церковного подполья, народной религиозности. Поскольку анализируемые в книге процессы быстро перерастут районный уровень, и в них окажется вовлечена номенклатура республиканского и союзного масштаба, они представляют интерес для историографии советских элит. Специалисты, изучающие особенности региональных репрессивных практик, деятельность карательных органов, прокуратуры и суда, советской юстиции в широком смысле, также найдут в монографии И. Романовой немало интересного.

Изложение материала исследования выстроено строго концентрически. Представив общую ситуацию в белорусской деревне второй половины 30-х гг. XX в., автор сосредотачивает внимание на локальном казусе. В январе 1937 г. в ходе подготовки и проведения всесоюзной переписи населения в двух сельсоветах Лепельского района БССР «от ответов на вопросы переписчика отказались примерно 230 чел. из 52 семей. <...> Как отмечалось, боялись переписи очень многие, но здесь ее массово бойкотировали. Первым объяснением властями такого

© Казанков Александр Игоревич, 2024

* Романова И. Н. Клеймение Красного Дракона. 1937–1938 гг. в БССР. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 215 с.

поведения стала религиозная принадлежность тех, кто молчал, их сразу классифицировали как сектантов» [1, с. 42]. Молчаливый бунт был замечен, зачинщиков-«агитаторов» (неграмотных пожилых женщин) арестовали и, что по мнению И. Романовой сыграло в последующем ключевую роль, судили открытым показательным процессом: «Судебный процесс, где основными обвиняемыми были вдовы, которые к тому же не проронили ни слова, не дал предполагаемого ни политического, ни воспитательного эффекта: молчаливники продолжали молчать» [1, с. 47]. Так был пройден первый круг «Лепельского дела», и анализируя все более отдаленные эффекты произошедшего (вторичные, третичные и т. д.), исследование с удивительным постоянством будет к нему возвращаться.

Здесь хотелось бы отметить интересную особенность текста. При интерпретации вышеупомянутого казуса использовались интервью участников событий, бывших на тот момент детьми. Использование технологий *oral history* в данном случае – редкая удача, позволившая зафиксировать непосредственное восприятие произошедшего, живое и эмоциональное.

Второй круг «Лепельского дела» начинается с того, что сведения о событиях в приграничном районе вызвали интерес в ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталина. В нем исходные смыслы случившегося («сектанты, сопротивляющиеся мероприятиям соввласти») оказались полностью перекодированы. Виновниками произошедшего (т. е. самой нелюбви-бойкота и суда над «сектантами») были назначены районные руководители – политически и морально разложившиеся типы, в ходе реализации хозяйственных кампаний злоупотреблявшие властью в отношении крестьян-единоличников. В марте 1937 г. состоялся второй Лепельский процесс – тоже публичный, кстати: «...на скамье подсудимых оказались: председатель Лепельского райисполкома С. Е. Семашко, секретари Лепельского райкома партии Г. М. Паценгель и А. У. Юшкевич, заведующий районным финансовым отделом В. Н. Русанов, районный уполномоченный комитета заготовок при СНК СССР Л. Н. Михайлов, председатель Стайского сельсовета М. М. Гайсенок» [1, с. 60]. Впоследствии подобные процессы прошли волной по всей БССР и даже за ее пределами, а его результатом стало, по крайней мере, декларируемое изменение отношения к крестьянам-единоличникам по всему СССР. Остается вместе с И. Романовой подчеркнуть, что ядро феномена, т. е. нелюбовь и бойкотирование советской власти, эта смысловая инверсия не затронула. Она просто представила его как нечто спровоцированное оторвавшимися от масс самодурами-управленцами.

Эффект от демонстративной и жестокой порки местных начальников оказался непредсказуемым. Автор приводит убедительные свидетельства того, что какое-то время единоличники в БССР отказывались от уплаты налогов и сборов, а районные руководители не смели с них их требовать, поскольку хорошо помнили, чего это стоило их предшественникам.

Третичные последствия «Лепельского дела» приходятся на лето 1937 г., когда смысл его снова перекодируется. В ходе визита в БССР представителей союзного ЦК (Г. Маленкова и Я. Яковлева) выяснилось, что ненависть к мероприятиям, осуществляемым партией и правительством, не просто спонтанно провоцировалась недалекими и неприятными головоотяпами. Она целенаправленно организовывалась агентурой правых, троцкистов и иностранных разведок. И. Романова точно и детально воспроизводит ту вакханалию, которая последовала за этим выводом на всех уровнях советской и партийной управленческой вертикали.

И первый, и второй цикл расправы над местным руководством сопровождался обязательными инспекциями представителей ЦК КП(б)Б «на местах». К достоинствам монографии И. Романовой стоит отнести то, что она внимательно изучила результаты этого «хождения в народ» по-советски. Они впечатляют: «... председатель колхоза им. Ворошилова Ивашкевич, напившись пьяным, надел хомуты и запряг в воз несколько женщин и заставил себя вести в соседний хутор (на расстояние километра или несколько больше); член сельсовета Лазко Ермолай и председатель колхоза Демко Яким заподозрили Лазко Павла в воровстве и решили сами с ним расправиться, завели его в сарай, подвесили вверх ногами к потолку, пытали его различными способами, избив до полусмерти» [1, с. 68].

Еще одним несомненным плюсом исследования является то, что подробный анализ процесса массового (и иногда неоднократного) истребления региональных элит не заслоняют для И. Романовой главной проблемы: как ни трактуй причины нелюбви к советской власти и колхозному строю, она никуда не исчезнет. Именно это обстоятельство и породило, согласно разделяемой авторской гипотезе, параллельный процесс – подготовку и осуществление массовых операций 1937–1938 гг., которым посвящена вся 5 глава моно-

графии. И лепельские молчалиники, как выясняется в ней, стали жертвами «кулацкой операции», что может быть прочитано так: они все-таки «сектанты» и «антисоветские элементы».

Завершается исследование изящным возвращением к началу. В первой половине 1939 г. возглавивший партийную БССР П. К. Пономаренко (человек Г. М. Маленкова) в условиях относительной нормализации, т. е. прекращения массовых операций и «восстановления социалистической законности», начинает публично отстаивать тезис о том, что инициаторы того, самого первого «Лепельского дела» были не так уж неправы. Да, допускали перегибы, но действовали в правильном направлении. Единоличники, а в особенности сектанты, всегда найдут повод для недовольства налогообложением, землеустройством, поставками, принудительными работами и т. п. Районное же руководство стало жертвами вредительских действий разоблаченных республиканских врагов народа. Временные льготы и «налоговые каникулы» для части белорусских крестьян были прекращены, курс на сплошную коллективизацию остался неизменным.

Текст И. Романовой обладает впечатляющей убедительностью. Но главное достоинство качественного исследования часто состоит в том, что, предоставляя ответы на ряд вопросов, оно позволяет ставить новые. В рецензируемой монографии перед читателем предстает картина того, как в одной из советских республик на протяжении ряда лет (примерно с 1934 по 1939 гг.) не действовали не только нормы «социалистической законности», но и элементарные правила морали. В 1937 г. ситуация в БССР дополнилась фактическим институциональным хаосом. В республике не оставалось ни одной не скомпрометированной структуры и полностью отсутствовало представление о том, какие (и чьи) действия являются правильными, кому что можно, а кому что нельзя. В связи с этим возникают два вопроса, которые располагаются словно бы на полях работы И. Романовой: что обеспечило вход в подобную ситуацию и как оказался возможен выход из нее?

Остается добавить, что книга снабжена списком источников и литературы с указанием архивов, с фондами которых велась работа, и указателем имен. К сожалению, ссылаясь на те или иные архивные документы, автор ни разу не привел их название.

The Silent Men and the chiefs of Soviet Belarus in 1937–1939

Kazankov Alexander Igorevich

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture, Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-6647-5047.
E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Abstract. I. N. Romanova's research touches on a wide range of problems: the results of collectivization in the BSSR and, in particular, in its border areas; peasants' perception of the socio-economic and cultural processes in which they were involved; attempts to resist government interventions; peculiarities of popular religiosity in conditions of persecution of the church, repression among the Soviet and party nomenclature and mass operations; changes in public policy and their consequences at the institutional level and at the level of everyday life. The book begins with a review of an incident that occurred in the Lepel district of the BSSR at the time of the population census in January 1937, an incident that launched a whole series of events and eventually acquired national significance. Despite the fact that the analysis of the consequences of the "Lepel affair" often leads I. N. Romanova into the field of big politics, she returns with surprising consistency to the starting point – the situation of Belarusian peasants: collective farmers and sole proprietors. I. N. has his own subject. Romanova purposefully restricts time and space, using various types of sources for the reconstruction of events: archival documents; interviews of children, relatives and fellow villagers of participants in the events; publications in the periodical press; normative documents. The problems raised in the study and the proposed conclusions are debatable in nature, but are of undoubted interest to anyone interested in the history of pre-war Soviet society.

Keywords: Soviet peasants, BSSR, religion, repression, Soviet history.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 929 Поздеев

К юбилею Вячеслава Алексеевича Поздеева

1 октября 2024 года Вячеславу Алексеевичу Поздееву, ведущему ученому в области русской фольклористики и русской литературы, доктору филологических наук, исполняется 75 лет. Большую часть своей профессиональной жизни В. А. Поздеев посвятил Вятскому государственному университету (в прошлом – Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, Вятский государственный гуманитарный университет). В процессе своей научно-исследовательской деятельности В. А. Поздеев подготовил и опубликовал более 200 трудов, свидетельствующих о его разносторонних научных интересах. Вклад В. А. Поздеева в развитие филологической науки измеряется не только его личными достижениями как исследователя, но и подготовленными под его руководством к защите кандидатскими и докторскими диссертациями молодых ученых.

Одно из основных направлений научных изысканий В. А. Поздеева – русское устное народное творчество, а также взаимодействие фольклора и литературы. Его докторская диссертация и монография «Фольклор и литература в контексте “третьей культуры”» (2003) посвящены теоретико-методологическим и культурно-эстетическим аспектам демократической культуры городских низов, создающей свои особые устные и письменные тексты. В исследованиях ученого выявляются закономерности взаимовлияния различных смеховых (сатирических) феноменов фольклорного и письменного происхождения. Исследователь доказывает, что такое взаимодействие представляет собой весьма пеструю картину, но при этом обнаруживается общая тенденция формирования эстетики «третьей культуры», которая просматривается сквозь призму смехового начала. В. А. Поздеев исследует процессы создания, бытования и трансмиссии текстов «третьей культуры», имеющих свою специфику, связанную с определенными «пограничными формами», такими как «устная литература» или «письменный фольклор».

Из работ В. А. Поздеева последних лет, продолжающих изучение «третьей культуры», можно выделить статью, посвященную проявлению такой особенности данного феномена в раннем творчестве М. Горького, как внимание к звуковым образам, создающим эмоциональный мелодраматический фон, базирующийся на закрепленных в массовом сознании смысловых клише. Другая грань той же проблемы представлена в статье об особенностях комсомольских и пионерских песен 1920–1980-х годов. Ученый рассматривает и сопоставляет тематический и жанровый состав песенных сборников различных лет, определяет особенности эмоционально-психологической направленности песен и анализирует отражение в текстах «волнообразного» процесса идеологических изменений в массовой музыкально-песенной культуре советского времени.

Другое направление исследований В. А. Поздеева – литературное краеведение. Многие работы ученого связаны с изучением вятской литературы и местного фольклора.

Серия работ В. А. Поздеева посвящена вятским семинаристам. В их основе лежит написанная в 2011 году монография «Семинаристы в русской литературе XIX – начала XX в.», вслед за которой стали появляться статьи о литературных произведениях, литературных сборниках и журналах, созданных учениками Вятской духовной семинарии в разные периоды – с XVIII до начала XX века. Это исследования, посвященные становлению вятской поэтической школы во второй половине XVIII века, в которых рассматриваются учебники «Поэтики», созданные преподавателями семинарии, и особенности бытования в Вятке жанра оды на мате-

риале рукописных сборников М. А. Ушакова, Г. С. Шутова и А. И. Попова, также анализируется тематическое и жанровое своеобразие этих рукописных сборников и более многосторонне исследуется сборник начала XIX века, созданный Г. С. Шутовым. В. А. Поздеев доказывает, что литература на Вятке во второй половине XVIII – начале XIX века, во многом следовавшая традициям классицизма, сохраняла очень важные особенности – она была важным фактором нравственного воспитания личности и отражала духовный облик людей того времени. В. А. Поздеев обратился и к исследованию создававшихся вятскими семинаристами Василием Трониным, Константином Крекниным и Иваном Покрышкиным поэм-переложений библейских сюжетов и показал особенности интерпретации этими авторами прецедентных религиозных текстов. Совместно с Е. В. Быковой В. А. Поздеев проанализировал журналы вятских семинаристов, издававшиеся во время Первой революции 1905–1907 гг. Особое внимание уделено сатирическим карикатурам, отражающим социально-политические настроения молодежи в указанный период.

Серьезный вклад в изучение вятского фольклора и вятской литературы был сделан в процессе реализации исследовательского проекта, руководителем которого выступил В. А. Поздеев: «Феномен Вятской земли в отечественной литературе» (РГНФ, 2012), в рамках которого была подготовлена монография, раскрывающая своеобразие вятского быта, образа Вятки и вятского характера в литературе. Еще один проект, реализованный под руководством В. А. Поздеева, – «Инерция и новация в вятском этно-фольклорном материале (проблема реалий и номинаций в народном сознании: семантический и поэтический уровни)» (РГНФ, 2016–2017). В ходе работы над этим проектом В. А. Поздеевым был составлен этнодиалектный словарь, отражающий материальную и духовную культуру русских, проживающих в Вятском крае. Также коллективом ученых из Кирова, Йошкар-Олы и Сыктывкара подготовлен сборник научных статей «Этнокультурный ландшафт Восточно-Европейской части России», посвященный исследованиям обрядового и не обрядового фольклора, его региональной локализации и языковым особенностям, и книга «Семантические и поэтические уровни значений реалий и номинаций в народном сознании (на вятском этно-фольклорном материале)», содержащая уникальные примеры высказываний вятских жителей и исследовательские комментарии к ним.

Уникальность многих исследований В. А. Поздеева обусловлена обращением ученого к редким источникам: рукописным и архивным материалам, к записям, сделанным во время экспедиций, посвященных собиранию русского фольклора.

Много сделал В. А. Поздеев и в сфере популяризации произведений кировских и вятских авторов. Он является автором вступительных статей и предисловий к изданиям произведений С. А. Веснина, Н. В. Пересторонина, В. И. Морозова, Н. И. Перминовой и др., составителем второго («Литература», 1995) и восьмого («Этнография. Фольклор», 1998) томов «Энциклопедии Земли Вятской» и сборников «Вятская поэзия XX века» (2005), «Юмор и сатира» (2023) и «Драматургия» (2023) из серии «Антология вятской литературы». В. А. Поздеев – член редакционной коллегии научного альманаха «Традиционная культура» (Москва), член редакционной коллегии журнала «Вестник гуманитарного образования» (Киров).

Вклад В. А. Поздеева в развитие образования и его активная просветительская деятельность отмечены многочисленными наградами: Отличник народного Просвещения (1995); Лауреат литературной премии «За отечествоведение» Союза писателей России (2000); Лауреат премии Кировской области в области литературы и искусства (2003); Лауреат премии детского писателя Л. В. Дьяконова (2008); Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2011), Заслуженный сотрудник Вятского государственного университета (2021).

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (36) (2024)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 06.12.2024 г.
Дата выхода в свет 25.12.2024 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,81. Тираж 100 экз. Заказ № 326.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36